

БОРИС
ВАСИЛЬЕВ

СКОБЕЛЕВ
•
КАРТЁЖНИК
И БРЕТЁР,
ИГРОК
И ДУЭЛЯНТ

Собрание сочинений Б.Васильева

Борис Васильев

**Скобелев. Картёжник и
бретёр, игрок и дуэлянт**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Васильев Б. Л.

Скобелев. Картёжник и бретёр, игрок и дуэлянт /
Б. Л. Васильев — «ВЕЧЕ», 2025 — (Собрание сочинений
Б.Васильева)

ISBN 978-5-4484-5307-6

В данную книгу включены романы «Скобелев», «Картёжник и бретёр, игрок и дуэлянт». Первый из них предоставляет читателю уникальную возможность взглянуть на судьбу и личность легендарного русского генерала Михаила Дмитриевича Скобелева с совершенно новой стороны. В основу второго романа лег подлинный документ из семейного архива автора, давший жизнь увлекательному повествованию. Частная, на первый взгляд, история жизни своего предка позволила писателю предаться глубоким размышлениям о судьбе России века минувшего, неразрывно связанной с веком нынешним.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5307-6

© Васильев Б. Л., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

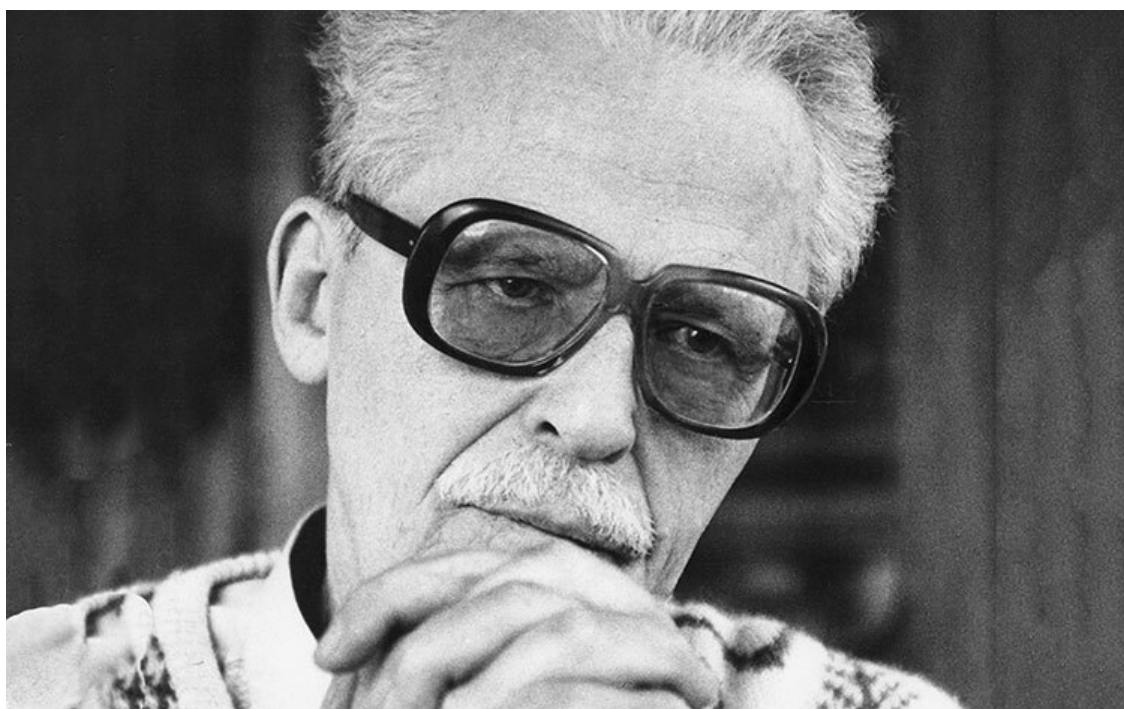
Скобелев	6
Историческая справка[1]	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвертая	34
Глава пятая	43
Часть вторая	53
Глава первая	53
Глава вторая	78
Глава третья	92
Глава четвертая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Васильев Борис Львович Скобелев. картёжник и бретёр, игрок и дуэлянт

© Васильев Б.Л., наследники, 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

* * *

Борис Васильев
(1924—2013)

Скобелев

Историческая справка¹

СКОБЕЛЕВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (1843–1882), генерал-адъютант. Сначала воспитывался дома, потом в Парижском пансионе Жирардэ; в 1861 году поступил в Петербургский университет, откуда через месяц был уволен вследствие возникших между студентами беспорядков. Определился юнкером в кавалергардский полк и в 1863 году произведен был в корнеты. Когда вспыхнул польский мятеж, Скобелев поехал в отпуск к своему отцу, находившемуся в Польше, но на пути туда присоединился в качестве волонтера к одному из русских пехотных отрядов и все время отпуска провел в поисках и погонях за бандами повстанцев.

В 1864 году Скобелев был переведен в Гродненский гусарский полк и участвовал в экспедициях против мятежников. Окончив курс в Николаевской академии Генерального штаба, был назначен в войска Туркестанского военного округа. В 1873 году во время экспедиции в Хиву Скобелев находился при отряде полковника Ломакина. В 1875–1876 годах принял участие в Кокандской экспедиции, где, кроме замечательной отваги, соединенной с благоразумной предусмотрительностью, выказал организаторский талант и основательное знакомство с краем и с тактикой азиатов. В марте 1877 года он был командирован в распоряжение главнокомандующего армией, назначенной для действий в Европейской Турции. Новыми сослуживцами Скобелев был принят весьма недружелюбно. На молодого 34-летнего генерала смотрели как на выскочку, добывшего чины и отличия легкими победами над азиатским сбродом. Некоторое время Скобелев не получал никакого назначения, во время переправы через Дунай он состоял при генерале Драгомирове в качестве простого добровольца, и только со второй половины июля ему стали поручать командование сборными отрядами. Вскоре взятие Ловчи и бои 30 и 31 августа под Плевной обратили на него общее внимание, а переход через Иметлинский перевал на Балканах и бой под Шейновом, за которым последовала сдача турецкой армии Веселя-паши (конец декабря 1877 года), утвердили за Скобелевым громкую и блестящую известность. В Россию он вернулся после кампании 1878 года корпусным командиром, в чине генерал-лейтенанта и в звании генерал-адъютанта. Приступив к мирным занятиям, он повел дело воспитания вверенных ему войск в обстановке, близко подходящей к условиям военной жизни, при этом преимущественное внимание обращал на практическую сторону дела, особенно на развитие выносливости и лихости конницы.

Последним и самым замечательным подвигом Скобелева было завоевание Ахал-Теке, за которое он был произведен в генералы от инфантерии и получил орден Святого Георгия второй степени. По возвращении из этой экспедиции Скобелев провел несколько месяцев за границей. 12 января 1882 года он произнес перед офицерами, собравшимися праздновать годовщину взятия Геок-Тепе, речь, наделавшую в свое время много шума: в ней указывалось на угнетения, претерпеваемые единоверными нам славянами. Речь эта, имевшая резкую политическую окраску, вызвала сильное раздражение в Германии и Австрии. Когда Скобелев затем был в Париже и местные студенты-сербы поднесли ему за вышеупомянутую речь благодарственный адрес, он отвечал им лишь несколькими словами, но крайне задорного характера, при этом еще ярче выражал свои политические идеи и еще резче указывал на врагов славянства. Все это привело к тому, что Скобелев был вызван из-за границы ранее окончания срока его отпуска. В ночь на 26 июня 1882 года Скобелев, находясь в Москве, скоропостижно умер.

¹ Из Энциклопедического словаря. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 56. СПб., 1890.

Император Александр III, желая, чтобы военные доблести связывали войско и флот общими памятованиями, повелел корвет «Витязь» впредь именовать «Скобелев».

Часть первая

Глава первая

1

Лето 1865 года выдалось небывало дождливым. Как начало моросить с Егорьева дня, так и моросило без перерыва все последующие дни и ночи. И если Санкт-Петербург всегда изнемогал от обилия каналов, рек и речушек, из-за чего, как считали москвичи, платья и рубахи с самого утра становились волглыми как бы сами собой, а сахар и соль вечно отсыревали, то теперь с этими напастями познакомилась и жители Первопрестольной. Все ругали погоду, все были мрачны и недовольны, и только лавочники изо всех сил сдерживали радость, поскольку в их умелых руках даже сукна стали короче, будто усыхали, вопреки природе, под непрекращающимся дождем, не говоря уже о законно прибавивших в весе продуктах.

Об этом толковал московский обыватель, трясясь по Тверской в запряженном парой кляч городском дилижансе. Кто называл его «линейкой», кто – «гитарой», удобства экипажа от этого не улучшались. А поскольку «гитара» считалась крытой и в принципе была таковой, но – от солнца, а не от бесконечного дождичка, который и дождичком-то язык называть не поворачивался, настолько он был мелок, жалок, неопределенен, пронзителен и бесконечен, эти его необычные качества особенно сказывались на пассажирах московских «линеек», потому что пассажиры сидели на них по обе стороны, спиной друг к другу, бочком к лошадям и лицом к тротуарам и вода простегивала их не только сверху, но и со всех прочих сторон, в том числе и из-под колес.

– Это ж чего делается-то? Это ж поля вымокнут, на избах опята вырастут, и вся нечисть болотная возрадуется радостно.

– Потоп. Истинный потоп библейский...

От потопа спасались все как могли, но чаще всего – в собственных ковчегах. Только известная всей Москве таганская дурочка Мокрица приплясывала под дождем и очень радовалась:

– Мрыть Москве мокро! Мрыть Москве мокро!

Вздыхали москвичи:

– Знать, прогневали мы Господа своего...

Видать, и вправду прогневали, потому как в ресторане «Эрмитаж» сам собою кругло-суточно начал плакать фонтан, а в Английском клубе, основанном английскими же купцами еще при Екатерине Великой, родилось и само объяснение всемосковского мокрого бедствия. В комнате первого этажа, именуемой аждацией, где лакеи, грумы и прочие сопровождающие лица коротали время за чашкой чаю с разговорами в ожидании господ, кто-то изрек в эти самые мокрые дни:

– Всякое непобеждение в войне меняет климат пространства и населения.

И в этом мудром выводе была немалая доля истины, так как не только москвичи, но и вся Россия глубоко и огорчительно переживала неудачу Крымской войны², и никакие частные победы на Кавказе не могли принести никакого облегчения промокшим душам и телам. Бесспорно, героическая оборона Севастополя роняла капли бальзама на израненные патриотические организмы, но истинную радость жизни и великое торжество духа способны приносить

² См. Комментарии в конце романа.

только звонкие победы, но никак не громкие обороны. Россия жаждала героев-победителей, и никакая отвага и стойкость героев-защитников не могли утолить этой непереносимой жажды. Потому-то и затрубили вдруг все газеты дружно, бодро и весело, когда пришли первые оглушительные телеграммы с далекого-предалекого юга. Из Туркестана, о существовании которого вряд ли слыхивал российский обыватель тех времен. 15 июня 1865 года генерал-майор Михаил Григорьевич Черняев*, командуя отрядом численностью в тысяча девятьсот пятьдесят человек и всего-то при двенадцати орудиях, внезапным штурмом взял какой-то там Ташкент, в котором проживало сто тысяч населения, обороняемый тридцатитысячным («отборным», как подчеркивали газеты) войском, имеющим аж шестьдесят три орудия. Правда, совершил он сей героический подвиг, позабыв поставить о своем к нему стремлении начальство в известность, за что и был немедленно уволен со службы, получив, однако, чин генерал-лейтенанта за дерзостную свою отвагу. И все газеты прямо-таки до удушья зашлись в остром приступе патриотического восторга, ни разу не упомянув о досадной принципиальности государя императора Александра II*.

Долгожданные подвиги эти, что вполне естественно, с особой горячностью обсуждались в офицерских собраниях в звоне хрустальных бокалов. Обер-офицерство предчувствовало как будущие победы, так и будущие ордена с профессиональным трепетом и заранее развернутыми плечами.

– Две тысячи против тридцати! За возрождение, господа!

– Это доказывает теорему высшего воинского мастерства русских генералов!

– Либо безудержное бахвальство нашей прессы.

– Бросьте, Скобелев! Черняев – герой и талант!

– С первым – соглашусь, со вторым – погожу, – усмехнулся молодой офицер в мундире лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. – Полководец доказывает свой талант только второй победой. В противном случае его подвиг – лишь случайная удача авантюриста.

– Завидуете, Скобелев?

– Завидую, – искренне признался гусар. – Но совсем не удаче Черняева, а лишь отваге его. И удача, и успех, и проявление таланта человеческого зависят не столько от него самого, сколько от стечения обстоятельств. А отвага есть всегда проявление воли личности, господа. И потому – за отвагу!

Гусар Мишка Скобелев в юные времена воспринимался окружающими в качествах, так сказать, отдельных. Отдельно – как истый гусар, и выпивоха, добрый приятель без видимых друзей, неутомимый юбочник и лихой дуэлянт. Отдельно – как Скобелев. Как внук рядового солдата, свершившего в Бородинском сражении столь легендарный подвиг, что государь Александр I* в удивлении пожаловал ему и потомственное дворянство, и вечную свою благосклонность, и даже высокий пост коменданта Петропавловской крепости, а его преемник император Николай I* даровал вчерашнему солдату Ивану Никитичу Скобелеву* на этом посту и чин генерала от инфантерии*. Иван Никитич не просто содержал крепость и царскую усыпальницу в образцовом порядке, но и писал весьма популярные рассказы из солдатской жизни под псевдонимом «Русский инвалид», коим и являлся на самом деле, потеряв руку в Бородинском сражении. Его единственный сын Дмитрий Иванович* очень быстро вырос в кавалерийского генерала, известного не только легендарным отцом, но и удивительной даже для Кавказа личной храбростью, заслужившей уважение всех немирных горцев.

А вот внука коменданта-писателя, знакомство с которым Пушкин особо отметил в своем дневнике, названного Михаилом, по сути никто тогда не знал. Мишка получил блестящее образование, свободно болтал на четырех языках, учителя не могли нахвалиться его способностями, но сам он не спешил претворять эти способности в жизнь. К двадцати двум годам он умудрился закончить в Париже пансион Жирардэ, поучиться на математическом факультете Петербургского университета, послужить в лейб-гвардии Кавалергардском полку и даже

побывать в двух заграничных командировках, откуда всякий раз возвращался с иностранными орденами. Так, в Дании, выехав на рекогносцировку с полувзводом улан, бросил в атаку этот полувзвод на пешую колонну немцев, воевавших тогда с Датским Королевством, во главе его врубился в растерявшегося противника, захватил штандарт и ушел с несколькими уцелевшими солдатами. В Сардинии повел на картечь горстку отчаянных головорезов, ворвался на позиции вражеской артиллерии, переколол прислугу и захватил пушку. Дома он, правда, ограничивался дуэлями, почему однажды и вынужден был переметнуться из кавалергардов в гусары. И никто не задумывался, зачем лихому гусарскому офицеру безукоризненное знание иностранных языков, любовь к Бальзаку, Шеридану* и Лермонтову вперемешку с необъяснимой тягой к дамам полусвета, беспробудным попойкам и азартной карточной игре. Все воспринимали его таким, каким он казался, не догадываясь, что Скобелев и сам не подозревает, каков же он на самом-то деле.

2

Если в тот год в Великороссии шли слякотные дожди, то в Средней Азии, которая тогда именовалась Туркестаном, а ее жители – киргизами, бухарцами, хивинцами, туркменами и текинцами, стояла жара, как в русской печи. Рубахи русских солдат уже через полчаса насквозь пропитывались потом, который сразу же высыхал, и одежда гремела, как жесьть. В России об этом не ведали, но дотошные иностранные журналисты, основываясь на богатом опыте собственных завоеваний, неустанно напоминали, что русский медведь претя не туда, где ему следует быть. За всем этим конечно же стояла Британская империя, впервые в своей колониальной истории беспомощно затоптавшаяся в Афганистане*. Это подогревало интерес читающей публики, и американская газета «Нью-Йорк Геральд» первой сообразила послать собственного корреспондента непосредственно на места боевых действий в немыслимо далекий от Америки Туркестан.

Лучше всего для этой цели подходил невозмутимый и весьма добродушный ирландец Макгахан, заработавший опыт и славу на репортажах, статьях и очерках о нравах Дикого Запада. Ныне предложено было ехать на еще более дикий Восток, и Макгахан подготовился к этому заданию весьма серьезно, захватив с собою боевую английскую двуствольную винтовку, двустволку охотничью, восемнадцатизарядный винчестер, три тяжелых кольца, парочку охотничьих ружей, мексиканскую саблю и мачете. И соответствующее количество боеприпасов. Добравшись до Ташкента, он с удивлением узнал, что на пути стоит препятствие, которое не прошибешь и дюжиной добрых винчестеров.

– Увы, господин корреспондент, придется вам завтра же возвращаться в Россию, – со вздохом сказал чиновник, регистрирующий невоенных господ.

– А, бакшиш. – Макгахан был готов к такому началу разговора, поскольку не поленился ознакомиться с некоторыми национальными особенностями администраторов Российской империи.

– Еще раз – увы, – вторично, но куда более огорчительно вздохнул чиновник. – Существует приказ, категорически запрещающий всем европейцам вступать в Туркестанскую область.

– Весьма разумный приказ, – согласился Макгахан. – Европейцы склонны всех считать варварами. Но я не принадлежу к европейцам. Я – гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов, что и написано в моем паспорте.

– Северо-Американских?..

– Да, я – американец, а посему никак не подпадаю под действие вашего очень правильного приказа.

Чиновнику ничего не оставалось делать, как выдать соответствующее разрешение не падающему под приказ иностранцу. Через четыре дня Макгахан вполне легально выехал на поиски генерала Кауфмана* в район непосредственных боевых действий. На местных лошадях он с проводником и киргизом-коноводом прошел сквозь иссохшие полынные степи, пересек пустыню Кызыл-Кум, благополучно добрался до русских войск под Хивую, где с огромным облегчением и раздарил весь свой арсенал русским офицерам, оставив себе только привычный кольт.

Из Великороссии в Туркестан тоже вдруг заспешили самые различные искатели приключений, азарта и экзотики. Молодые офицеры в жажде чинов и славы. Певички, хористки, арфистки и дамы полусвета без определенных занятий. Торговцы, газетчики, рисовальщики, картежные шулера, авантюристы всех мастей и калибров, не говоря уже о людях вполне достойных. И среди таковых самым знаменитым был художник с уже мировой славой Василий Васильевич Верещагин*.

Удачная черняевская дерзость расшевелила дремавшие на границах Туркестана русские отряды. Генерал Романовский с четырьмя из них смело атаковал Идjar, где и разгромил сорокатысячную бухарскую армию, потеряв при этом одного солдата. Не останавливаясь, Романовский продолжал развивать успех, взяв штурмом города Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак. Воодушевленные этими легкими и быстрыми победами, солдаты тут же сочинили песню, под которую легче было маршировать на адовой жаре:

Вспомним, братцы, про былое,
Как в Чиназе на Дарье
Собирались мы живо
Бить эмира в Иджаре.

Греми, слава, трубой,
Мы дрались за Дарьей,
По степям твоим, Чиназ,
Разнеслась слава о нас!

Пели громко и весело, однако ни определенного плана военных действий, ни даже единой системы управления еще не существовало, каждый отряд, равно как и каждый генерал, действовали на свой страх и риск, и долго так продолжаться не могло. В конце концов в июле 1867 года император Александр II лично назначил единовластного военачальника и генерал-губернатора всей Туркестанской территории. Царский выбор пал на широко известного как армии, так и всей России генерал-лейтенанта Константина Петровича фон Кауфмана. В истории русских завоеваний Средней Азии открывалась новая страница.

В то время молодой офицер Михаил Скобелев уже учился в Николаевской академии Генерального штаба. Он жадно глотал воинские науки, неизменно получал высокие баллы, но ни дисциплиной, ни усидчивостью, ни даже старательностью не отличался. Теоретические боевые задачи решал весьма своеобразно, частенько ставя в тупик преподавателей, с ответами на экзаменах не задумывался, но отвечал тоже далеко не так, как того требовали законы академические.

– Противник сильно укрепился в труднодоступной горной местности. – Указка преподавателя с профессиональным изяществом скользила по учебному рельефу. – Вам надлежит ворваться на его позиции. Подумайте и покажите избранный вами маршрут на рельефе.

– Тут. – Скобелев ткнул пальцем в раскрашенный рельеф из папье-маше, не задумавшись ни на секунду.

- Позвольте, это же самое сложное направление. Потрудитесь подумать.
- Думать будет противник, когда я окажусь над его укреплениями с тыла.
- Но по указанному вами пути не пройдет артиллерия!
- Именно поэтому противник меня здесь и не ожидает.
- Но это противоречит всем правилам, признанным военными авторитетами.
- По правилам военных авторитетов воюют только совершеннейшие тупицы.

Именно в академии он и начал получать не одну, как все прочие, а две взаимоисключающие характеристики одновременно. По одной он отмечался как офицер, несомненно обладающий недюжинными военными способностями, житейской непритязательностью, чувством товарищества и даже скромностью. Зато вторая характеризовала его же как самонадеянного шалопая, выпивоху, буяна и весьма дерзкого нахала. Первая принадлежала академической профессуре, вторая – академическим же преподавателям. Какая из них с наибольшей точностью отвечала действительности, определить было невозможно, потому что обе старательно описывали один и тот же характер с двух точек зрения.

Еще не закончив академического курса, Скобелев заскучал и подал рапорт с просьбой отправить его в зону военных действий, то бишь в Туркестан. Однако отец Дмитрий Иванович вовремя спохватился и заставил строптивого сына отозвать рапорт и терпеливо закончить учение. Скрепя сердце Скобелев подчинился, поднажал, закончил академию в первом списке, дающем право выбора места службы, и на законном основании выбрал Туркестанский военный округ.

Перед отъездом его пригласил заведующий кафедрой тактики академии Генерального штаба, генерал-лейтенант, профессор Михаил Иванович Драгомиров*.

– Я предполагал, что вы ринетесь на театр военных действий при первой же возможности, – сказал он, пригласив Скобелева сесть напротив служебного стола. – Я доволен и недоволен вами одновременно, однако убежден, что вы укрепите мое первое впечатление и перечеркнете второе. Натура вы весьма сложная, оценивают вас, скажу откровенно, с двух взаимоисключающих точек зрения, почему я и позволил себе личное письмо со своей оценкой вашего характера. Письмо это я настоятельно прошу вас вручить от моего имени генералу Кауфману.

– Благодарю, ваше превосходительство, но...

– Никакого «но», ротмистр, – строго сказал Драгомиров. – Пекись не о вас, а о будущем русской армии. Исходя из этого, позволю несколько советов относительно воспитания ваших завтрашних подчиненных.

Скобелев недовольно нахмурился и вздохнул, а Михаил Иванович улыбнулся.

– И все же прошу выслушать. Задача первая: что должен делать солдат, дабы победа над врагом досталась ему по возможности дешевле. Задача вторая: какое место во всех занятиях солдата должно быть представлено изустным примером, а какое – личным примером командира. И наконец, задача третья: каким образом различные формы образования солдата слить в мирных упражнениях в одно целое так, чтобы ни одна из них не развивалась за счет другой.

Скобелев смотрел на профессора с искренним удивлением. Он не терпел советов, но то, что говорил генерал Драгомиров, не являлось советами. Ему говорилось о проблемах солдатского воспитания, которые обязан был решать офицер. То есть лично он, ротмистр Скобелев, равно как и все другие поручики и ротмистры, пехотинцы и кавалеристы.

– Письмо прошу лично вручить Константину Петровичу Кауфману, – сказал Драгомиров, вручая конверт. – Расстаюсь с твердой надеждой вскорости встретить вас генералом.

В начале 1868 года выпускник академии Генерального штаба штаб-ротмистр Михаил Скобелев прибыл в столицу генерал-губернаторства город Ташкент. Генерал Кауфман позна-

комиться с ним не спешил, и конверт с рекомендацией Михаила Ивановича Драгомирова долго валялся на самом дне скобелевского сака*. Штаб-ротмистр быстро обзавелся приятелями, а туркестанские ночи стояли на редкость холодными, и как-то на очередной веселой попойке письмо Драгомирова, адресованное Константину Петровичу, послужило отличной растопкой для спасительного дружеского костра...

3

Человек, которому Российская империя была обязана присоединением жирного куска территории, генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман отличался отменной уравновешенностью, иногда, впрочем, прерываемой приступами вспыльчивости, в которых он тут же искренне раскаивался, отсутствием юмора, но пониманием, что тот в принципе имеет право на существование, и немецкой любовью к порядку. Он не любил офицерского озорства, шумных попок, а уж тем паче дуэлей, запрещенных, а потому и строго наказуемых, но, как ни странно, не любил и самих наказаний за это нарушение. Он вообще относился к своим подчиненным по-отечески, стараясь выискивать по возможности наказания мягкие, но при этом стремился избавиться от нарушителей спокойствия как можно скорее. Генерал Драгомиров отлично изучил его нрав, отчего вопреки всем правилам и собственным принципам и снабдил строптивного Скобелева рекомендательным письмом, весело сгоревшим на не менее веселой офицерской пирушке в холодную ночь.

В одну из таких темных ночей и случилось событие, послужившее причиной личного знакомства генерал-лейтенанта фон Кауфмана со штаб-ротмистром Михаилом Скобелевым.

Несмотря на многочисленные поражения, неуловимые то ли бухарские, то ли кокандские шайки продолжали активно действовать в тылу русских войск, поскольку никакого фронта не существовало, да и существовать не могло на огромной территории при весьма ограниченной численности русских. Единственным спасением от дерзких налетов служили усиленные кавалерийские разъезды и дозоры, они бдительно охраняли, особенно по ночам, и сам Ташкент, до которого, случалось, добирались особо отчаянные джигиты не столько во имя отмщения, сколько ради угона скота и грабежа мирного населения. И в одну из темных ночей казачий разъезд неожиданно услышал странные крики.

– Середина, что ли? Черт, ну и темнотища! Собственного пистолета не вижу.

– Считайте шаги, поручик!

– А зачем? Мы все равно друг друга не видим. Скорее пистолетами столкнемся...

– Полагается по дуэльному кодексу. Вы когда-нибудь видели хоть одного сардинца?

– Нет, но сардинки видел. В банках. Хорошая закуска под мадеру, доложу вам...

– А может, ротмистр этот... Скобелев, что ли?.. Выдумал про сардинскую дуэль? Это же глупость несусветная: в крошечной темноте друг в друга палить.

– Зато романтично, господа. Ночь, прохлада, звезды в небе. Командуйте, капитан, командуйте.

– В этакой-то черноте? Может, я к ним, к дуэлянтам, вообще спиной сейчас стою. Или нас с вами, ротмистр, уже и на самую линию огня вынесло. Представляете, если они с двух сторон одновременно из револьверов шархнут?

– Не тяните время, капитан. Орем на весь Туркестанский край вместо того, чтобы делом заниматься.

– Ну, черт с вами, ротмистр. Слушай команду! Сходитесь! После трех шагов имеете право стрелять. Раз... Два... Три!..

В темноте раз за разом застучали частые револьверные выстрелы. Кто в кого палил, было неясно, но казачий подьесаул приказал своим казакам дать залп в воздух. Наступила тишина, и подьесаул заорал, срывая голос:

– Прекратить стрельбу! Бросить оружие! Вы окружены, в случае неповиновения открываю огонь!..

Вся шумная компания была арестована и препровождена в штаб командующего. Кауфман вообще вставал очень рано, а уж ради такого случая явился незамедлительно и тут же приступил к допросам задержанных, однако штаб-ротмистру Скобелеву пришлось помяться, поскольку он был вызван последним.

– Штаб-ротмистр Скобелев! Честь имею явиться!

Генерал долго глядел на него прищуренными от недосыпа глазами. Потом спросил с какой-то незаинтересованной ленцой:

– Вы-то хоть бывали в Сардинии?

– Так точно, ваше превосходительство! Награжден орденом, врученным лично Его Величеством королем Сардинии!

– И с какой же мыслью вы придумали эту идиотскую дуэль в кромешной мгле?

– Только ради ее идиотского исполнения, ваше превосходительство.

– Не вполне уразумел. Извольте пояснить.

– Мне хорошо известно, что дуэли категорически воспрещены Его Императорским Величеством, однако сие абсолютно правильное решение натывается на преувеличенное представление о чести среди господ офицеров. Исходя из этого я предложил дуэль сардинскую: пальба из полного барабана, но в полной темноте. Это наиболее гуманная из всех дуэлей, известных мне.

– Но ведь ее же не существует в природе, ротмистр, – вздохнул Кауфман.

– Безусловно, ваше превосходительство. Однако никто из офицеров местного гарнизона толком не знает даже, где находится эта самая Сардиния, не говоря уже о ее обычаях.

– Следовательно, выдумали?

– Скорее обдумал, ваше превосходительство. При ясном свете дуэлянт вынужден либо стрелять, подвергая жизнь товарища опасности, либо отказаться от выстрела, неминуемо и навсегда теряя свою честь. А тьма весьма благодетельна. Дуэлянт может пальнуть в небо, сберегая жизнь товарища, либо лечь на землю, сберегая жизнь собственную. Таким образом нарушение императорского запрета обретает форму несколько, так сказать, эфемерную. Осуществляется как бы извечная девичья мечта: получить удовольствие, сохранив невинность.

– Идея, бесспорно, блистательная, – сказал, помолчав, Кауфман, усилием воли сдерживая рвущуюся из-под усов улыбку. – Однако дуэль состоялась и, следовательно, состоялось и дерзкое нарушение категорического запрета государя императора. В самой дуэли вы, правда, участия не принимали, но являлись ее вдохновителем и изобретателем. Что печально, потому что я имею честь быть в дружеских отношениях с вашим батюшкой еще по Кавказу и глубоко чту вашего деда. Получите устный выговор за вдохновение и не вздумайте теперь переносить что-либо из обычаев Датского Королевства на русскую почву. Можете идти, ротмистр. И не болтайте об этом попусту.

Константин Петрович никогда не предавал огласке свои как служебные, так и частные разговоры, но слух о его беседе с ротмистром Скобелевым все же вырвался из стен кабинета. Виной тому был туповатый адъютант самого командующего, красавец кирасир, сын известного генерала и боевого друга Кауфмана. Потешались над незадачливыми дуэлянтами, попавшими на скобелевскую удочку, над фарсовостью ситуации, но самого ротмистра, как правило, не задевали. Наоборот, в этом необычном происшествии он выглядел скорее антрепренером, нежели водевильным героем.

Ночные «сардинские» дуэли прекратились, смолкла пальба в темноте, да и сам Скобелев немного утомился. Во всяком случае, не мелькал без надобности перед начальственными глазами. Занимался гусарским полуэскадроном, в котором временно замещал заболевшего командира, и офицерская молодежь поговаривала, что столичный хлыщ поджал хвост

после первого же сурового разговора с Константином Петровичем. Однако же тут случилось событие, заслонившее собою все шуточки, сплетни и пересуды.

Дело было и вправду из ряда вон выходящим. Сотня уральских казаков, сопровождавшая перегон купленных для армии верблюдов, попала в окружение, хорошо продуманное и подготовленное командиром кокандского отряда. Окруженная со всех сторон джигитами, сотня вела трехсуточный непрерывный бой с четырьмя тысячами отлично вооруженных кавалеристов, решительно отвергая многочисленные предложения сложить оружие и сдаться на милость победителя. Трое суток без малейшего отдыха, без воды при страшной жаре держались казаки за спинами собственных лошадей, пока не подошла подмога. Командовал сотней немолодой серьезный есаул Серов, мгновенно ставший самым знаменитым человеком во всем Туркестане.

Скобелеву не терпелось лично засвидетельствовать свое восхищение казакам, но он выждал, когда спадет первый ажиотаж. Ему хотелось потолковать с их командиром, а не просто поздравить уральцев с победой да выпить с ними добрую чарку. А выждав время, пришел. Поклонился казакам, долго, прочувствованно, двумя ладонями тискал руку есаула, выпил, как положено, а потом все же отвел Серова в сторонку ради того разговора, который уже обдумал.

– Как в засаду попал? Неужто дозоры проворонили?

– Наши дозоры кокандцы без шума ножами сняли. – Есаул невесело усмехнулся. – Любопытствуешь?

– Знать хочу. Мне воевать с ними.

– Другое дело. – Есаул спрятал усмешку. – У них текинские кони. По пескам сутки без еды скакать способны. Не уйдешь и не догонишь.

– А вооружены как?

– Эти английские скорострелки имели. И первым делом всех наших коней постреляли.

– На скаку?

– На скаку они стреляют скверно. Но им и не надо было на скаку стрелять. Их винтовки дальнобойнее наших бердан. Так что с седел и палили. Прицельно и не спеша.

– А ты что предпринял?

– Конскими трупам огородился со всех сторон да и залег с казаками.

– Атаковали часто?

– Совсем не атаковали. Измором хотели взять, потому и орал, чтобы мы на милость сдались. А мы, как на грех, без воды оказались, рассчитывали на колодцы впереди.

– Как же вы три дня под солнцем...

– Копыта дохлых лошадей лизали, перед рассветом они мокрыми становятся. Ты учти это, ротмистр, когда всерьез воевать с ними придется.

– Учту непременно. Спасибо за науку, есаул.

– И еще одно, – сказал есаул. – Так, для памяти. Их джигиты у своих убитых коней хвосты отрубают вместе с репицей. Хан за отрезанный хвост нового коня дает. Потому как это – доказательство того, что конь в бою пал. Так что ежели где бесхвостого коня увидишь, знай, что джигиты тут проходили. Воины, а не банды какие.

– Еще раз спасибо тебе большое, есаул. Давай обнимемся на прощанье.

Казаки получили ордена и медали, сами выбрали казенных лошадей взамен убитых, с удовольствием надели новую форму, подогнали выданное им новенькое снаряжение и ускакали на свои беспокойные рубежи. А Скобелев за это время сдал полуэскадрон выздоровевшему законному командиру и скучно околачивался при оперативном отделе.

Сейчас он избегал былых шумных компаний. Светские сплетни и слухи о том, что бравый гусар перепугался суровой выволочки Кауфмана, доказали, что друзей у него нет, а есть лишь собутыльники да случайные приятели. Кроме того, он все время думал о разговоре с есаулом Серовым, который старательно, слово в слово, занес в специально купленную ради этого толстую тетрадь.

Друг объявился сам. Да не какой-нибудь, а проверенный на совместном пансионном житье в городе Париже. Негромкий, улыбочивый юный княжич Насекин: единственный, к которому все обращались только на «вы», потому что сам князь признавал только такую форму общения даже с прислугой. Скобелев не видел его со времен своего скоротечного обучения в университете, не знал, закончил ли он его, как живет и что подельвает. И обрадовался его внезапному приходу до того, что даже сграбастал в объятия, хотя знал, что князь не очень-то жалуется столь бурные проявления чувств.

– Серж, дорогой вы мой! Вот уж кого не ожидал увидеть в пропыленной глуши нашей, так это – вас. Каким ветром занесло вас в эти Палестины?

– Говоря откровенно, меня об этом попросили, и я сразу же согласился.

– Кто же вас попросил? – поинтересовался Скобелев, слегка уязвленный княжеской прямотой.

– Наш ментор, Скобелев. Монсеньор Жирардэ.

– А... Простите, не очень понял. С какой целью?

– Он немного стесняется своего французского акцента, оттого и пожелал, чтобы я сопровождал его.

– А что у него за надобность в Туркестане?

– По-моему, просьба вашей матушки Ольги Николаевны, отказать которой у него всегда недоставало сил.

Скобелев окончательно запутался во всех причинах и следствиях. Но, сосредоточенно помолчав и основательно подумав, спросил напрямик:

– Значит, уважаемый мэтр Жирардэ прибыл проверять, как я себя веду? Кто же матушке на ушко нашептал, интересно?

– Я не коллекционирую чужих секретов, Мишель. – Князь улыбнулся бледной усталой улыбкой.

– Прощения прошу, Серж. – Скобелев вздохнул. – Всю жизнь под присмотром хожу.

– Понимаю ваши чувства, Мишель, однако... – Князь Насекин достал хронометр, щелкнул крышкой. – Однако прошу извинить. Через тридцать семь минут наш мэтр ждет нас в ресторане славного города Ташкента.

– Согласитесь, князь, что все это по меньшей мере странно, – недовольно бормотал Скобелев, пристегивая саблю. – Меня воспитывают раньше, чем я даю повод для этого...

Настроение его было вконец испорчено, и он надутно молчал всю дорогу. Насекин молчал тоже, благо до единственного ресторана Ташкента было рукой подать. То ли потому, что в чем-то соглашался с другом, то ли потому, что не соглашался, но, как всегда, не спорил по свойственной ему крайней щепетильности.

Они вошли в небольшой ресторанчик, открытый расторопным армянином в основном для господ офицеров. Еще у входа Скобелев заметил своего старого наставника, однако месье Жирардэ был не один. Рядом с ним сидел бородатый молодой человек в партикулярном платье*, которого ротмистр сразу же узнал, хотя до сей поры знаком с ним не был, поскольку никто их друг другу не представлял. Это был художник Василий Васильевич Верещагин, которого Кауфман прикомандировал к себе с титулом «состоящего при генерал-губернаторе прапорщика». Увидев вошедших, «состоящий при генерал-губернаторе прапорщик» тотчас же встал, протянул Скобелеву руку и добродушно улыбнулся:

– А вот и наш гусар-шалунишка!

Скобелева бросило в жар: он терпеть не мог развязной фамильярности. А поскольку застал Верещагина за столом вместе с Жирардэ, то тут же и решил, что именно этому «состоящему при генерал-губернаторе» он и обязан приездом в Ташкент самого Жирардэ. Сухо ответив на рукопожатие, сказал неприязненно:

– Теперь я, кажется, понял, в чем состоят обязанности состоящего при губернаторской особе.

Сейчас уже Верещагина бросило в жар, но он сдержался. И даже заставил себя улыбнуться почти с прежним добродушием:

– Не горячись, Скобелев. И крестись, коли что кажется.

– Мы уже перешли на «ты»?

– С этого мгновения, – сказал Василий Васильевич. – Питаю необъяснимую слабость к натурам дерзко откровенным.

– Мишель, – по-французски начал было месье Жирардэ, и в тоне его прозвучала мягкая укоризна. – Мы так мило беседовали о Париже...

– Простите, господа, вынужден вас покинуть. – Верещагин поклонился, пошел было к выходу, но остановился: – А ведь мы непременно станем друзьями, гусар. У меня – предчувствие.

И вышел.

– Садитесь, друзья мои, – расстроено вздохнул Жирардэ. – Никогда не следует горячиться, Мишель. Никогда. Я заказал обед по рекомендации любезного господина Верещагина. Вам необходимо извиниться перед ним, Мишель. Необходимо. И не откладывайте сего благородного поступка в долгий русский ящик.

Скобелев недовольно фыркнул, но промолчал.

Глава вторая

1

Двадцатитрехлетний художник Василий Васильевич Верещагин возвращался домой в странном, каком-то раздвоенном настроении. С одной стороны, он чувствовал себя оскорбленным каким-то неясным для него, но явно гнусным подозрением, а с другой – был в известной мере очарован дерзкой искренностью молодого ротмистра. Он всегда высоко ценил человеческую откровенность, и потому это «второе» и перевешивало сейчас «первое» в его душе. Он и себя считал человеком порывистым, готовым на поступки необдуманные, продиктованные куда чаще темпераментом, нежели рассудком, но был скорее человеком решительным, правда, не терял при этом способности поступать порою импульсивно. Например, он сжег три свои картины («Забывтый», «Окружили – преследуют» и «Вошли») более под влиянием минуты, чем после зрелого размышления.

Как только он прибыл в Ташкент, Кауфман прикомандировал его к себе с титулом «состоящий при генерал-губернаторе прапорщик Верещагин» только ради того, чтобы дать ему как можно больше свободы ходить, смотреть и рисовать не только быт, но и боевые действия без придинок местных командиров. И в том огромном военном лагере, который тогда представлял собою Туркестан, это оказалось огромным преимуществом, которое Верещагин весьма быстро оценил.

Он впервые заметил ротмистра Скобелева на скромной выставке собственных рисунков, организованной Кауфманом, и молодой гусар ему понравился. А заметил потому, что уже был наслышан и о безудержных попойках Мишки Скобелева, и о суточных карточных играх, и в особенности о «сардинских» дуэлях, юмор которых оценил по достоинству. Ничем иным Скобелев тогда не выделялся и мог только мечтать о той воинской славе, которая досталась художнику Верещагину.

Василий Васильевич приехал в Самарканд на второй день после его сдачи русским войскам и был, по его собственному признанию, «ослеплен и подавлен» красотой древней сто-

лицы Тимура*. Он бродил по городу и разъезжал по окрестностям, поражаясь, удивляясь и бесконечно зарисовывая увиденное. Помощник самаркандского коменданта майор Сергеев напрасно умолял его не рисковать жизнью понапрасну, но Василий Васильевич не обращал ни малейшего внимания на его предостережения и уговоры, ежедневно с раннего утра, а то и лунной ночью продолжая смотреть, удивляться и – рисовать.

Однако напряженные отношения с Бухарой не позволяли генералу Кауфману долго оставаться в городе. Он двинулся вперед с отрядом в полторы тысячи человек, оставив в Самарканде гарнизон численностью около пятисот солдат и офицеров под командованием коменданта барона Штемпеля. Очарованный древней Маракандой*, Верещагин не последовал за войсками, с прежним упорством бродя по узким улочкам, не уставая восхищаться великолепием мечетей, дворцов и гробниц. Однако через несколько дней, когда он, утомленный утренней прогулкой, пил чай в доме, в котором его поселили, внезапно раздались выстрелы и дикие крики: «Урр!..» Схватив револьвер, он бросился на шум.

Как потом выяснилось, около двадцати пяти тысяч восставших узбеков поговору с самаркандцами ворвались в город и завязали бои на его узких и тесных улочках. И бои эти длились восемь дней без малейшего перерыва.

Верещагин успевал всюду. Отбивал бешеные атаки восставших, отстреливался, вспомнив выучку в Морском корпусе, несколько раз схватывался врукопашную и только чудом выходил из боя живым. Однажды его схватили и затащили в лавочку, но подоспевшие солдаты успели его отбить.

Одна из внезапных атак неприятеля на артиллерийскую батарею оказалась особенно грозной. Солдаты дрогнули и заметались, их командир полковник Назаров напрасно кричал и даже бил их шашкой, это только усиливало панику. Тогда Василий Васильевич сам бросился вперед с ружьем наперевес:

– За мной, братцы!..

Рядом с ним было убито около сорока человек, все парусиновое пальто его было залито кровью: с того дня он ходил в атаки в одной рубашке и холщовых штанах. Поярковую шляпу* его сбilo пулей, и Верещагин вынужден был надеть на голову чехол от офицерской фуражки, чтобы уберечься от беспощадного туркестанского солнца. Однажды пуля ударила в ложе винтовки, которую в этот момент он, по счастью, нес поперек груди, камнем разбило ногу, да так, что кровь с трудом остановили. Отчаянный штурм продолжался восемь дней и восемь ночей без единого перерыва; силы защитников были уже за пределом человеческих возможностей, и на военном совете решено было взорвать крепость в случае прорыва противника. Против решительно выступил только Василий Васильевич:

– Взорвать всех – проще простого и как-то уж очень по-военному. Но в крепости Самарканд не только военные и не только русские. Здесь укрылись и армяне, и мирные киргизы, и евреи, и Богвесть, кто еще, но все – с семьями. С женами, детьми, стариками. Вправе ли мы жизнью их распорядиться? Думаю, что нет у нас такого права.

– Да их все равно перережут, Василь Васильич! – вздохнул полковник Назаров. – Нет, не прав ты. Ради чести воинской, ради знамен и пушек, которые потом по нашим же стрелять будут, мы должны взорвать всю крепость, когда своей крепости не хватит.

– Всех перережут? – тихо спросил Верещагин, и все примолкли. – Откуда уверенность такая, полковник? Да если хоть один мальчонка, хоть девочка одна крохотная уцелеет, и то – благо великое. Нет таких крепостей, чтобы ради их взрыва, ради чести, знамен да пушек хотя бы один безвинный ребенок погиб!

Весь гарнизон, все, спрятавшиеся в крепости, звали Верещагина одинаково: «Василь Васильич», как самого близкого, почти родного человека. Он таким и был. Несмотря на страшную усталость, перевязывал раненых, находил ободряющие слова для растерявшихся и даже умудрялся хоронить убитых.

– Я не помню, чтобы я спал, – говорил он впоследствии. – Порой проваливался в черноту, но никак не более чем на полчаса.

Пять раз посылали вестников из мирных киргизов, что тоже прятались в крепости вместе с семьями, и четыре раза их отрубленные головы осаждающие перебрасывали через стены обратно в крепость. До Кауфмана добрался только пятый, который и передал ему написанную по-немецки записку от коменданта барона Штемпеля: «Гарнизон в крайности. Более половины людей перебито и перерезано. Нет ни воды, ни соли». Кауфман немедленно двинулся к Самарканду форсированным маршем, поднял на штыки осаждавших, сжег базар, и только тогда запахнулись крепостные ворота.

– Наибольшим героем осады показал себя состоящий при вашей особе прапорщик Верещагин.

Таковы были первые слова коменданта крепости дважды раненного барона Штемпеля. Прежде официального рапорта.

– Верно, ваше высокопревосходительство, – прохрипел тяжело опиравшийся на винтовку унтер. – Раньше чем нашему Василь Васильичу никому крестов давать невозможно.

– А где же сам Верещагин? – удивленно спросил Константин Петрович оглядываясь.

Бросились искать, но нашли с трудом. Василий Васильевич крепко спал в углу прохладного каземата. А когда его, не проспавшегося, доставили в штаб, где генерал Кауфман при всех объявил ему личную благодарность, заявил:

– А вот у меня нет к вам никакой благодарности. Вы ушли, крепость не устроивши.

У Константина Петровича хватило ума и такта не обратить на эту дерзость никакого внимания. И спокойно продолжить тем же задушевым тоном:

– Высоко ценя вашу храбрость и преданность государю, я решил ходатайствовать перед Его Императорским Величеством о награждении вас офицерским Георгиевским крестом, уважаемый Василий Васильевич.

– Вот уж нет! – закричал вдруг Верещагин. – Нет, нет и нет! Откажусь прилюдно и со скандалом!

Теперь пришла очередь свирепеть Кауфману. Вначале он просто орал, но Верещагин тоже орал в ответ. Тогда Константин Петрович переменял тон и начал его уговаривать, но упрямый, грязный, не выспавшийся и бесконечно усталый художник упорно твердил свое. Кауфман замолчал, сдвинул брови и пошел прямо на Василия Васильевича. Верещагин примолк и начал пятиться, пока не уперся спиной в стену. И как только это случилось, генерал молча снял офицерский Георгиевский крест с собственной груди и нацепил его на Верещагина.

– Я носил его пятнадцать лет с честью и достоинством. Посмейте только снять!

2

Об этой истории поведал Жирардэ в общих чертах еще за обедом: подробности Скобелев узнал от самого Василия Васильевича позднее, когда они и вправду подружились. Но и услышанного сейчас было достаточно, чтобы обозвать себя дураком и надуть слушать нравоучения достопочтенного мэтра.

– Простите, мой дорогой, но как вам могла прийти в голову идея какой-то странной дуэли в полной темноте? Шутка весьма дурного вкуса, о чем его высокопревосходительство и уведомил вашего батюшку в специальном послании. Ваш батюшка написал ответное письмо, которое зачитал мне.

– И что же он пишет? – угрюмо поинтересовался Скобелев.

– Он просит его высокопревосходительство не держать вас более в Ташкенте, а командировать в отряды, действующие против номадов*. А матушка просила справиться о вашем здоровье и питании. Кроме того, она прислала вам посылку...

В посылке из отчего дома оказалось и отцовское вложение: бутылка отменного коньяка, что весьма обрадовало беспутного сына. В тот же вечер, едва проводив месье Жирардэ до снятого им номера в гостинице, ротмистр сунул завернутую в бумагу бутылку под мышку и отправился разыскивать Василия Васильевича.

Верещагин встретил его в изрядно перемазанном красками халате, но, видимо, со сна, а не от мольберта, и потому выглядел несколько недовольным, сказал:

– А!..

– Вот именно, – проворчал Скобелев и поставил на заваленный рисунками стол заветную отцовскую бутылку. – Давай мириться, Верещагин. Я был свински не прав.

– Мириться готов, только не за этим столом. – Василий Васильевич первым делом переставил бутылку, мгновенно оценив ее. – Неплохой коньячок нам предстоит, ротмистр. Правда, пить придется из кружек. Это тебя не слишком огорчит?

– Было бы что пить.

– Тут мы с тобой сходимся. – Верещагин притащил две солдатские кружки, кое-какую снедь и расположил все это на измазанной засохшими красками какой-то подставке. – Закуска, конечно, не ахти, но ты уж извини вольного художника.

Он сам деловито открыл бутылку, плеснул в стаканы.

– Ну?

– Прощаешь?

– Я, Мишка, искренность превыше всех качеств человеческих ценю, потому как Россия врет. Врет вся сплошь и сплошь беспардонно, привычно и равнодушно.

Они со вкусом выпили, со вкусом закусили. И только после этого Скобелев спросил:

– А где твой офицерский Георгий?

– Где-то в ящике валяется.

– Зачем же? Я свои ношу. Вот этот – Датского Королевства, а этот пожалован мне королем Сардинии.

– На мундире ордена смотрятся. А на блузе художника – извини, вроде блямбы не по чину.

– Надо по второй винной порции принять непременно, – вздохнул Скобелев. – Разговор – как на светском рауте. А мне хотелось бы по душам.

– Ну, давай по душам.

Приняли по второй и почему-то замолчали. Потом ротмистр спросил, не весьма, впрочем, уверенно:

– Ты знал, что смел до отчаянности?

– Знал? – Верещагин пожал плечами. – Нет. Скорее, наоборот. Я в детстве темного леса боялся. Особенно когда кругом – одни матерые ели. И – ветер. А они шумят и лапами машут.

– А в рукопашной как же? Там ведь не лапами, там саблями машут.

– А о тебе вон солдаты легенды складывают.

– Там – другое, там лица видны. Знаешь, я совершенно отчетливо помню свирепые, перекошенные какие-то рыла. Помню красные отблески пожаров на солдатских штыках и до сей поры слышу хриплые, сорванные крики офицеров, подававших команды. И, поверишь ли, какой-то голос будто шептал мне: «Ты не погибнешь. Ты все запомнишь, что увидишь, и нарисуешь потом в своих картинах».

– А что же тогда, по-твоему, воинская храбрость?

– Храбрость?.. – Верещагин снова пожал плечами, что было его любимым жестом в затруднительных обстоятельствах. – Что-то особо яростными храбрецами мне они не показались. По-моему, тот, кто ярость и злобу свою сумел волею своей в себе подавить, кто и в бою ума не теряет, только тот воистину храбр. Мне, Миша, отец в детстве еще про деда твоего рас-

сказывал, как он в атаку полк за собою вел в битве под Бородином. Ведь не темная же ярость его вела? Как считаешь?

– Не знаю, что тебе и сказать... – Скобелев неуверенно улыбнулся.

– У нас на Руси издавна храбрость да отвага воинская превыше всего ценятся. Может, об этом он думал? Он же все уже доказал, и себе, и всем. Полк уж догнал его, дед ранен был, а все равно бежал. Не потому ли он, уж обессилев, уж еле на ногах держась, на врага бежал, что о своем же будущем думал? О сыновьях, обо мне.

– Мистика какая-то.

– Может, и мистика, а только отец у меня – генерал, я Академию Генерального штаба закончил, карьера впереди, если сам ее не испорчу. Я ведь – крестьянский внук, Вася. Мои сестры – тоже, естественно, внучки крестьянские – и того больше. Одна – графиня, вторая – княгиня, а третья аж за герцога Лейхтенбергского замуж выходит. Не об их ли счастье дед мой Иван Никитич думал, когда, кровью истекая, искалеченным на противника бежал и бежал?.. Вот о чем я иногда задумываюсь, а это очень опасно, потому что военный человек только над картами задумываться должен.

– Над картой или над картами, гусар? – улыбнулся Василий Васильевич.

– Как над теми, так и над другими! – рассмеялся Скобелев. – Наливай, Вася, добрый коньяк кровь полирует...

Отполировали кровь полукружечками, помолчали. Потом гость сказал задумчиво:

– В серьезных делах мне еще бывать не приходилось, но в тех налетах, которые на мою долю достались, мне празднично было. Будто бережет меня кто-то, будто и пуля та еще не отлита, и сабля та еще не откована, которые душу из меня выпустят. Странно все это, Вася, не правда ли?

– Наверно, это и есть храбрость прирожденная, – сказал Верещагин, подумав. – Для тебя и бой – праздник, а для меня – тяжкая необходимость. О себе я не думал, не до того было. Крики, стоны, вопли кругом нечеловеческие, какой уж тут праздник, когда вокруг страдания да кровища.

– Но в то, что уцелеешь, ты верил и в этой кровище. Ведь верил же, верил!..

– Говорил я уже про голос. – Василий Васильевич помолчал и вздохнул. – Только за все кредиты, Михаил, рано или поздно расплачиваться приходится.

– И часто ты думаешь об этом?

– Если и шевельнется такая мысль хоть на миг единый, тотчас же из себя ее гоню, – очень серьезно сказал Верещагин. – И ты, Скобелев, гони ее беспощадно. Чему быть, то и должно быть, того не миновать. Вот за это и выпьем.

– За миг единый? – улыбнулся ротмистр.

– В таком миге вся жизнь, Мишка. Только он и ослепляет. Остальное – серенькое.

Оба встали и весьма торжественно чокнулись оловянными солдатскими кружками.

3

Вскоре месть Жирардэ решил воротиться в Москву. Не только для того чтобы, как он выразился, засвидетельствовать Ольге Николаевне свое глубочайшее уважение, но и заверить ее, что любимый сын не дает ни малейших поводов для беспокойства. Михаил Дмитриевич очень любил и почитал своего учителя и воспитателя, но был рад его отъезду. Он не выносил «надзора за собой», как он выражался, даже со стороны весьма близких людей.

Поэтому его неприятно насторожило желание князя Насекина остаться в Ташкенте на неопределенное время. Скобелев заподозрил в этом желании тот же элемент надзора, прямо спросил Насекина об этом, но князь лишь смущенно улыбнулся:

– Господь с вами, Мишель, я не гожусь на подобные роли. А причина, почему я решил остаться, весьма прозаична и проста, хотя и представляется мне сегодня чрезвычайно благородной. Вот почему мне показалось, что именно здесь, на воюющей окраине, я наконец-то найду занятие по душе.

– Уж не решили ли вы, Серж, записаться в Туркестанскую армию волонтером?

– И на это я не гожусь. Однако здесь столько больных, раненых да и просто неприкаянных людей, что я решился открыть в Ташкенте нечто вроде Дома призрения с лечебницей при нем. Кажется, это единственная сфера, где мое состояние, связи да и я сам можем принести посильную помощь.

Они беседовали в том же единственном ресторане, в котором недавно Скобелев познакомился с Верещагиным. Пришли сюда пообедать после проводов месье Жирардэ, выпили по рюмке за его счастливую дорогу, но потом бутылку Скобелев приканчивал в одиночестве.

– Что вы намереваетесь делать вечером, Мишель?

– Вечером я намереваюсь навестить некую весьма аппетитную брюнетку. В присутствии ментора я воздерживался от подобных визитов, но длительный пост – не для меня. Если желаете, можем пойти вместе: у нее найдется очаровательная подружка.

Князь улыбнулся бледной улыбкой:

– Увы, мой друг. Я ценю дамское общество, но предпочитаю дам скромных и умных дамам, приятным во всех отношениях.

– Мы с вами – полная противоположность решительно во всем, – вздохнул Скобелев. – Если вы – образец, то я, представьте себе, устроен наоборот. Вполне возможно, что во всем виновато первое общение с особами женского пола, кто знает. Только так случилось, что лет двенадцати от роду, что ли, я до безумия влюбился в девочку моего возраста, дочь соседнего помещика. Мы мило играли с нею, пока я однажды не почувствовал, что буквально стораю от желания наброситься на эту милую воспитанную скромную девочку, как зверь. Тогда я убежал от нее, но не спал всю ночь, боясь, что проснусь с тем же звериным желанием. И валялся в кровати, изнемогая от безумного внутреннего перенапряжения: вам, Серж, уверен, тоже знакомо это отроческое чувство пробуждения. И тут вдруг вошла горничная, довольно миловидная девица лет этак восемнадцати. Она что-то сказала, но совершенно не помню, что именно, потому что я вскочил и бросился на нее головой вперед. Я рычал, плакал и бодал ее пышную грудь собственным лбом, пока не прижал к стене. Не знаю, что было бы далее, если бы она испугалась или закричала. Но она не испугалась и не закричала, а все поняла. И приняла мой порыв с лаской и полным сочувствием, быстро и вполне достойно избавив меня от всех моих внутренних дьявольских мучений. И с той поры я чувствую себя невероятно скованным и неуклюжим в обществе умненьких скромных девиц и блаженствую в окружении непритязательных представительниц полусвета. И тут уж, видно, ничего не поделаешь: по всей вероятности, детский опыт закрепляется на всю жизнь.

– Из вашего признания следует, что мы оба в чем-то ущербные люди, – улыбнулся князь.

Уже на следующий день Скобелев неожиданно был вызван к генералу Кауфману. Константин Петрович был строг и настолько деловит, что даже не предложил сесть.

– Мне вовремя подсказали, что вы истомились в бездействии, ротмистр. Завтра возглавите поисковую группу и выедете к колодцам Орта-Кую. Вам надлежит проверить идущую там караванную дорогу в обе стороны, но не более как на пять верст. В сражения не ввязываться, даже если противник покажется вам малочисленным.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

– Меня интересуют возможные перемещения хивинских и кокандских отрядов, как таковых. Численность – дело второстепенное, основное – направление движения подобных отрядов.

Приказ был довольно расплывчатым, и ротмистр отлично понял, что его проверяют в первом самостоятельном деле. Это несколько обижало самолюбивого Скобелева, но к предстоящему походу он подготовился с особым тщанием. Весь день просидел в топографическом отделе штаба, пока досконально не разобрался в немыслимом переплетении караванных троп. До такой степени, что был способен теперь, не задумываясь, набросать их по памяти.

На другой день он спозаранку выехал во главе сборного отряда, состоящего из гусарского полурэскадрона и полусотни уральских казаков. Гнал он их быстро и беспощадно, не обращаясь к проводнику из местных, а полагаясь на собственную зрительную память и точность штабных карт. Топографы не подвели, и конная группа прибыла к указанным Кауфманом колодцам, возле которых никого не оказалось. Однако свежих конских следов было достаточно, и пожилой уральский урядник долго разглядывал их.

– Наметом шли, – доложил он Скобелеву. – Один конь на правую переднюю заметно припадает, но гнали и его, чтоб от других не отстал. Стало быть, уходили от кого-то, твое благородие, но от кого, не поймешь, других следов нет.

– Вот и глянем, от кого они уходили, – решил Скобелев. – Усилить дозоры, уряднику с пятеркой казаков – вперед. И глядеть в оба, ребята.

Версты через три урядник, командовавший головным дозором, прислал казака сообщить, что наткнулся на место боя, но никакого неприятеля не обнаружил. Скобелев тут же приказал разворачиваться, и галопом помчался вслед за посланцем.

Вскоре за барханом открылся высохший до звона копыт такыр*. На нем валялось с десятков конских трупов, уже вздувшихся от страшной жары, но ни человеческих тел, ни обломков оружия, ни каких бы то ни было посторонних предметов Скобелев не заметил. С седла он поначалу вообще не разглядел ни людских следов, ни отпечатков конских копыт, но в некоторых местах все же приметил пятна засохшей, побуревшей до черноты крови. Спешившийся урядник, доселе внимательно оглядывавший такыр, подошел с докладом:

– Похоже, рубка была, твое благородие. Но скоротечная и какая-то не очень, чтобы уверенная. Вроде как нечаянно друг на друга напоролись, порубились в спешке да и разбежались.

– И никого не убили?

– Может, и никого, а может, и с собой увезли. Коли хоть какая возможность есть, они своих мертвых не бросают. Говорили мне, будто Коран им не велит.

– Много их было?

– По следам определить трудно, такыр затвердел, отпечатки слабые. Может, сотня, а может, и все полтысячи. Видать, дикие отряды друг на друга напоролись, порубились нехотя, да и разбежались от греха.

Скобелев спрыгнул с седла, бросил поводья коноводу, прошелся, внимательно вглядываясь. Следов почти не было заметно, а те, что все же кое-где отпечатались, оказались бессистемными и запутанными. Понять, кто на кого наткнулся и кто куда убежал после скоротечной рубки, было совершенно невозможно. Ротмистр оставил это занятие и пошел к лошадиным трупам, уже вонявшим на палящем солнце. Он хорошо помнил слова отважного есаула Серова, сказанные как бы между прочим, для памяти. И действительно, у трех мертвых коней хвосты были отрублены вместе с репицей.

– Дикие, говоришь? – спросил он. – Нет, урядник, с одной стороны ханский отряд шел. То ли хивинский, то ли кокандский. Видишь отрубленные хвосты?

– А, которые они для отчета с собой увозят? Точно, твое благородие, ханские джигиты.

– Выруби-ка мне кусок хребта с отрубленной репицей. Тоже для отчета: я его генералу Кауфману покажу. Пусть подумает, кто и куда тут мог двигаться.

Урядник ловко, двумя ударами вырубил хвостовой отросток конского хребта, раздобыл у казаков кусок драного полотна, завернул, протянул Скобелеву:

– Пованивает.

– Ничего, потерпим.

Ротмистр приторочил сверток к седлу, вскочил на коня.

– Поторопимся, служивые. Донесение у нас важное, не зря на солнце парились.

4

Чрезвычайно довольный удачной, с его точки зрения, рекогносцировкой, ротмистр Скобелев спорным маршем вернулся в Ташкент. И сразу прошел в штаб, чтобы тут же доложить генералу Кауфману не только обстановку, но и свои соображения. Эти соображения опирались на сверток, издававший весьма неприятный запах, почему ретивый ротмистр и нес его несколько на отлете.

Однако генерала на месте не оказалось. Его адъютант, молодой долдон-кирасир, улыбнулся не без ехидства, которое всегда неприятно задевало Скобелева.

– Не ждали вас так рано, ротмистр. Уж больно вы шустро отделались. Его превосходительство будет к вечеру, но сможет принять вас только завтра.

– Передайте его превосходительству мой письменный рапорт и непременно вместе с этой посылкой.

Он тут же написал краткий, но весьма емкий отчет о результатах рекогносцировки, закончив его несколько таинственно: «Основной вывод заключается в прилагаемой к сему рапорту посылке. Ваш огромный опыт сам подскажет вам надлежащие выводы».

Это была довольно самонадеянная и достаточно хвастливая концовка, но Скобелев не смог удержаться. Уж очень ему не по душе была снисходительность, которую он ощущал в генеральском отношении к собственной особе.

– Я в штаб, – сказал он, вручая кирасиру рапорт и вонючий сувенир. – Необходимо кое-что проверить, о чем и прошу уведомить его превосходительство.

– Непременно-с, – расшаркался адъютант. – Мы понимаем: столичное образование налагает известные обязательства. Например, получать советы штаба ранее заключения командующего.

– Вот уж вас это совершенно не касается, – отпарировал Скобелев и тут же вышел.

Ротмистр был приписан к оперативному отделу штаба, так сказать, по официальному штабному образованию, поскольку грамотных штабистов на окраинах империи всегда не хватало. Однако крупномасштабных действий войска не вели, локальные сражения, а уж тем паче мелкие стычки в штабных разработках не очень-то нуждались, и Скобелев постоянно ощущал себя воистину приписанным к чему-то абсолютно ненужному в этих условиях. Однако Михаил Дмитриевич был на редкость любознателен, времени зря не терял и завел прочные приятельские отношения с топографами, желая узнать о театре военных действий как можно больше. Любознательность всяко поощрялась, Скобелеву с удовольствием показывали карты и схемы, знакомили с расположением колодцев и объясняли, какова разница между такырами и, скажем, шорами* и какие из них представляют опасность в туркестанские зимы, а какие – в туркестанскую жару. Это было и поучительно, и интересно, однако в тот день Михаил Дмитриевич спешил не только затем, чтобы получить подсказку, куда именно мог двигаться так и не обнаруженный им отряд, но и проверить слова есаула Серова: он вдруг подумал, а не является ли есауловский рассказ типичной казачьей байкой.

Однако специалистов-этнографов в оперативном отделе не водилось, кто-то подтверждал слова Серова, а кто-то над ними посмеивался, и Скобелев вскоре ушел ни с чем, так как наступил конец всякого присутствия. Он пошел было разыскивать Верещагина, но Василий Васильевич тоже пропал неизвестно где (Скобелев решил, что он отправился с генералом Кауфманом), время было уже позднее, голод давал о себе знать после целого дня скачек по жаре, и Скобелев, поразмыслив, пошел в ресторан.

В полутемном зале слышались крики, смех и звон бокалов. Все плавало в табачном дыму, свободных мест видно не было, но Михаила Дмитриевича здесь знали отлично, почему и поставили для него отдельный столик за легкой занавеской. Он заказал обильный ужин, бутылку местной араки* и с аппетитом накинудся на еду.

Шум был таким, что первое время он вообще не различал отдельных голосов. Голоса стали доноситься до него, когда он утолил первый голод, и доносились они из-за занавески.

– ...а в мешковине – конская кость. Вонючка страшная, господа, до спазмов в горле! Ну, я ее, естественно, приказал солдатику закопать подальше от генеральской резиденции...

– Для холодца, что ли, он ее с собой приволок?

– Вполне возможно, только протух этот припас до, так сказать, вопиющего состояния. И состояние это орало, если можно так выразиться, на весь особняк.

– Говорят, в столице входит в моду китайская кухня. Кто-то в Петербург даже тухлые яйца привез.

Болтали подвыпившие офицеры, и голос одного из них – того, который вел основную партию, – показался Скобелеву знакомым. Он осторожно отодвинул край занавески: за соседним столиком спиной к нему сидел адъютант Кауфмана в цивильном костюме, туго натянувшимся на богатырских плечах.

– А затем, нанюхавшись доставленного из командировки аромату, дерзнул я, господа, лично ознакомиться с рапортом Скобелева. И, представьте, обнаружил тоже, так сказать, некоторое амбре, которым прямо-таки несло от него.

– Что-что ты обнаружил, Лешка?

– Неумную штабную и весьма дурно пахнущую хвастливость. Выезжает академический офицерик в первую рекогносцировку и в первой же рекогносцировке обнаруживает скрытые переброски хивинской кавалерии. Ну, никому до сей поры такая удача не улыбалась, а штаб-ротмистру Скобелеву – вы только представьте себе – с первой попытки!

– С чего ты взял? Может, в той посылке и заключалось что-то дельное.

– Ничего в ней не заключалось, кроме куса тухлятины. Я тем же вечером передал генералу скобелевский рапорт, а он распорядился срочно доставить к нему уральского урядника, что был с ротмистром на рекогносцировке. И урядник при мне доложил, что никаких туземцев они и в глаза не видели, а обнаружили лишь место схватки кого-то с кем-то да семь дохлых лошадей.

– Выходит, нафантазировал столичный хлыщ?

– Наврал, а не нафантазировал!..

Скобелев резко поднялся, отдернул занавеску и шагнул к соседнему офицерскому столику. Сидевшие за ним офицеры растерянно примолкли, и ротмистр отчеканил, перекрывая ресторанный шум:

– Извольте немедленно и публично принести мне свои глубочайшие извинения, господин адъютант.

Кирасир медленно поднялся. Обвел глазами своих знакомцев, неприятно ухмыльнулся:

– В чем же, господин... Назовем вас фантазером из уважения к погонам?

– В том, что вы – негодяй, подлец и болтун. Впрочем, извинений ваших уже не требуется. Жду секундантов не позднее вторника.

Ресторан примолк. Скобелев секунду промедлил и вышел чуть ли не строевым шагом.

5

Смертельно оскорбленный ротмистр отложил появление секундантов до вторника, исходя из двух соображений. Во-первых, он хотел еще до дуэли объяснить Кауфману, какую улику распорядился уничтожить его разлюбленный адъютант, а во-вторых, ожидал возвра-

щения Верещагина, которого намеревался пригласить в качестве собственного секунданта. Однако Константин Петрович его не принял (Скобелев подозревал в этом небрежении козни кирасира-адъютанта), Верещагина нигде разыскать так и не удалось, и пришлось обратиться со столь щекотливой просьбой к князю Насекину, с увлечением продолжавшему устраивать приют для страждущих с больничкой при нем.

– Не обижусь, коли вы откажетесь, Серж, – сказал Скобелев очень серьезно. – В воздух стрелять я не намерен, а посему дело замять не удастся. Меня, по всей вероятности, разжалуют, а вас просто-напросто выдворят из пределов Туркестанского генерал-губернаторства.

– Вы намерены убить его, Мишель?

– Да нет, – досадливо поморщился ротмистр. – Жалко дурака, он еще детишек наплодить сможет. Так, подстрелю слегка, чтобы из армии выперли.

– Тогда полностью располагайте мною. Только растолкуйте, что я должен делать.

– Полагаю, что сегодня адъютант его превосходительства пришлет секундантов: он – редкостный болван, но честью все же дорожит. Если не своей, то по крайней мере отцовской. Вы должны отстоять два условия, князь, и пожалуйста, будьте в этом упрямы, как мул.

– Я вообще упряма. Каковы же условия?

– Основное: дуэль – по-сардински, благо, завтра начинается новолуние. Стреляться из револьверов с полными барабанами до первой крови.

– Ну а если во тьме все пули уйдут в темные небеса?

– Тогда – либо его публичное извинение, либо – вторично по полному барабану.

Секунданты кирасира приняли все условия. Скобелев, зная о связях адъютанта, опасался, что дуэлянтов изловит внеочередной дозор, но кирасир, как выяснилось, обладал кое-какими приличными свойствами, и они прибыли на место «сардинского» поединка без осложнений.

– Спросите, князь, моего противника, не согласен ли он до начала перестрелки извиниться передо мною. Темнота скроет краску стыда на его холеном лице.

– Никаких извинений! – крикнул адъютант в ответ на предложение Насекина. – Я принял ваши условия, ротмистр, этого, полагаю, вполне достаточно.

– Пожалее, – проворчал Скобелев, получив от секундантов заряженный револьвер.

– Прошу, князь, проводить господ дуэлянтов на оговоренные места, – недовольно вздохнув, сказал секунданта кирасира. – Я дам команду, когда вы вернетесь.

– Следуйте за мною, господа.

Светя под ноги фонарем, Насекин отвел молчаливых противников на оговоренные места, еще раз напомнил, что открывать огонь следует по команде, а палить по желанию, и вернулся на исходное место, где стояли лошади, пролетка и доктор с секундантам кирасира.

– Дуэлянты на позициях, капитан, – доложил он. – Извольте подать команду.

– Ох, не люблю я этого развлечения, – вздохнул доктор.

– Пустое дело, – усмехнулся капитан. – В такой темноте собственной руки не видно. Выпустят по десятку патронов и замирятся. Готовы, господа? На счет «три» можете открывать огонь. Изготовились! Раз! Два! Три!..

Два выстрела раздались почти одновременно, и сразу же раздался болезненный выкрик:

– Я ранен!..

На какое-то время все растерялись, ожидая то ли выстрелов, то ли криков о помощи. Из темноты послышалось:

– Черт... Ногу прострелил...

Врач с саквояжем и князь Насекин с факелом тут же убежали в темноту. Оттуда же, но чуть со стороны появился и Скобелев. Протянул капитану револьвер:

– Больше претензий не имею.

– Как же вы попали в него в такой-то темнотище, ротмистр? – удивленно спросил секунданта раненого кирасира.

– Случайно.

У адъютанта генерал-губернатора Кауфмана оказалось простреленным бедро. Доктор перевязал его на месте, вдвоем с князем они отнесли его в карету. Капитан поехал вместе с раненым, Скобелев с Насекиным возвращались одни.

– Вы и впрямь случайно попали в него, Мишель? Или вам знаком какой-то секрет этой дурацкой дуэли?

– Кто его знает, – усмехнулся Скобелев. – Признаться, я ждал его первого выстрела, понимая, что он не выдержит и пальнет поскорее. Как правило, у виноватых быстро сдают нервы. Ну, до этого, естественно, рост его прикинул, манеру стрельбы. Ждал выстрела и нажал на курок, как только увидел вспышку.

На следующий день генерал Кауфман нашел время вызвать ротмистра Скобелева прямо с утра. Михаила Дмитриевича проводил в кабинет новый адъютант, у которого он по дороге поинтересовался здоровьем кирасира.

– Через полмесяца бегать будет, – улыбнулся адъютант. – Вы ему сознательно кость не перебили?

Константин Петрович был хмур и озабочен. Молча выслушал представление Скобелева, садиться не предложил, но и сам не сидел, а медленно прохаживался по кабинету.

– Мне надоели ваши выходки, ротмистр. – Он вздохнул. – Офицер не имеет права на фантазии.

– Тогда он так и уйдет в отставку офицером, – с вызовом сказал Скобелев. – А я надеюсь не только продолжить, но и закрепить семейную традицию, став третьим генералом в нашем роду.

– Но не под моим командованием, – резко подчеркнул генерал. – Приказ о вашем переводе в Кавказскую армию мною уже подписан. Сегодня сдадите дела, завтра выедете к новому месту службы.

– И это все, ваше превосходительство? – разочарованно спросил Скобелев.

– Нет, не все, извольте выслушать. В рапорте, который передал мне искалеченный вами адъютант, было указано о перемещении регулярного хивинского отряда. Я расспросил сопровождавшего вас уральского урядника: он в глаза не видел никаких конных отрядов туземцев. Откуда вы взяли этих хивинцев? И как у вас хватило наглости солгать в официальном рапорте?

– Я не лгал, ваше превосходительство! – Скобелев покраснел и разозлился. – Доказательства перемещений регулярного отряда содержались в куске хвостовой части хребта убитого коня. Его хвост был обрублен вместе с репицей, но ваш тупица-адъютант приказал солдату где-то зарыть эту важнейшую улику.

– И за это вы его подстрелили, – уточнил Константин Петрович. – Теперь кое-что для меня становится ясным. Кстати, как вы умудрились столь аккуратно попасть в него в кромешной тьме?

– По чистой случайности.

– Чересчур уж она чистая, – усмехнулся Кауфман.

Он помолчал, походил по кабинету, заложив руки за спину. Потом остановился перед ротмистром. Сказал, глядя в глаза:

– Я послал два дозора по обе стороны от тех колодцев. Один из них вернулся вчера и доложил, что действительно обнаружил хивинский отряд численностью до полутысячи сабель. Отряд боя не принял и скрылся за барханами. – Он помолчал. – Вы наблюдательны, Скобелев, и умеете делать правильные выводы из своих наблюдений. Полагаю, что вы продолжите семейную традицию, но не в моей армии. Распишитесь у адъютанта в получении вами моего письменного приказа и незамедлительно исполните его. Ступайте, ротмистр.

Скобелев четко повернулся кругом, пошел к дверям.

- За отлично проведенную рекогносцировку я представил вас к чину подполковника, – неожиданно добавил Константин Петрович. – Прошу передать мой поклон вашему батюшке.
- Благодарю, ваше превосходительство! – весело гаркнул Скобелев.
- Счастливой службы, полковник*, – улыбнулся генерал-губернатор.

Глава третья

1

Для сдачи дел Скобелеву требовалось от силы полтора-два часа: он был всего лишь приписан к оперативному отделу для выполнения отдельных поручений. И тем не менее Михаил Дмитриевич до конца работы просидел в штабе, не только просматривая все донесения дозоров, касавшиеся передвижений хивинских и кокандских регулярных отрядов, но и старательно выписывая все донесения в приобретенную после разговора с есаулом Серовым книжечку с аккуратным указанием, когда именно происходили эти встречи и куда именно двигались обнаруженные дозорами отряды. Только после этого он направился к князю Насекину с приглашением на прощальный ужин.

Князь был очень расстроен внезапным отъездом друга, хотя изо всех сил скрывал это. Он трудно сходил с людьми, друзей его можно было перечесть по пальцам, был весьма застенчив от рождения и всегда неуютно чувствовал себя в обществе, в котором отсутствовала привычная для него атмосфера.

Он вдруг становился неприятно язвительным и демонстративно отстраненным, хотя по натуре был добрым и отзывчивым человеком. И даже любимая работа, которой он отдавался всею душой, казалась ему тогда ненужной, тягостной и нудной.

– Когда и где мы еще встретимся, Мишель? – с улыбкой спросил он, но горечь этой улыбки скрыть ему не удалось. – И увидимся ли вообще?

– Непременно увидимся, Серж. Непременно скоро и непременно в Туркестане. У меня – предчувствие, дружище!

Никакого особого предчувствия у Скобелева не было, зато была некая и пока еще весьма смутная идея, осуществить которую он намеревался на новом месте службы – на Кавказе. А толчком для осуществления этой идеи послужило твердое намерение вернуться в Туркестан увенчанным победными лаврами. «Возвращаться нужно с парадного входа», – говорил когда-то отец, уча его уму-разуму. Такая формулировка полностью отвечала его самоуверенности и самолюбию, оставался пустяк – претворить теорию в практику.

Собственно то, что скромно забрезжило в его голове, идеей пока еще называть было преждевременно. Так, некие теоретические предпосылки, для своего воплощения требующие не только материальной базы, но и вполне конкретного, обеспеченного в каждом шаге и рассчитанного по минутам особого плана военных действий, учитывающего отсутствие единого фронта на Туркестанском театре военных действий в европейском понимании этого слова. Только такой план мог сделать его предложения реальными, с которыми можно было бы идти к самому наместнику Его Высочеству Михаилу Николаевичу*, младшему брату Александра II, не рискуя при этом быть обвиненным в лихом гусарском авантюризме. Однако до этого следовало разработать такой план в подробностях хотя бы для самого себя.

И здесь ему повезло, хотя поначалу он воспринял внезапный подарок судьбы с обидой и досадой, увидев в нем некое небрежение к его особе. Дело заключалось в том, что несогласованный, а потому и внезапный перевод подполковника Скобелева на Кавказ, где давным-давно были замещены все соответствующие его чину, опыту и знаниям должности, поставил местное начальство в затруднение. Должность, которую требовалось предоставить прибывшему из Тур-

кестана подполковнику (да к тому же получившему высокий штаб-офицерский чин досрочно, а следовательно, за какие-то неведомые заслуги), обязана была оказаться достаточно высокой, но подобных вакансий не имелось, и штабное начальство, изрядно поломав головы, назначило подполковника Михаила Дмитриевича Скобелева старшим инспектором по тактической подготовке офицерского состава с обязанностью читать лекции по тактике кавалерийских частей и соединений, исходя из опыта военных действий в Туркестане.

На Кавказе Скобелеву было куда веселее и проще служить, нежели в Туркестане. Здесь хорошо знали его отца, добывшего себе славу бесстрашного офицера не только в русской армии. Кроме того, на Кавказе проходили службу многочисленные приятели Михаила Дмитриевича как по Академии Генерального штаба, так и по многим полкам, в которых ему самому когда-то приходилось тянуть гарнизонную лямку. Но главное заключалось все же не в этом. Его новая должность давала возможность детально ознакомиться с Кавказской войной, которая тянулась со времен Петра Великого*, оказавшись самой длинной войной в русской истории. Она, как и война в Туркестане, была войной завоевательной, войной за всемерное расширение и без того необъятной империи, но на этом их сходство и кончалось. Начинались различия, сравнение которых давало Михаилу Дмитриевичу пищу для серьезных размышлений.

На Кавказе шло многолетнее, но постоянное вытеснение коренных жителей из плодородных долин в горы. Долины тут же заселялись казаками, а горцы теряли свою основную продовольственную базу, яростно сопротивляясь русским и при этом медленно отступая в горы. Среднеазиатских степняков не было смысла теснить: в степях места хватало, но не хватало воды, и прокормиться там русским переселенцам было либо очень трудно, либо попросту невозможно. Кавказский опыт вытеснения там не годился, равно как и русский обычай сжигать дотла населенные пункты, усвоенный в результате тяжелейшей войны. В Туркестане тоже жгли кишлаки, но для восстановления их на новом месте туземцам не нужно было затрачивать много усилий: кочевой образ жизни подавляющего большинства населения породил легкий и простой род жилища, для восстановления которого не требовалось особых усилий. Напротив, на Кавказе основной массой населения были народы оседлые, привыкшие строить свои дома на века, в расчете на внуков и правнуков. К этому добавлялась память о местах погребения предков, каждый аул имел кладбища, которые оставались на прежнем месте, зарастали бурьяном, разрушались, а то и распахивались русскими переселенцами. Кочевой образ жизни среднеазиатского населения давным-давно приучил его хранить память о предках в песнях и сказаниях, а не в надгробных памятниках. Отсюда следовал очень важный для Скобелева вывод: прямой перенос опыта Кавказской войны на Туркестанский театр военных действий был не только бесполезен, но и опасен. Туркестанских кочевников следовало громить, а не вытеснять, в противном случае война с ними грозила стать бессмысленной погоней по бесплодным степям и пустыням за неуловимыми всадниками, умеющими ориентироваться без всяких видимых ориентиров и обладающих очень быстрыми и нетребовательными к корму лошадьми.

Вот к каким выводам пришел Михаил Дмитриевич, размышляя над прошлым, расспрашивая старых кавказских рубак, читая лекции по тактике господам офицерам, ползая вместе с ними по холмам и горам на практических занятиях, рискованно и азартно играя по вечерам в карты и до рези в глазах изучая по ночам карты топографические. А еще он регулярно, каждый месяц писал наместнику письма с нижайшей просьбой уделить ему полчаса для весьма важного разговора. Но из Канцелярии Его Высочества всякий раз отвечали, что в данный момент наместник никак не может его принять.

Так и тянулись дни за днями, и неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба подполковника Скобелева, если бы во Владикавказ неожиданно не приехал адъютант наместника генерал Мурашов.

2

Генерал Петр Николаевич Мурашов как был сослан за дуэль на Кавказ девятнадцатилетним корнетом, так и остался здесь и до сей поры. Здесь воевал, здесь дослужился до генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта, здесь женился, обзавелся детьми и внуками и тихо, покойно доживал свой довольно бурный век. На Кавказе все его знали и, что самое удивительное, все к нему относились по-доброму. Он завоевал свои эполеты и благорасположение Его Высочества не на дворцовом паркете, а в горячих схватках с лихими горцами, был всегда ровен, улыбчив, спокоен и выдержан, помогал старым боевым товарищам чем мог, и был дорогим гостем в любом доме. Кроме того, он обладал редкой для военного человека тягой к знаниям, много читал, а под старость увлекся разного рода мудрецами, доморощенными пророками и прорицателями, коллекционируя их изречения и высказывания и даже заносил их в особую книжечку, которую намеревался когда-нибудь издать в качестве образца оригинальных человеческих мыслей. При этом был искренне веротерпим, с равным удовольствием встречаясь с православными отшельниками, еврейскими пророками, мусульманскими прорицателями и сектантскими мудрецами.

Командировку во Владикавказ он испросил себе сам, поскольку именно ему приходилось по роду службы отвечать на настойчивые просьбы подполковника Скобелева о свидании с наместником. Он дружил с отцом Михаила Дмитриевича, которого знал по совместной военной деятельности, бережно хранил личное к нему уважение, но и слыхом не слыхивал о его сыне. Однако оценив настойчивость Скобелева-младшего, решил в конце концов с ним познакомиться, чтобы помочь ему в меру собственных возможностей. Кроме того, существовала еще одна причина его приезда, но об этом придется рассказать отдельно.

Деятельность же Скобелева, его живейший интерес к Кавказской войне и краткий, содержательный рапорт Петру Николаевичу весьма понравились, равно как и сам подполковник – сын чтимого боевого друга, с которым генерал поддерживал постоянную переписку. Все это, вместе взятое, послужило причиной приглашения подполковника на ужин в отведенную адъютанту самого наместника резиденцию.

А Скобелев был откровенно недоволен этой встречей и весьма мрачно настроен. Он полагал, что причиной внезапной инспекции его деятельности послужили письма, переполнившие чашу терпения Его Высочества, почему генерал-адъютант и решил выяснить этот вопрос незамедлительно.

– Полагаю, ваше превосходительство, что я изрядно надоел своими прошениями о личном свидании...

– Забудем об официальнойности, друг мой, – благодушно сказал Мурашов. – Твой батюшка Дмитрий Иванович – мой старый полковой приятель, даже друг, осмелюсь сказать. Не скрою, мне любопытно узнать причину твоей настойчивости, но это – не единственный повод моего приезда.

– Благодарю вас, Петр Николаевич. Признаться, мне надоели отписки с одним и тем же основанием: «Его Высочество в ближайшее время не может вас принять по причине болезни». Спрошу напрямик: это действительно болезнь или обычное дворцовое нежелание уделять время какому-то там штаб-офицеру?

Петр Николаевич вздохнул:

– Понимаю твою обиду, но болезнь Его Высочества, увы, не дворцовая, а самая что ни на есть натуральная. Он подхватил мингрельскую лихорадку, пароксизмы которой мучительны, неожиданны и отбирают массу сил. Изложи мне, что тебя тревожит, а уж я сам решу, посвящать ли в твои беспокойства Его Высочество, или мы сами найдем достойный выход.

– Пекусь не о себе, – досадливо поморщился Скобелев. – Пекусь исключительно об общем нашем деле – о войне в Туркестане. Я имел возможность поглядеть на нее там и сравнить ее с войною Кавказскою здесь. Вывод, сделанный мною, оказался неутешительным, почему я и позволил себе тревожить Его Высочество письмами. То, к чему я пришел, может решить только Его Высочество, если сочтет мои предложения достойными того, чтобы решать их вообще.

– А ну, расскажи, расскажи, – живо заинтересовался Петр Николаевич.

Скобелев готовился к серьезному разговору, едва получив приглашение генерала отужинать с глазу на глаз. Он тотчас же притащил толстый портфель, из которого начал извлекать карты, схемы и заранее составленные таблицы.

– Туркестанский театр военных действий ничего общего не имеет с опытом всей нашей многолетней Кавказской войны. Мы имеем дело со степными народами, легкими на подъем, быстро уходящими от преследования, имеющими в своем распоряжении множество конных отрядов с отличными всадниками на быстрых и непривередливых местных лошадях. Нападают они всегда неожиданно и всегда стремительно, столь же стремительно выходя из боя и скрываясь безо всяких следов. Они избрали верную тактику, Петр Николаевич, которая в конце концов втянет нас в безнадежную партизанскую войну на абсолютно незнакомой и непривычной для нас территории, где нет ни воды, ни корма для лошадей...

Скобелев подробно, со схемами, картами и таблицами доложил генералу реальную картину, до поры до времени прикрытую внешними военными успехами, которые газеты расписали, как окончательное сокрушение всех туркестанских сил и возможностей. Мурашов слушал очень внимательно, задавал уточняющие вопросы, и благодущная улыбка хлебосольного хозяина постепенно исчезала с его лица.

– Анализ твой безупречен, но пугающ, – вздохнул он. – Болезнь ты подметил точно, но есть ли у тебя в запасе соответствующее лекарство?

– Есть, Петр Николаевич, – очень серьезно сказал Скобелев. – Надо завоевывать ханства, а не гоняться за отрядами. Но ханства неплохо защищены как пустынями, так и крепостными стенами, за которыми до времени будут укрываться отборные джигиты, всегда готовые к стремительным вылазкам. Тяжелую артиллерию к этим крепостям не подтащишь, следовательно, их надо атаковать с той стороны, с которой они ну никак не ожидают удара. Хива держит все силы на севере и северо-востоке, ожидая оттуда наступления наших войск. И генерал Кауфман не должен обмануть их ожиданий. Мало того, ему следует активно демонстрировать свою готовность ударить именно с той стороны, где они его и ждут, но...

Подполковник замолчал, весьма многозначительно и строго глядя на генерала Мурашова.

– Ну?... – нетерпеливо спросил Петр Николаевич.

– Но кто-то должен ударить по Хиве с запада, перейдя непроходимые даже с точки зрения хивинцев солончаковые степи и полупустыни. Там нет ханских обученных войск.

– Откуда, откуда ударить?

– Необходимо двинуть достаточно сильный отряд из Киндерлиндского залива Каспия в направлении на Хиву. Там кочуют мирные киргизы, и я уверен, что проводника найти будет не сложным делом. Приблизительный состав такого отряда я расписал. В основном уральские казаки, одна-две легкие батареи и пара ракетных станков для шума и грохота. Такую артиллерию можно протащить через солончаки, даже если лошади подохнут от голода и жажды.

– Да... – озабоченно вздохнул Мурашов. – С твоего дозволения, я заберу у тебя этот портфельчик. И доложу соответственно.

– Постарайтесь убедить Его Высочество, – почти с мольбою сказал Скобелев.

– Употреблю все красноречие, но обещать ничего не берусь. Через две недели все станет ясным.

– Почему через две недели?
– Потому что через пятнадцать дней ты получишь либо письменное согласие, либо письменный отказ, подполковник. Повторяю, никаких гарантий дать тебе не могу, хотя буду сражаться за твой план, аки лев.

3

Сын старого боевого друга настолько понравился Петру Николаевичу, что он вопреки обыкновению занес основной вывод этой встречи в заветную книжечку, куда до сей поры заносил только изречения, пророчества и парадоксы доморощенных мудрецов. И запись эта звучала так:

«Сего числа имел удовольствие познакомиться с сыном Димитрия Ивановича Скобелева подполковником Михаилом Скобелевым.

Удивил: мыслит государственно. Быть ему генералом...»

Вот почему через сутки после памятного ужина он опять разыскал подполковника:

– Тут неподалеку живет в пещерном затворе весьма, говорят, умный и пронизательный старик. Да и сама биография его необыкновенна. Представляешь, Михаил, солдат из староверов попадает к горцам в плен, трижды пытается бежать, и трижды его ловят. А потом вдруг по доброй воле он переходит в ислам, два раза совершает пеший хадж в Мекку, удаивается зеленой чалмы*, женится, дети у него. И снова – вдруг! – возвращается к нам, пытается проповедовать преимущества магометанства, но церковь грозит ему нешуточными карами, и он от греха подальше роет себе пещерку и тихо живет там, исцеляя страждущих телесно и духовно. А я, знаешь ли, подобные людские экземпляры люблю и даже, признаться, коллекционирую их, что ли. И хочу этого странного двоеверца-отшельника послушать. Пойдешь со мной?

– Пойду, – сразу же согласился любознательный Михаил Дмитриевич. – Он что же, будущее предсказывает?

– Нет, грехом это полагает, вторжением в дела, одному Господу Богу подведомственные. Но ответы на различные вопросы, говорили мне, дает прелюбопытнейшие и пренеожиданнейшие. Так что готовь вопросы, Михаил. И желательно не из раздела, любит ли она меня.

– Я знаю все ответы из этого раздела, – усмехнулся Скобелев. – Когда прикажете быть готовым, Петр Николаевич?

– Завтра с утра. Лошадок обещали и проводника, хорошо отшельника знающего. Он абы с кем не говорит, только по серьезным рекомендациям...

Выехали спозаранку в сопровождении пожилого отставного унтера, коновода и пятерки казаков. Так, на всякий случай, поскольку неугомонные чеченские абреки, случалось, проникали и в окрестности Владикавказа. Отставной унтер показывал дорогу, пока по ней еще можно было проехать на лошадях, и рассказывал о мудреце, у которого бывал. А когда стало невозможным ехать верхом далее, попросил спешиться, оставил при лошадях коновода да казака с ружьем и повел генерала и подполковника по труднопроходимой тропинке в сопровождении четырех спешенных казаков. Осмотрительным был унтер, да и гости больно уж важные. Таких сопровождать ему приходилось впервые, и он очень тревожился.

– У него – свои условия, – пояснял он по дороге. – Вопросы можно и по бумажке читать, это он дозволяет. Но ответы записывать никак невозможно. Коли заметит, что записываете, тут же всякий разговор прекратит.

– Почему же так? – отдуваясь (тропа была крутой), поинтересовался Мурашов.

– Говорит, будто душа сама запоминает, что для нее самое главное. Вот что она запомнит, то и есть сама суть ее.

Вопросы Скобелев составлял добрых полночи, стараясь, чтобы и выглядели они неожиданно и чтобы ответы на них были достаточно затруднительны, поскольку ему сказали, что странный отшельник-двоеверец всегда отвечает с предельной краткостью.

Прибыли к пещерке, вырытой самим отшельником в крутом обрыве рядом с бьющим из-под камня ключом с холодной чистой водой. Михаил Дмитриевич уступил первенство генералу, не только учитывая чин и возраст, но и потому, что решил еще раз проверить выписанные на бумажку вопросы. Петр Николаевич решительно нырнул в узкий лаз пещерки, а Скобелев, подставив раннему солнышку спину, уж в который раз внимательно перечитал собственный вопросник, кое-что уточнил в нем, кое-что поправил и теперь просто терпеливо ждал, когда вернется генерал Мурашов.

– Колоритнейшая личность, доложу вам, – сказал Петр Николаевич, вылезая из пещеры на свет божий. – Весьма и весьма. Твоя очередь, Михаил.

Скобелев, пригнувшись, прошел узким и низким ходом и попал в некое пространство с нависающим потолком, обшитым досками и слабо освещенным смоляным факелом. Вероятно, где-то был невидимый продух, потому что в аккуратной пещерке не чувствовалось ни дыма, ни чада. Поздоровался, обождал, пока глаза привыкнут к полумраку, и увидел плотного широкоплечего старика с зеленой чалмой на голове, сидевшего на потертом коврикe, скрестив по-турецки ноги и перебирая в руках коричневые старые четки.

– Спрашивай, что хотел, – глуховатым голосом безо всяких интонаций сказал старик.

Скобелев развернул листок, откашлялся. Ему почему-то вдруг стало неуютно, и он спросил с совершенно несвойственной ему робостью:

– Можно начинать?

– Не насилуй натуру свою.

– Ага, – согласился Михаил Дмитриевич, еще раз прокашлялся и зачитал первый вопрос: – Кого можно назвать героем?

– Того, кого не потрясает взгляд красавицы.

– Кого можно сравнить со светом луны?

– Скромного человека.

Старик отвечал мгновенно, ни на секунду не задумываясь. Ответы словно сами собой срывались с его языка, и Скобелеву это очень понравилось.

– Что такое ад?

– Зависимость от других.

– Кто есть истинный друг?

– Тот, кто удерживает от зла.

– Что служит украшением речи?

– Истина.

– Что непобедимо в этом мире?

– Справедливость и терпение.

– С чем сравним блеск молнии?

– С красотой женщины.

– Каким качеством можно удивляться в человеке, обладающем полным благосостоянием?

– Великодушием.

– Что дается человеку труднее всего?

– Знание без гордости, геройство с кротостью, богатство со щедростью.

– Что способно грызть сердце до самой смерти?

– Злодеяние, которое приходится таить.

– Что значит «мертвая душа»?

– Глупая душа.

- Тогда кто же есть глупец?
- Тот, кто не умеет вовремя сказать ласкового слова.
- Что служит источником несчастья?
- Строптивное сердце.
- К чему стремятся все люди?
- Хорошо устроиться в жизни.
- На что не следует никогда обращать внимания?
- На чужую жену и чужое добро.
- Что нужно любить в себе?
- Сострадание, милосердие и снисходительность.
- Что такое бедность?
- Недовольство.
- Что слепее слепца?
- Страсть.
- Что такое правильная жизнь?
- Беспорочность.
- Что такое сон?
- Глупая трата времени.
- А что такое тогда глупость?
- Когда не стремятся сделаться умнее.
- Что опьяняет сильнее вина?
- Нежность.
- Что есть вечное беспокойство?
- Молодость, богатство, праздная жизнь.
- Тогда что же есть сама жизнь?
- Миг.
- Миг?..

Старец промолчал, и Скобелев вышел от него весьма озадаченным. Ничего не ответил на вопрос Мурашова, как ему понравился мудрец, и озабоченно помалкивал всю обратную дорогу.

На другой день адъютант Его Высочества наместника генерал Мурашов уезжал в Тифлис. Скобелев провожал его целый перегон, до следующей почтовой станции, где они тепло распрощались, выпив по чарке на дорожку.

- Запомнил ли что из вчерашних ответов? – спросил Петр Николаевич.
- Только одно: что есть жизнь?
- И что же ответил старик?
- Миг.

Михаил Дмитриевич сказал это слово, как-то особенно выделив, точно подчеркнул его. Генерал задумчиво покачал седой головой, улыбнулся:

– Это ведь не ты запомнил, Миша, это душа твоя запомнила. Стало быть, миг – девиз всей твоей жизни. Лови его, Михаил, всегда вовремя лови!..

Глава четвертая

1

У Михаила Дмитриевича было непоколебимое убеждение, что Киндерлиндский поход состоится. Что Петру Николаевичу Мурашову удастся убедить не очень решительного намест-

ника собрать небольшой по численности, но достаточно мощный отряд, который совершенно неожиданно и ударит в спину хивинцам. И он не просто с нетерпением ждал добрых известий от старого друга отца, но и деятельно готовился к тяжелому походу через солончаковые степи и пустыни.

Для этого у него был не только кое-какой опыт, но и заветная тетрадошка, купленная после разговора с есаулом Серовым. В частности, там находились чертежи больших, сконструированных специально для русской армии юрт, вмещавших по двадцать человек. Войлочные кибитки лучше предохраняли от жары, нежели принятые в армии брезентовые палатки, воздух в которых раскалялся до шестидесяти градусов. А войлок удерживал жару снаружи, кибитки хорошо проветривались, а потому и сон в них был куда спокойнее и здоровее, нежели в армейских палатках. Их предложил генерал Кауфман, и Скобелев высоко оценил это новшество, введенное, кстати, самовольно, вопреки всем инструкциям и наставлениям. Кибитки эти перевозились на верблюдах, на установку их при некоторой сноровке уходило меньше времени, чем на установку палатки, и солдатам нравилось спать в них, несмотря на уйму блох. По расчетам, которые сделал Михаил Дмитриевич, исходя из возможной численности отряда, на перевозку этих кибиток, а также воды, продовольствия и боеприпасов требовалось не менее тысячи трехсот верблюдов, но он был твердо убежден, что игра стоит свеч.

В памятной книжечке его хранилась и еще одна очень важная запись. Дело в том, что согласно утвержденному суточному рациону солдатам выдавали два фунта черного хлеба, полфунта мяса, приварок (каша или капуста) без ограничения, утром и вечером полагался сладкий чай, а кроме этого – сыр, овощи, уксус (для профилактики желудочных заболеваний) и два стакана водки в неделю. Учитывая невероятную жару летом и столь же невероятный холод – да еще с ветром! – зимой, генерал Кауфман своею властью добавил в солдатский рацион еще полфунта мяса в сутки, а утром и вечером к чаю приказал выдавать вяленую дыню или урюк. Это позволяло справляться с длинными переходами, и солдаты, втянувшись, легче переносили как жару, так и холод. Туркестанская война совсем была не похожа на войну Кавказскую, и Скобелев твердо решил учитывать опыт Константина Петровича Кауфмана, для которого заболевший солдат являлся чуть ли не личным бесчестием.

А сообщений все не было и не было. Михаил Дмитриевич начал уже нервно считать дни, когда из Тифлиса наконец-таки прибыл долгожданный пакет:

«Дорогой Михаил Дмитриевич! Поскольку ты, как вдруг выяснилось, числишься не за Кавказской армией, а за Генеральным штабом, Его Высочество разрешил тебе участвовать в экспедиции только в качестве волонтера. Командовать отрядом поручено полковнику Ломакину».

– Ну, и как прикажете это понимать? – раздраженно спросил сам себя Скобелев.

Но прошение о зачислении его в экспедиционный отряд полковника Ломакина все же написал. И отослал его курьерской почтой.

Вместо ответного послания к Скобелеву приехали генерал Мурашов и высокий, худой, по виду весьма желчный полковник Николай Павлович Ломакин.

– Его Высочество утвердил твое ходатайство, – сказал Петр Николаевич Скобелеву, как только выдалась минута. – Однако Ломакин пожелал лично с тобою познакомиться.

И тут Михаила Дмитриевича вдруг понесло, что, впрочем, с ним случалось достаточно часто. Вместо того чтобы спокойно отвечать на вопросы уже назначенного командиром отряда Николая Павловича, он раскрыл свою заветную книжечку и начал излагать собственные соображения, полагая, что полковник Ломакин, как разумный человек, тотчас же за них и ухватится. Он выложил все и о преимуществе кибиток для солдат, и о расчете необходимого количества верблюдов для их перевозки, и о резком увеличении солдатского рациона с учетом длительных маршей по туркестанской жаре. Полковник слушал молча и вроде бы даже очень внимательно, а генерал вздыхал, и в его вздохах явно слышалась укоризна.

– Вы, по всей видимости, неплохой штабной работник, – скучно сказал Ломакин, когда Скобелев закончил изложение своих предложений и выжидательно замолчал.

Голос его не выражал ровно ничего. Он был постным, как само льняное масло. А Михаила Дмитриевича всегда почему-то раздражали люди, лишённые простых человеческих эмоций, и он сразу же внутренне ошетинился:

– Вы абсолютно правы. Я закончил Академию Генерального штаба в первой тройке выпускников с правом выбора места службы, вследствие чего и оказался на Туркестанском театре военных действий.

– Однако, по моим сведениям, в военных действиях вы принимали участие ровно один раз, и ваше единственное боевое донесение содержало весьма и весьма опасные вольности.

– Эти опасные вольности, как вы изволили выразиться, полностью подтвердились, – вспыхнул Скобелев.

– У меня иные сведения, – скучно сказал Ломакин. – Однако вернемся к вашим предложениям, Михаил Дмитриевич. Я не знаю, как вам могла прийти в голову оригинальная идея переселить солдат в войлочные кибитки. В армии предусмотрены палатки для ночевки в походах, кибитки в каких бы то ни было уставах, инструкциях или иных положениях не значатся, а что в русской армии не значит, того и не существует вообще.

– В Туркестане – особая война, Николай Павлович, – сдерживая себя, заметил Скобелев. – Днем жара до сорока градусов, ночью вполне возможен морозец до минус трех-четырех по Цельсию. Кроме того, юрты – они же кибитки – ставятся за считанные минуты.

– Война всюду одинакова, полковник, – назидательно заметил Ломакин. – Что на Кавказе, что в Туркестане, что в Китае или, допустим, во Франции. Она заключается в точном исполнении приказов командования и неукоснительном следовании уставам и наставлениям. Прошу извинить, что вынужден напоминать эти прописные истины офицеру, закончившему Академию Генерального штаба в первой тройке. Что же касается предыдущего, то палатки перевозятся вьючными лошадьми...

– Лошадям нужна вода каждый день, тогда как верблюд может обходиться без нее до двух недель.

– Возможно, я не специалист по верблюдам. В армии сии животные не значатся, следовательно, их как бы и нет. А то, чего нет, приходится покупать.

– Или поднаряживать. Цена поднаряженного верблюда – пятнадцать рублей зимой и двенадцать летом.

– Умножьте названную вами цифру на ту тысячу триста верблюдов, коих мы должны иметь при отряде по вашим же расчетам. Где мы возьмем такие деньги?

– Я готов купить верблюдов на собственные средства! – громче, чем следовало, сказал Скобелев.

– Армия – не монастырь и существует не на пожертвования, а на казенный счет. – Ломакин продолжал говорить прежним тоном, не обратив внимания на внезапную вспышку Михаила Дмитриевича. – Ваше предложение оскорбительно для русской армии, несмотря на вашу искреннюю пылкость, Михаил Дмитриевич. Кроме того...

– Кроме того, что мы попросту сдохнем в песках, Николай Павлович!

– Михаил Дмитриевич... – укоризненно покачал головой генерал Мурашов.

– Кроме того, вы предлагаете самовольно изменить солдатский рацион, – невозмутимо продолжал Ломакин. – Сие тоже есть нарушение распоряжений вышестоящих инстанций, а посему должно быть отброшено раз и навсегда. Солдат вполне обеспечен...

– С точки зрения зажавшихся в тылах интендантов!

– Господа, господа, – вмешался Петр Николаевич. – Ваша пикировка резко превысила допустимую температуру делового разговора. С вашего позволения, Михаил Дмитриевич, я передам ваши соображения Его Высочеству. Кстати, пора бы и пообедать.

На этом тогда и закончилась первая встреча подполковника Скобелева с полковником Ломакиным. Мурашов вовремя напомнил Михаилу Дмитриевичу о его хозяйских обязанностях, и обед прошел вполне благопристойно. Скобелев провозглашал тосты в полном соответствии со сложившимися на Кавказской войне обычаями, и генерал наконец-то вздохнул с некоторым облегчением.

Однако радовался он преждевременно, поскольку трещинка в отношениях полковника-командира и подполковника-волонтера тогда всего лишь обозначилась. Однако все, что ни свершается, – к лучшему, как всегда считал Петр Николаевич, полагая, что подобный стиль знакомства предостережет Скобелева от опрометчивых шагов в совместном тяжелом предприятии.

2

Следует отметить, что генерал Мурашов, отважно проведя боевую молодость, как-то утихомирился на мирной бесхлопотной должности. Искренне влюбляясь в людей, для него привлекательных, он не очень разбирался в характерах, для него непривлекательных, а потому и неинтересных. Его куда больше манили люди мистически загадочные, нежели обыкновенные, хотя полковника Ломакина к последним относить было бы и неверно, и опрометчиво. Иными словами, Петр Николаевич был далеко не глуп, но, увы, простоват и бесхитростен, за что, собственно, его и любил наместник государя императора на Кавказе Его Высочество Михаил Николаевич.

Дело в том, что Николай Павлович Ломакин, достаточно наломавшись, намахавшись и накомандовавшись в бесконечных кавказских стычках, освоил для себя некую маску грубоватого рубаки. Маска впечатляла не только генералов от паркета, но даже и весьма бывалых рубаек. Однако если далекие от пальбы и шашки внимали грубоватому воину с известным почтением, то боевых офицеров подчас приходилось в некотором роде ошарашивать откровенной неприязнью. Как правило, многие терялись или сердились, зная странное и в общем-то необъяснимое благорасположение самого наместника к полковнику Ломакину.

А благорасположение объяснялось одной фразой, сказанной, кстати, лично генералу Мурашову после первого же свидания Его Высочества с доселе малоприметным полковником:

– Почему-то я с детства предпочитал Антониев Цезарям. Прямолинейность по крайней мере честна.

Петр Николаевич тут же согласился, но навсегда позабыл об этом в известной мере ключевом замечании. И потому, что особой памятью не отличался, и потому, что сроду не читал Шекспира, и потому, что пребывал в сферах слегка мистического окраса. Как бы там ни было, а подчеркнуто неприветливое отношение полковника Ломакина к подполковнику Скобелеву, продемонстрированное на первом же свидании, генерал-адъютантом Мурашовым расшифровано не было, почему он только недоуменно вздыхал да разводил руками.

Вскоре полковник Ломакин попросил Михаила Дмитриевича посетить только что созданный штаб будущего отряда. Не столько для того, чтобы поближе познакомиться с подполковником, непонятно почему согласившимся на странный для офицера его ранга волонтерский статус, сколько чтобы еще раз ошарашить:

– Его Высочество разделяет мое неприятие замены штатных палаток на предложенные вами кибитки, отчего и соизволил перенести начало нашей операции на апрель. Надеюсь, в апреле ваши войлочные кибитки нам не понадобятся. То же самое касается и предложенного вами усиленного солдатского питания, поскольку холода уже отойдут, а жара еще не подоспеет.

На самом-то деле наместник получил от Кауфмана депешу с просьбой несколько отсрочить выступление отряда, исходя из реальных соображений: он подтягивал свои широко разбросанные отряды к границам Хивы и вполне обоснованно полагал, что выступление может

оказаться преждевременным. Но Скобелев об этом, естественно, не знал, а потому и посчитал себя несколько уязвленным, но удержался от каких бы то ни было уточнений.

Впрочем, он отметил, что полковник Ломакин никогда не позволяет себе не только шуток дурного тона, но даже иронии в его адрес при офицерах, уже назначенных в отряд. Ни при подполковнике Поярове, ни при майоре Навроцком, ни даже при юном подпоручике Гродикове. Наоборот, при них он держался более чем корректно, словно подчеркивая особую миссию подполковника Скобелева, не внесенного в официальный реестр офицерского состава как бы из особых на то соображений высшего начальства. Однако не это послужило основной причиной, почему Михаил Дмитриевич не покинул отряд с той же легкостью, с какой вступил в него.

– Предчувствие, – много позже объяснит он усмехнувшись, – предчувствие, что именно он, Николай Павлович Ломакин, станет альфой и омегой всей военной карьеры моей.

Странно, но именно так оно и случилось.

3

В начале апреля началась переброска отряда с Кавказского побережья на полуостров Мангышлак. Собранный из осколков частей отряд был немногочисленным: три роты пехоты, два артиллерийских орудия, одна ракетная батарея да две сотни казаков, которые, правда, еще не прибыли к месту переправы. Всего смогли выделить две тысячи сто сорок человек, включая штабных офицеров, тыловиков и коноводов, но не из нежелания использовать кавказских вояк вдали от привычных мест, а по настоятельной просьбе Скобелева, переданной генералом Мурашовым заместителю лично. Михаил Дмитриевич уповал на неожиданность и быстроту, а по степному бездорожью большой отряд наверняка бы растянулся на много верст, потеряв как во внезапности, так и в стремительности. С этим в конце концов согласился и полковник Ломакин, хотя и после долгих утомительных разговоров.

– Сделайте милость, Скобелев, выпросите еще казаков. Хотя бы полусотню. Соберете их, тогда и переправляйтесь.

Просить Михаил Дмитриевич не любил вообще, а в данном случае понимал, что просьбы бесполезны. Кавказский театр военных действий был настолько привычен, стал настолько своим, родным, потомственным, что всегда рассматривался через увеличительное стекло местных связей, взаимоотношений и интересов. Все остальное – даже недавняя и очень болезненно переживаемая Крымская война – воспринималось, как нечто внешнее, «петербургское», а потому неродное. Он был очень рад, когда обещанные две сотни пришли без всяких дополнительных напоминаний, хотя при этом казаки и не думали скрывать своего понимания происходящего и недовольства действиями начальства:

– Калмыков туда надо. Или хотя бы башкирцев. Они степняки природные.

Однако дальше этого привычного казачьего ворчания дело не шло. Кони были вычищены и в добром теле, сбруя и амуниция – тоже, и Скобелев, как заядлый кавалерист, улыбочиво балагурил в ответ на казачье ворчанье. И даже, пользуясь временем, провел недалекий поход – скорее ради лошадей, чем ради всадников. А потом пришел пароход, и они поплыли через Каспийское море в края, даже Михаилу Дмитриевичу известные только по топографическим схемам, мало привязанным к реальной географии.

– Мне рекомендовали местного толмача, – сказал Ломакин, когда Скобелев доложил о благополучном прибытии. – Уверяют, что ему ведомы все здешние языки.

– Поздравляю. Это отличное приобретение.

– Беда в том, что он – цивилизный, – вздохнул полковник. – Да и со стороны матери – то ли киргиз, то ли калмык. Правда, закончил гимназию, но... Как бы вам сказать, Михаил Дмитриевич, я – в некотором замешательстве.

– Пожалуйте ему своею властью чин прапорщика, и все замешательства кончатся. Во-первых, солдаты прикусят языки, а во-вторых, он принесет присягу. Ведь второе вас беспокоит куда больше первого, не так ли, Николай Павлович?

– Пожалуй, вы правы.

На этом несколько странный разговор тогда и окончился. Скобелев занимался устройством казаков, с полковником Ломакиным более не виделся и ни разу не задумался, почему Николай Павлович решил поставить его в известность по поводу предполагаемого переводчика. До тех пор пока этот переводчик лично не явился к нему, негромко и не очень умело доложив:

– Прапорщик Млынов. Представляюсь по причине производства в штаб-офицерский чин.

– Курица – не птица, прапорщик – не офицер, – усмехнулся Михаил Дмитриевич. – А почему, собственно, вы мне представляетесь? Я – лицо добровольное, а стало быть, и без всякой официальной должности.

– Вы назначены командиром авангарда, господин полковник. Следовательно, мне предстоит служить под вашим началом.

– Я ничего не знаю об этом.

– Я умею слушать, господин полковник.

– А молчать? – прищурился Скобелев.

– А молчать – тем более.

Откуда новоиспеченный прапорщик Млынов узнал о назначении добровольно прикнувшегося к Мангышлакскому отряду подполковника Скобелева командиром авангарда, так и осталось тайной. Он и вправду оказался на редкость немногословным, а его бесстрастное калмыцкое лицо ровно ничего не выражало. Но письменный приказ (полковник Ломакин был прилежным служакой) вскоре и впрямь поступил, хотя и с оговоркой о личном на то желании Скобелева. Вероятно, оговорка и была сделана ради этого личного согласия, но Михаил Дмитриевич об этом не стал задумываться. Он был кавалеристом не столько по воинской профессии, сколько по склонности порывистой натуре своей, а потому согласился тотчас же и – с радостью.

Верблюдов все же закупили у местного населения, но недостаточно, поскольку казна выделила для этого весьма скромную сумму. А апрель выдался небывало жарким, пересекать выжженные солнцем полупустыни и солончаковые степи с малым караваном было весьма опасно, что понимал даже полковник Ломакин, восчувствовавший неласковый климат собственным телом. Однако старая кавказская привычка сказала в нем сильнее всякого понимания, почему он и отдал майору Навроцкому распоряжение отобрать верблюдов силой. Навроцкий ринулся исполнять приказ со всем пылом, но вскоре обескураженно вернулся ни с чем: киргизы откочевали подальше и в направлении неизвестном.

– Их явно кто-то предупредил, господин полковник. Они не могли уйти в свои степи ни с того ни с сего.

Скобелев предполагал, кто мог посоветовать кочевникам отогнать стада подальше от русских войск, но понимал, что означает для них подобная экспроприация. Местные киргизы никогда не враждовали с Россией, помогали чем могли, и вводить в этом крае военные обычаи Кавказской войны он не хотел. И решительно пресек догадку майора Навроцкого:

– Прапорщик Млынов находился со мной безотлучно.

А у толмача спросил наедине:

– Нам хватит верблюдов хотя бы для того, чтобы везти с собою необходимый запас воды?

– Если хивинцы не отравят колодцы.

– Судя по топографическим схемам, этих колодцев вполне достаточно на нашем пути.

Скобелева интересовало, как ответит толмач. Во имя сбережения казенных средств старательный и очень недоверчивый Ломакин отказался от проводника, полностью доверившись Млынову. Мнения Михаила Дмитриевича никто при этом не спрашивал: молодого переводчика рекомендовали местные власти как редкого знатока всего Туркестана.

– Достаточно – эспе.

Скобелев знал, что такое «эспе», но все же спросил:

– «Эспе» значит «мелкие»?

– По такой жаре они могут либо высохнуть, либо загустеть насекомыми. Глубоких не так много, и дай бог, чтобы хивинцы их не потравили.

– Ты вызвался совмещать две должности ради заработка?

– На моем иждивении мать и две сестры. Отец погиб два года назад.

– В бою?

– Не думаю. Он был топографом, научил меня ориентироваться по звездам ночью и по линиям барханов – днем. В гимназии я заканчивал экстерном, надо было кормить семью.

– Служил проводником?

– Сначала учился у дяди, брата матери. Он известный караван-баши. Ходил с караванами в Бухару, Ходжент, Хиву, Коканд. Даже в Персию. Правда, один раз. Кроме того, у меня есть хороший советник. Мой двоюродный брат, который с детства сопровождал своего отца во всех караванных трудах.

– У тебя самого вполне достаточно опыта, чтобы сказать откровенно, чего ты опасешься в пути?

Молодой человек невесело улыбнулся:

– В Туркестане все караван-баши опасаются одного.

– Неожиданного нападения?

– Пересохших колодцев.

– Но как они могут пересохнуть? – удивленно спросил Скобелев. – Всего-то апрель месяц.

– Поэтому я и сказал об отравленных колодцах.

4

Апрель еще только начинался, когда на Мангышлак и прилегающие солончаки и полупустыни внезапно обрушился беспощадный зной. И обрушился-то в день, предназначенный стать началом их боевой экспедиции, будто кто нарочно подгадал сам час выступления. Конечно, и до того было очень жарко, но в общем-то как-то знакомо, что ли. А то, что началось в день выступления и продолжалось потом, оказалось совершенно неведомым не только русским солдатам, но даже самому родившемуся и выросшему здесь новоиспеченному прапорщику Млынову.

– Такой жары не помнят и самые древние из аксакалов, – сказал он весьма озабоченно.

– Ничего, – усмехнулся Скобелев. – Отряду наказного атамана Уральского казачьего войска генералу Веревкину выпал на долю холод, нам – жара. А коли сложить наши плюсы и минусы да разделить пополам, то получится средняя температура, вполне соответствующая возможностям русской армии.

Михаил Дмитриевич натужно шутил, потому что сорок градусов в тени оставались сорока градусами без всякого сложения или деления. Он знал, что русский солдат жару переносит куда мучительнее, чем холод, и это его не радовало. Настолько, что он втайне даже позабывал Оренбургскому отряду генерала Веревкина.

Предназначенный для удара по Хивинскому ханству с севера Оренбургский отряд Николая Александровича Веревкина выступил с Эмбинского поста еще в последних числах фев-

раля. В наиболее ветреную, снежную и морозную пору, но так уж просчитали в штабе, надеясь, что все воинские силы подтянутся к границам ханства приблизительно в одно время. Расчет был оправдан, так оно в конце концов и случилось, но казакам генерала Веревкина от этой штабной точности было не легче и, главное, не теплее.

Уральцы пробивали каждый шаг сквозь пустынные степи, занесенные глубокими снегами. Ни на час не утихавший ветер таскал эти снега по голой, плоской, как блин, равнине, куда ему вздумается, громоздя снеговые горы в одном месте и обнажая промороженную землю в другом только ради того, чтобы завтра все сделать наоборот. Замотанные башлыками по самые брови казаки громко ругали выжившее из ума штабное начальство, господа офицеры отводили душу в криках на собственных казаков, и только генерал-майор Николай Александрович Веревкин никогда не позволял себе повышать голоса, хотя порою ему очень этого хотелось. Не потому, что не терпел разухабистой казачьей матерщины – с казаками он умел разговаривать на их языке, – а потому, что полностью разделял их точку зрения на господ штабных офицеров, проложивших маршрут для его Оренбургского отряда одним движением лихо отточенного карандаша.

Сочувствуя казакам, Николай Александрович в то же время прекрасно понимал необходимость разгрома Хивинского ханства. Еще со времен Ивана Грозного Россия упорно стремилась к этому, и путь к Хиве был щедро усеян костями русских воинов. Хива была не только узлом торговых дорог, связывающих далекий Китай с Европой, не только главным рынком рабов всей Средней Азии – Хива стала символом Туркестана в самом неприглядном смысле этого слова. И, проклиная маршрут, выпавший на долю Оренбургского отряда, генерал Веревкин твердо и настойчиво продвигался вперед, боясь только одного: опоздать и оказаться невоспребованным в самый решительный момент.

– Обмороженных и заболевших привязывать к седлам. Нет времени на остановки.

Если казаки Веревкина мерзли в снегах, с невероятным трудом отвоевывая каждую версту, то Мангышлакский отряд полковника Ломакина вскоре угодил из огня да в полымя, как со всей точностью определили солдаты. Дело в том, что от несусветной жары, не спадавшей и по ночам, зацвела вода в неглубоких колодцах. К ее неприятному горько-соленому вкусу прибавился поначалу легкий, а затем и непереносимо отвратительный запах гниения. А солдаты истекали потом на первой же версте, нестерпимая жажда колючим комом вставала в горле, и фляжки пустели уже к полудню.

Авангарду, которым командовал Скобелев, повезло не потому, что они шли первыми: вода для всех была отвратительной. Потому повезло, если это слово вообще здесь уместно, что с ними был человек, которому случалось попадать в подобные передряги.

– Интересно, что пьют в таком аду? – спросил Скобелев, когда они впервые вытащили из мелкого колодца («эспе») тухлую зацветшую воду.

Он спросил с улыбкой, но весьма обеспокоенный Млынов ответил совершенно серьезно:

– Чай, господин полковник. Обязательно с солью и жиром, и только на ночь.

– Ну, соль я еще понимаю: с потом ее теряем. Но жир-то здесь причем?

– Жир удерживает влагу, примером чему – верблюжьки горбы. Понимаю, это требует привычки, но иного выхода нет.

Михаил Дмитриевич сразу же поверил опытному молодому человеку и с этой верой помчался в основной отряд.

– Калмыцкий чай предлагаете? – поморщился полковник Ломакин. – Ну, знаете ли, Скобелев, это не для русского желудка.

– Это – для русского здоровья.

– Кипяток – другое дело. Но жир с солью...

– Таков совет опытного человека.

– Оставьте советы, Скобелев, – вздохнул Ломакин. – Меня и так тошнит.

Проклиная упрямство полковника, Михаил Дмитриевич вернулся в свой авангард, где и ввел калмыцкий чай особым приказом. Казаки морщились, ругались, но приказ исполняли беспрекословно: людьми были дисциплинированными. А потом привыкли настолько, что пили не без удовольствия, что спасло весь скобелевский авангард не только от потери сил, но и от заболеваний.

Брезгливость полковника Ломакина, помноженная на упрямство, к сожалению, основной отряд не уберегла. Люди падали и от тепловых ударов на длительных переходах, и от повальных желудочных заболеваний. Да и сам Николай Павлович Ломакин ослабел настолько, что по утрам его подсаживали в седло, а по вечерам вынимали из него и клали на бурку почти без чувств.

А степной простор был пустынен от горизонта до горизонта. Не видно было ни сторожевых хивинских дозоров, ни лихих туркменских джигитов, рыскавших по пустыне за добычей. Один раз, правда, вдалеке показался караван, но шел он спокойно, своим путем, и даже охраны они не заметили.

– Торговый, – определил Млынов.

– Почему же охраны нет?

– Торговцев обычно не грабят, слишком сурово наказание. Конечно, во время войны все возможно.

Однако вскоре все изменилось. Правда, и тогда они нигде не обнаружили противника, но, судя по всему, этот невидимый противник обнаружил движение их отряда. Глубокие колодцы Ислам-Кую и Орта-Кую, в которых они надеялись найти чистую воду, оказались заваленными овечьими трупами.

– Значит, знают о нас, – вздохнул Скобелев.

Он усилил караулы, а Ломакин вынужден был урезать и без того малые порции вонючей воды. Михаил Дмитриевич несколько раз сам выезжал в дальние рекогносцировки вместе с Млыновым, к которому уже привык и которому безотчетно доверял. Но им никого не удалось обнаружить. Не только всадников, но даже следов их коней.

– Пробирались по такырам, – объяснил Млынов. – По такой жаре такыры тверды, как зимний асфальт.

Полковник Ломакин ослабел настолько, что уже не мог удержаться в седле. Пришлось соорудить носилки, которые подвешивали между выючными лошадьми, если позволяла местность. Ну а там, где местность этого не позволяла, солдаты несли разболевшегося Николая Павловича на руках. Это замедляло продвижение отряда в целом, изматывало солдат дополнительными хлопотами, а офицеров – нарушением рассчитанной скорости продвижения.

– Этак может получиться, что зря все затеяли, – ворчал майор Навроцкий. – Пока доберемся, Кауфман уже Хиву возьмет.

Вероятно, та же мысль тревожила и генерала Веревкина. Дней через десять после горестного вывода Навроцкого, передовой дозор скобелевского авангарда с радостными криками доставил к Михаилу Дмитриевичу троих безмерно усталых уральцев.

– Хорунжий Усолец, господин полковник. Послан с депешей наказным атаманом его превосходительством генерал-майором Веревкиным к господину полковнику Ломакину, но ваши казаки сказали, что тут вы за него.

Все это уралец выпалил сразу, четко и без запинок: видно, много раз повторял про себя свой первый важный рапорт. И был юн настолько, что на ввалившихся обмороженных щеках еще розовыми поросячьими ключьями торчала будущая борода.

В депеше было сказано, что Оренбургский отряд намеревается повстречаться с Мангышлакским отрядом в середине мая в районе селения Ходжейли для совместного наступления на Хиву.

Глава пятая

1

Депешу Михаил Дмитриевич доставил Ломакину лично. Николай Павлович очень ослабел от изматывающей его болезни, уже не вставал и говорил непривычно тихо и – с трудом. Внимательно ознакомившись с посланием генерала Веревкина, сказал Скобелеву:

– Примите командование отрядом и следуйте к месту соединения с оренбургскими казаками.

– Но я, так сказать, волонтер, Николай Павлович. – Михаил Дмитриевич несколько опешил, хотя и обрадовался. – Понимаю особые обстоятельства, но поймут ли их в должной мере ваши офицеры?

– Офицеры скажут спасибо, коли вы выведете их из этого ада. Если угодно, я подпишу письменный приказ.

– Я удовлетворен вашими искренними словами, Николай Павлович. И сделаю все, чтобы оправдать их.

Офицеры приняли назначение Скобелева командиром со вздохом облегчения, хотя вздох этот дался майору Навроцкому нелегко. Все уже поняли, что туркестанская война, которую в известной мере знал только Михаил Дмитриевич, никак не похожа на привычную им Кавказскую, оттого-то и видели в этом неожиданном назначении единственный шанс пересечь пугающую их пустыню и добраться-таки до Хивинского ханства с его арыками, садами, тенистой прохладой и обжитыми селениями. Там уже можно было бы нормально существовать, а следовательно, и воевать так, как они привыкли, и не тащиться по диким пересохшим солончакам, изнемогая от зноя и жажды.

В первых числах мая Мангышлакский отряд вышел к границам Хивинского ханства. До соединения с Оренбургским отрядом оставались считанные версты, но на пути, как на грех, оказалась небольшая пограничная крепость Кызыл-Агир.

Об этом доложил казачий дозор. Скобелев сразу же отправил к основным силам урядника с приказом немедленно подтягиваться к авангарду, выслав вперед артиллерийскую полубатарею.

– Крепостица старенькая, – сказал он, выехав с прибывшими офицерами на рекогносцировку. – Судя по размерам, гарнизон ее невелик, и как только артиллеристы разнесут ворота, мы предложим им сложить оружие.

– Парламентер, – заметил Млынов.

От крепостных ворот на полном скаку мчался всадник в пестром халате, размахивая привязанной к копыю тряпкой, но почему-то цветастой, а не белой. Подскакав, он громко закричал, продолжая усиленно размахивать цветной тряпкой.

– Командующий крепости просит высокого господина русского начальника обождать со штурмом, пока они не перетащат с южной стены на северную свое орудие, – невозмутимо перевел Млынов.

– Это что еще за новости? – нахмурился Михаил Дмитриевич. – Нас просят ждать, пока они сосредоточат всю свою артиллерию против нашего отряда?

Прапорщик Млынов негромко переговорил с парламентером, усмехнулся:

– Вся их артиллерия состоит из одного древнего бронзового орудия, господин полковник. И они просят вашего разрешения выстрелить из него ровно один раз. При этом клянутся Аллахом, что палить будут по пустому месту.

– Господа, вы что-нибудь понимаете? – хмуро спросил Скобелев у своих офицеров.

– Кажется, мы имеем дело с изоощренной азиатской хитростью, – предположил начальник штаба отряда подполковник Пояров.

– Они поклялись именем Аллаха, – серьезно напомнил Млынов. – После их единственного выстрела в указанном нами направлении они просят дать артиллерийский залп по стене, но при этом заранее предупредить, куда именно мы будем стрелять.

– Это еще зачем?

– Чтобы они отвели из-под выстрелов всех своих людей, – пожал плечами переводчик.

– Объясните, Млынов, что все это означает? – озабоченно попросил Скобелев. – Они тянут время, чтобы успели подойти подкрепления и ударили на нас с тыла?

– Не думаю, – усмехнулся прапорщик. – Командующий, комендант, защитники крепости да и все ее жители очень хотят сдать на нашу милость. Однако, если крепость будет сдана без выстрела, всем родственникам командующего гарнизоном и коменданта хан отрубит головы. И так оно и будет, потому что таковы законы Хивы, насколько мне известно.

Михаил Дмитриевич молча тербил бакенбарды, размышляя, как поступить в столь непривычных обстоятельствах.

– Лукавят азиаты, – вздохнул майор Навроцкий, – ох, лукавят! Не поддавайтесь, господин полковник, это какая-то ловушка.

– Ловушка, говорите? Возможно... – Скобелев вздохнул, оглянулся на стоявших позади артиллерийских офицеров. – Поручик Гродиков, возьмите двоих казаков и вместе с прапорщиком Млыновым отправляйтесь в крепость с парламентаром. Посмотрите, что у них за пушка, и укажите, куда ее поставить, чтобы никуда не попасть.

– Слушаюсь, господин полковник.

– Млынов, предупредите коменданта и начальника гарнизона, что они имеют право на выстрел только после того, как вы вернетесь. В противном случае я разнесу все стены, а заодно и все дома.

– Будет исполнено, господин полковник.

Артиллерийский поручик Гродиков, прапорщик Млынов и двое степенных (Михаил Дмитриевич лично отобрал их) казаков поскакали в крепость вслед за парламентаром. Все оставшиеся молча провожали их взглядами и озабоченно вздохнули, когда за ними закрылись крепостные ворота.

– Я не доверяю туземцам, – хмуро сказал подполковник Пояров. – Не доверяю изначально.

Все промолчали. Потом сказал майор Навроцкий, со вздохом и невесело:

– Признаться, господа, я с ужасом ожидаю, что вот-вот через крепостные стены нам перекинут все четыре головы.

– Даст бог, этого не случится, – словно бы про себя заметил Скобелев.

– А все же, Михаил Дмитриевич, вы уверены, что Бог – даст? – с усмешкой сказал подполковник Пояров. – Или здесь именно так странно все и воюют?

– За всех отвечать не берусь, но за себя отвечу. Воевать надо с чистой совестью, господа.

– И во имя чистоты собственной совести вы...

Скобелев так глянул на подполковника Поярова, что начальник штаба фразы своей не закончил. И все примолкли, не отрывая глаз от крепостных ворот.

Михаилу Дмитриевичу было сейчас весьма не по себе. Он тоже не очень-то верил местным командирам, был достаточно наслышан и об их коварстве, и о хитростях, и о том, что им абсолютно незнакомо европейское понятие офицерской чести. Но так уж случилось, что он безотчетно доверял Млынову едва ли не с первого дня знакомства. Прапорщик прекрасно знал не только местные языки и даже не только местные обычаи, но, как казалось Скобелеву, и психологию самих жителей. И однажды как бы между прочим он заметил в разговоре:

– У них есть свое понятие чести. Мы обманываем их куда чаще, чем они нас, поверьте.

Прошло томительных сорок минут, прежде чем распахнулись крепостные ворота.

– Едут! – с облегчением сказал кто-то.

Однако ворота пропустили лишь одного всадника и тут же закрылись за ним. Всадник приближался неторопливо, на размашистой рыси, и прошло известное время, пока офицеры не узнали в нем прапорщика Млынова.

– Ну, господа, все ясно! – воскликнул Навроцкий. – Они отпустили одного, чтобы он сообщил условия освобождения остальных. И конечно же этим счастливым оказался именно Млынов. Свояк свояка видит издалека: у этого Млынова мать – киргизка.

– Вы капризны и подозрительны, как заматеревшая девица, – не скрывая раздражения, сказал Скобелев. – Во-первых, мы еще ровно ничего не знаем, а во-вторых, матушка нашего переводчика из кипчакского племени...

Споры прекратились, поскольку Млынов громко закричал еще издали:

– Они приняли все наши условия!

– А почему отпустили только вас? – сердито спросил Михаил Дмитриевич.

Он устал от волнений и ожидания и был не в духе.

– У хивинцев в крепости не оказалось ни одного артиллериста, – спокойно пояснил прапорщик, спешиваясь. – Выяснив это, поручик Гродиков счел за благо выстрелить из их пищали самому. Казаки остались ему помогать, а меня поручик послал предупредить вас о сем казусе. После его выстрела хивинцы просили вас, господин полковник, разнести их ворота в щепы.

– Почему именно ворота?

– По трем причинам. Первое: за воротами – базарная площадь, и таким образом от нашего залпа не пострадает ни один дом. Второе: разбитые ворота – лучшее доказательство серьезности наших намерений. И главное: ворота очень старые, а хан не отпускал денег на их ремонт, несмотря на неоднократные просьбы коменданта...

На крепостной стене появилось густое облако черного дыма, и почти тотчас же раздался грохот. Ядро, выпущенное древним орудием, летело столь неторопливо, что все провожали его глазами, пока оно не упало где-то далеко от отряда.

– Залп по воротам! – крикнул Скобелев.

– Батарей, готовься! – напевно начал команду артиллерийский офицер. – Наводить по воротам, один снаряд... Пли!..

Оба орудия дружным залпом ударили по крепостным воротам. Грохнули взрывы, на миг все заволкло дымом, а когда он рассеялся, ворот уже не было. Сквозь заваленный их обломками проем виднелась затянутая снарядами дымками пустая площадь. Потом на ней появился всадник без копыя и тряпки, но в сопровождении поручика Гродикова с двумя казаками и в довольно нарядном халате.

– Начальник гарнизона, – пояснил Млынов. – Готовьте акт о капитуляции, господин начальник штаба. Этот гарнизонный чиновник едет подписывать его с огромным облегчением...

Эта история стала анекдотом, который впоследствии так любили рассказывать в петербургских и московских салонах наряду с анекдотом о сардинской дуэли. Они породили целую серию былей и небылиц о туркестанской деятельности Михаила Дмитриевича Скобелева, что впоследствии сказало на его воинской карьере и сильно испортило как настроение, так и нервы.

Но это все – потом, в обеих столицах, впоследствии. А тогда путь к месту соединения Мангышлакского и Оренбургского отрядов был открыт, и о большем Скобелев не помышлял. Уж слишком непомерной оказалась усталость даже для него...

2

Четырнадцатого мая авангард Мангышлакского отряда встретился с авангардом оренбургцев, которым командовал полковник Саранчов: он специально предупредил Михаила Дмитриевича, что пишется через «о». Полковник был немолод, неразговорчив и выглядел весьма озабоченным. Впрочем, было с чего выглядеть: Бог приветствовал его степную удаль четырьмя дочерьми, и полковник думал только о том, где бы раздобыть средств на приданое. О прочем он не помышлял, но немалый опыт с лихвой возмещал его односторонность, и с порученным делом он всегда справлялся быстрее и лучше любого юного карьериста.

– Говорят, генерал Кауфман тысячу рублей тому командиру даст, чьи солдаты первыми в крепость Хиву ворвутся?

Это был его первый вопрос, обращенный к Скобелеву при знакомстве. И Михаил Дмитриевич сразу все понял про полковника Саранчова. И что полковник – из казаков, и что надел невелик, и что расходов куда как больше достатка. И что это постоянно угнетает полковника, отягощая нелегкую его службу суетностью, а душу – вполне земными матерьяльными помыслами. И сказал:

– Точно не знаю, полковник, но... Но должны бы, а?

– Должны бы, – вздохнул Саранчов. – Мы намерзлись, вы – нажарились. Должны бы.

Штатные начальники отрядов, предназначенных для внезапного удара по доселе надежно прикрытой пустынями Хиве, оказались как бы не у дел. Как бы в тыловом эшелоне, что равно касалось как захворавшего полковника Ломакина, так и генерала Веревкина, озабоченного не своей болезнью, а беспомощным положением многочисленных обмороженных казаков. В незнакомой, настезь распахнутой всем неожиданностям местности он не мог их оставить, опасаясь внезапной атаки джигитов хивинского хана или бродячих шаек искателей легкой добычи. И тащился в обозе, передоверив, подобно полковнику Ломакину, командование наиболее боеспособными частями своему бессменному командиру авангарда. И оба офицера – молодой и старый – отлично понимали друг друга, не тратя понапрасну времени ради выяснения вечного вопроса русской армии: «Кто главнее?»

Авангарды Мангышлакского и Оренбургского отрядов соединились под Кунградом. До самой Хивы оставалось еще двести пятьдесят верст с гаком, и эти версты оказались самыми сложными и кровавыми. Конные отряды хивинской гвардии, обнаружив в собственном ханстве непонятно откуда взявшиеся крупные русские силы, перекрыли все дороги к столице, упорно сражаясь за каждый кишлак и за каждый арык. За свою свободу дрались хивинцы на удивление стойко и отважно, не боясь глубоких фланговых рейдов, стремительных конных атак, яростной рубки и отхода врассыпную, после чего вновь собирались в заранее оговоренном месте. Они сжигали за собою все мосты через глубокие арыки, разрушали плотины, засыпали или заваливали трупам животнов колодцы с хорошей водой.

– Молодцы, – сказал Саранчов. – За свою землю да не постоять насмерть – грех великий и неотмолимый. Что перед нашим Господом, что перед ихним.

Он пришел навестить Михаила Дмитриевича, который в последней рубке получил семь ранений и отлеживался в арбе. Ему нравился Скобелев, годившийся ему в сыновья, а раны его – не нравились. Слишком было жарко для открытых резаных ран.

– Не загниешь, Михаил? Может, доктора тебе из нашего тыла вызвать?

– Меня прапорщик Млынов пользует, – через силу усмехнулся Скобелев. – Не знаю, какой дрянью, но черви пока не завелись.

– А что за киргиз с этим прапорщиком?

– Родственник его.

– Со стороны матери, поди? – зачем-то уточнил Саранчов. И уж совершенно неожиданно добавил: – Ну, девчонки в четырнадцать лет все пригожи. Хоть наших взять, хоть ихних. Сила у них – внутри.

Вздыхнул невесело, озабоченно покачал головой. Потом сказал вдруг:

– Газетчик иностранный приехал. Пытает все, когда Хиву будем штурмовать. Я пришлю его к тебе, а, Михаил? Ты, поди, по-ихнему разумеешь.

– Разумею! – радостно признался Скобелев.

На следующий день Саранчов прислал с сопровождающим – он не очень-то доверял иностранцам – коренастого рыжеватого господина в странной шляпе, чудом сидящей на затылке.

– Макгахан. Корреспондент газеты...

– Вам будет легче, если перейдем на английский, – улыбнулся Михаил Дмитриевич.

Американец два дня не отходил от раненого подполковника, с удовольствием болтая на родном языке. А Михаил Дмитриевич шлифовал произношение, а заодно и просвещал любопытного иностранца:

– У русских отвага иного свойства, нежели у европейцев, друг мой. Мы – фаталисты, и любимая присказка солдат перед штурмом: «Чему быть, того не миновать». А любимый приказ офицера на штурм: «Двум смертям не бывать, ребята. За мной!..» Вы должны сами ощутить это, а потому я приглашаю вас на какой-нибудь из своих ближайших штурмов. Пойдете?

– А почему бы и нет, господин генерал «За мной!»? – улыбнулся Макгахан.

– Я всего лишь подполковник, сэр.

– А я никогда случайно не оговариваюсь.

– Сплюньте по русскому обычаю. – Скобелев был весьма польщен, но самодовольную улыбку прятал изо всех сил. – Что вами движет: расчет или эмоции?

– Американцы всегда исходят из соображений прагматических в отличие от русских бородатых романтиков. Так что мы с вами представляем два полюса идеальной мужской души. И это скверно, поскольку полюса никогда не сходятся.

– Вот тут вы не правы, дружище, – улыбнулся Михаил Дмитриевич. – Они сходятся в магните, и уж чего-чего, а этого свойства у нас обоих, кажется, в избытке.

Скобелевская натура обладала не только огромным магнетизмом, но и данной от Бога способностью улавливать напряжение боевой обстановки. И хотя не было тогда у него ни кровавого военного опыта, ни донесений, позволяющих командиру делать определенный вывод, однако он необъяснимо чувствовал, что противники вполне созрели для того, чтобы качественно изменить сложившуюся партизанскую войну, призрак которой все время беспокоил Михаила Дмитриевича. Такая война была на руку хивинцам, но Кауфман был умен и опытен и должен был, обязан был – с точки зрения подполковника Скобелева, разумеется, – выбить этот козырь из колоды военных возможностей хивинского хана.

И доселе обретавшийся в тылу наказной атаман Уральского казачьего войска Николай Александрович Веревкин припомнил, что он не только атаман, но и войсковой генерал. Хивинская конница была оттеснена к столице ханства, беспокойства за обозы с обмороженными и больными несколько притупились, и генерал счел необходимым личное присутствие в своих боеспособных частях. По дороге к ним его перехватил гонец от генерала Кауфмана, и на свидание с Саранчовым и Скобелевым Николай Александрович явился с депешей в руках.

– Приказ на соединение у моста Сарыкупрюк, – сказал он командирам авангардов. – Я спешу на свидание с Константином Петровичем, однако генерал просит повременить с атакой, поскольку не желает лишнего кровопролития и очень рассчитывает на сдачу гарнизона без всяких условий.

– И что же? – с плохо скрытым раздражением спросил Скобелев. – Хивинцы уже знают об этом и с восторгом готовы сдать крепость без всяких оговорок?

– Ваша запальчивость, полковник, по меньшей мере неуместна, – укоризненно сказал Веревкин. – Я лишь исполняю отданные мне приказания, не более того.

– Неделю назад Михал Дмитрич на засаду нарвался, – вздохнул Саранчов. – Еле отбился и ушел. С семьёю порезами. Такие здесь дела, Николай Александрович.

– Я буду атаковать Шахабадские ворота, – хмуро произнес Скобелев. – Даже если вы, генерал, откажете мне в помощи.

– Я сообщу об этом Кауфману. Но вас, полковник Саранчов, прошу воздержаться от необдуманных поступков. Ни один наш казак не должен участвовать в аванюре, которую задумал Скобелев.

– Слушаюсь, Николай Александрович, – недовольно проворчал Саранчов.

Генерал Веревкин отбыл на свидание с Кауфманом, которое, впрочем, так и не состоялось, поскольку наказной атаман Уральского казачьего войска был контужен в голову случайной пулей. Это обстоятельство не изменило намерений Константина Петровича во что бы то ни стало обойтись без штурма Хивинской цитадели. Он старался проводить совершенно незнакомую Туркестану политику мира, но это пока удавалось ему плохо. Однако Кауфман был настойчив и целеустремлен, поскольку хорошо помнил напутственные слова Александра II: в Туркестане будет твориться ныне российская история, Константин Петрович. Сочинить можно все, но записать – либо пером, либо штыком. И запись чернилами куда долговечнее, нежели запись кровью людской.

3

Сразу же после отъезда генерала Веревкина Скобелев приказал всем своим силам сосредоточиться против Шахабадских ворот Хивинской цитадели. И ранним утром заехал за Макгаханом.

– Я обещал предоставить вам, дружище, возможность поучаствовать в штурме. Прошу со мной, коли не передумали.

– Чашечку кофе? – усмехнулся корреспондент.

– С удовольствием, если последует ваше согласие.

– В противном случае я бы предложил вам бренди.

Выпив кофе, приятели отправились на позиции. Там оказался Саранчов, следивший за отходом своих казаков.

– Жаль, что поторопился, – с неудовольствием сказал Скобелев. – Я, признаться, рассчитывал на твоих пушкарей.

– Они – армейские, а не казачьи, – пояснил полковник. – Стало быть, их приказ Николая Александровича не касается. А я прикажу им догонять меня после того, как ты ихпустишь.

Артиллеристы Оренбургского отряда с удовольствием откликнулись на личную просьбу Скобелева. Однако еще до их залпа черт принес корнета графа Шувалова с категорическим приказом генерала Кауфмана во что бы то ни стало воздержаться от штурма, и Михаил Дмитриевич очень расстроился.

– Вот незадача...

– Корнеты любят славу, – проворчал корреспондент. – Вполне допускаю, что этот – тоже.

Он тут же с типично американским амикошонством познакомился с графом, который упоенно рассказывал, каким опасностям он подвергался, торопясь донести до Скобелева приказ Константина Петровича ни в коем случае не штурмовать цитадель до особого на то распоряжения.

– Стреляют всюю, господа!.. – разглагольствовал юный корнет. – Представьте, лошадь под моим коноводом ранили! Чуть бы левее, и...

– И, – согласился Макгахан. – Считайте, что это «и» уже произошло. Во всяком случае, именно так я и напишу в своей корреспонденции: «Под отважным корнетом графом Шуваловым была ранена лошадь». Весь Петербург будет восторженно замирать от ужаса, поскольку именно там, согласно договоренностей, первыми читают мои статьи.

– Ранена лошадь? – оторопело спросил корнет. – Ну, так я и говорю, что под коноводом...

– Ваша, граф, ваша, – мягко втолковывал Макгахан. – Но, будучи человеком отважным, вы поспешили за полковником Скобелевым, который уже ворвался в крепость во главе своих солдат...

В это время громыхнул залп из двух оставленных Саранчовым орудий. Шахабадские ворота сорвало с петель, кто-то уже восторженно орал «Ура!», а корнет граф Шувалов окончательно запутался в вопросе, чья лошадь была ранена и зачем он вообще здесь оказался.

– Наша очередь, друзья. – Михаил Дмитриевич глубоко, как перед прыжком в воду, вздохнул. – За мной, ребята!..

Он первым ворвался в цитадель. Американец с винчестером бежал на шаг позади, а следом за ними поспешал корнет Шувалов, упоенно размахивая саблей. С крыш стреляли второпях, но весьма часто, что очень удивило Скобелева:

– Вот упрямыцы! С перепугу, что ли? Пригнитесь, Макгахан, вы не на Диком Западе!..

– Я – на диком Востоке. И мечтаю получить легкое ранение...

Ранения он не получил, равно как и все остальные. Скобелев довел своих солдат до ханского дворца, где их встретили вконец растерявшиеся представители хана и строгие седобородые аксакалы.

– Мы сдали город без боя...

– Как бы не так, – сказал Михаил Дмитриевич, задыхаясь от бега. – Вы сдали его мне на шпагу...

Вечером он получил нагоняй от генерала Кауфмана.

– Ваше счастье, что не оказалось ни одного раненого. Что за мальчишество, полковник?

– Хотел оказать вам услугу, ваше превосходительство.

– Так окажите ее цивилизованно, – продолжал недовольно ворчать Константин Петрович. – Одновременно с вами из Красноводска выступил на Хиву отряд Маркозова. Найдите его, и я позабуду о вашей дерзкой самодеятельности.

Отряд Маркозова действительно затерялся в песках, его и впрямь надо было найти, но Кауфман отсылал Скобелева не столько на поиски, сколько прятал от недовольных глаз. Ему понравилась вызывающая активность фактического командира Киндерлиндского отряда, но если бы при штурме не обошлось без ранений, главнокомандующий всеми войсками в Туркестане сурово взыскал бы с чересчур активного подполковника. Но – обошлось, и сейчас следовало спрятать Скобелева от многочисленных недругов.

– Отряд Маркозова потерялся где-то в Каракумских песках, – объяснял он, когда мысль во что бы то ни стало отправить Скобелева подальше уже окончательно овладела им. – Необходимо найти его и передать приказ вернуться в Красноводск. Возьмите в свое распоряжение всех уральских казаков и проведите эту операцию со всей свойственной вам стремительностью, пока противник еще не опомнился.

– Стремительно тащиться от колодца к колодцу? – усмехнулся Скобелев. – Это невозможно, ваше превосходительство. Все беглые джигиты из Хивы осели именно возле колодцев, которых очень мало на этом маршруте. Следовательно, моему отряду предстоит бесконечные затяжные бои и многочисленные внезапные стычки, что никак не может привести нас к желаемому результату.

– Возможно, вы правы, полковник. Но нет иного повода отправить вас с глаз долой.

– Благодарю ваше превосходительство за заботу, – искренне сказал Михаил Дмитриевич, поняв истинную причину внезапного решения Кауфмана. – Только за что же страдать ни в чем не повинным казакам?

– Вы обсуждаете приказ, Скобелев?

– Никоим образом. Я лишь ищу наиболее приемлемый способ его исполнения. Разрешите доложить свои соображения утром?

Идея, вдруг посетившая Скобелева, была безумной, почему он и оценил ее совершенно особенно. Она не просто щекотала нервы и тешила самолюбие – она могла помочь исполнить и впрямь необходимый приказ Кауфмана, не рискуя казачьими жизнями. Однако Михаил Дмитриевич почему-то стеснялся, когда излагал ее Млынову. Но прапорщик сказал всего одну фразу:

– Вы не пророните ни одного слова за все время пути. Пока не вернемся.

– То есть? – опешил Скобелев.

– Обет молчания. Наденете повязку на лоб.

– Какую повязку?

– Я сам повяжу. С нами пойдет мой двоюродный брат.

– Ничего не понимаю. Молчание, брат... Откуда он возьмется, ваш кузен?

– Из обоза. Он вел наш караван, о чем я вам докладывал. И со всеми встречными будем разговаривать только мы. Он или я. Тогда может так случиться, что мы найдем Красноводский отряд и даже вернемся живыми.

– Я обязан доложить о ваших условиях, – подумав, сказал Михаил Дмитриевич.

И тут же доложил об этом разговоре Константину Петровичу.

– На таких условиях я не могу вас отпустить, – вздохнул Кауфман.

– Иного выхода нет, – вздохнул Скобелев в ответ.

Генерал долго молчал. Потом сказал:

– Авантюра чудовищная, полковник. Чудовищная и небывалая. Но, возможно, ваш толмач прав. Возможно. Я знаю местные обычаи: обет молчания вызывает уважение, хотя... – Кауфман еще раз вздохнул, протянул руку: – Храни вас Господь, Михаил Дмитриевич. Покажетесь мне с повязкой на лбу перед выездом?

– Нет.

– Почему? – удивился генерал-губернатор.

– Плохая примета, ваше превосходительство, – серьезно сказал Скобелев. – Представлюсь по возвращении.

И вышел.

Более месяца о нем не было ни слуху ни духу. Генерал-губернатор Кауфман верил и ждал, никуда не выезжая из Хивинского ханства, подписавшего чрезвычайно выгодный для России договор о вассальной зависимости. Он не докладывал в Санкт-Петербург о предприятии Скобелева, всячески уклонялся от необходимости покинуть Хиву и – ждал. По необъяснимым причинам он верил, что безумная авантюра Михаила Дмитриевича увенчается успехом, но даже его слепая вера в скобелевскую звезду в конце концов источилась сомнениями. Константин Петрович начал с глубокой горечью ощущать, что дерзкий замысел молодого подполковника провалился, чувствовал себя виноватым, но из Хивы все же упорно не уезжал.

– Ваше превосходительство, к вам какой-то странный туркмен рвется, – как-то поздним вечером доложил дежурный адъютант.

Кауфман вскочил с юношеской стремительностью:

– Зови!

И в кабинет вошел туземец в косматой папахе с зеленой повязкой на лбу.

– Я обещал представиться вам по возвращении, Константин Петрович.

– Скобелев! – закричал сдержанный Кауфман, бросаясь к внезапному посетителю. – Как же вы уцелели, Михаил Дмитриевич, как же вы уцелели...

Он обнял Скобелева, крепко прижал к груди.

– Я нашел авангард Маркозова в каракумских песках у колодцев Мирза-Гирле, – сказал полковник, смущенно высвобождаясь из генеральских объятий. – И передал ваш приказ о немедленном возвращении в Красноводск.

– Благодарю, Михаил Дмитриевич, от всего сердца благодарю, – взволнованно говорил Кауфман, не слушая его. – Вы достойны самой высокой награды, и я...

– Я не приму никакой награды, если вы не исполните моей просьбы, – твердо сказал Скобелев. – Я уцелел только благодаря мужеству и отваге моего друга, переводчика и проводника Млынова, ваше превосходительство. Он не имеет никакого военного образования, но я прошу утвердить его в офицерском звании.

История редкого по отваге и дерзости подвига подполковника Михаила Дмитриевича Скобелева не только попала во все репортажи и доклады, но и во всю мировую прессу, красочно расписанная Макгаханом. А друг детства императора Александра II граф Адлерберг с чувством, подробностями и очень своевременно поведал об этом государю за чашкой утреннего кофе.

– Полковник удался в своего деда. – Александр изволил милостиво улыбнуться. – Полагаю, Кауфман представил сего героя к достойной награде?

– Полковник Скобелев представлен к ордену Святого Георгия, Ваше Величество.

– Мы запомним сего Георгиевского кавалера, граф. А пока подождем его следующего подвига.

Это была единственная награда Скобелева: за труднейший поход Киндерлиндского отряда он ничего не получил – кроме звания полковника. То ли отчаянный поиск колонны Маркозова заслонил собою иные его дела, то ли кто-то просто-напросто вычеркнул Михаила Дмитриевича из всех репортажей, ловко переведя внимание на больного полковника Ломакина, то ли еще по какой-то причине. За путешествие через пустынные солончаковые степи в носилках Николай Павлович был пожалован генеральским чином, золотым оружием и орденом Святого Владимира третьей степени с мечами. Российские награды вообще сыплются как бы сами по себе, завися порою от дворцовых сплетен, ничтожных слов и еще более ничтожных умолчаний куда больше, нежели от действительных примеров служения Отечеству своему.

Впрочем, Скобелеву некогда было обижаться. Вскоре последовало восстание в Коканде, бороться с которым досталось ему уже как самостоятельному командиру соседствующих русских отрядов. Не связанный более непосредственным руководством людей посредственных, Михаил Дмитриевич столь стремительно и энергично громил многократно превосходящие его силы противника, что на иное у него просто не оставалось времени. Не заметить его редкостного полководческого таланта было уже невозможно, тем более что государь и впрямь запомнил его по подвигу в Каракумах. За быстрым разгромом кокандцев последовало производство в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Императорского Величества, золотое оружие за храбрость, ордена Георгия третьей степени и Владимира с мечами. За производством последовали и назначения, и молодой генерал Скобелев оказался вскоре административным и военным руководителем Ферганы.

Трудно было себе представить более удачную карьеру, особенно если учесть, что она только начиналась. Тридцатилетнему генерал-губернатору люто завидовали в обеих столицах.

– Этот ваш Скобелев способен воевать только с халатниками. Он вмиг испачкает свой пресловутый белый мундир в любой европейской войне.

Михаила Дмитриевича глубоко обижало это высокомерное столичное пренебрежение. Он понимал, что оно во многом питалось его неумной страстью к риску вполне рассчитанному, оправданному глубоким пониманием психологии противника, но ни академические

военные светила, ни тем паче аристократические салоны как Москвы, так и Санкт-Петербурга просто не могли себе представить всего многоцветья его далеко не ординарного человеческого и военного таланта. Он выламывался из всех привычных схем, а потому и обречен был на остракизм высшего общества, давно уже выработавшего неукоснительные правила отношений с любой самобытной личностью.

В основе лежала обыкновенная обывательская зависть, – затмевающая не только его воинские победы, но и весьма существенные достижения на ниве административной деятельности. Подведомственные ему территории жили мирно и достойно, но никто не желал видеть ничего достойного в самом молодом генерал-губернаторе.

И начались интриги, против которых по-детски доверчивый Михаил Дмитриевич оказался совершенно бессилён. Все кем-то очень умело раскручивалось, накапливалось, росло, и в конце концов Скобелев не выдержал и... бежал.

В Санкт-Петербург. За правдой к самому государю императору Александру II.

Часть вторая

Глава первая

1

Теплым апрельским вечером по всему местечку Кубея, расположенному у самой румынской границы, весело трещали десятки костров. На центральной площади возле каменной церкви играл полковой оркестр, вокруг костра толпились казаки и молодые офицеры; те, кто постарше, сидели у огня на седлах в тесном кругу бородатых донцов. Со всех сторон доносились песни, озорные посвисты, дружный хохот десятков казачьих глоток, громкое ржание встревоженных, предчувствующих поход лошадей.

– Сегодня всенепременно приказ на выступление должен быть, – говорил увешанный медалями старый вахмистр. – Помяните мое слово, ребята, должен!

Смеялись казаки:

– Печенка чует, Евсеич?

– Не сглазь, отец. Каркаешь третий час.

– У него глаз добрый: глянет – как выстрелит!

– Правду говорю, – убежденно сказал вахмистр. – Ну, с кем об заклад?

– Со мной, борода, – улыбнулся безусый хорунжий. – Что же поставишь?

– Шашку поставлю. Хорошая шашка, кавказская. А ты что взамен, ваше благородие?

– Лошадь могу. У меня заводная есть.

– Тю, лошадь! На твоей лошади только и знай, что девок катать.

– Ну, винчестер хочешь?

– Смотрите, Студеникин, проиграете, – предупредил немолодой сотник. – Евсеич и вправду печенкой поход чувствует, тридцать лет в строю.

– Не беспокойтесь о моем имуществе, Немчинов, – задорно сказал хорунжий. – Пойдет ли винчестер, Евсеич?

– Коль не ломаный, так чего ж ему не пойти?

– Нет, новый.

– Тогда по рукам. При свидетелях.

– Согласен. Только скажи, откуда о походе знаешь?

– Дело нехитрое, – пряча усмешку в косматую, с густой проседью бороду, начал вахмистр. – Задаю я, значит, поутру корм своему Джигиту, а он и рыло в сторону. Что ты, говорю, подлец, морду-то воротишь? Овес отборный, сам бы жрал, да зубы не те. А он повздыхал этак, по сторонам глазом порыскал да и говорит мне...

– Ох-хо-хо! Ха-ха-ха! – ржали казаки. – Ну, Евсеич! Ну, отец! Ну, уморил!

– Что это они там? – хмуро удивился начальствующий рейдовым отрядом полковник Струков, нервно топтавшийся у крыльца каменного дома, занятого под штаб.

– Перед походом, – пояснил командир 29-го казачьего полка хмурый полковник Пономарев. – Евсеич, поди, байки рассказывает, а они зубы скалят.

– Поход, – вздохнул Струков. – Порученца до сей поры нет, вот вам и поход. Неужто отложили?

– Быть того не должно...

Полковник вдруг примолк и напрягся, вслушиваясь. Из степи донесся далекий перезвон почтового колокольчика.

– Вот и порученец, Александр Петрович. Ну, дай-то бог, чтоб не ошибся я.

– Доложите князю Шаховскому! – крикнул полковник и, подхватив саблю, молодо выбежал на площадь. – Место, казаки, быстро! Освобождай проезд!

Было уже начало одиннадцатого, когда перед штабом остановилась взмыленная фельдъегерская тройка. Из коляски вылез офицер по особым поручениям полковник Золотарев.

– Здравствуйте, господа. Заждались?

– Признаться, заждались, – сказал Струков. – Где вас носило, Золотарев?

– Так ведь грязи непролазные, господа, лошадям по колени. Где князь?

– С нетерпением ожидает вас в штабе.

Командир 11-го корпуса генерал-лейтенант князь Алексей Иванович Шаховской ожидал порученца стоя и несколько торжественно. Нетерпеливым жестом прервав рапорт, требовательно протянул руку за пакетом. Перед тем как надорвать его, обвел офицеров штаба суровым взглядом из-под седых насупленных бровей. Рванул сургуч, вынул бумагу, торопливо пробежал ее глазами, глубоко, облегченно вздохнул и широко перекрестился.

– Война, господа.

– Ура! – коротко и дружно отозвались офицеры.

Князь поднял руку, и все примолкли.

– Никому ни слова о сем. Высочайший манифест будет опубликован завтра в два часа пополудни. А сегодня... Где селенгинцы, полковник Струков?

– На подходе, ваше сиятельство.

– Дороги очень тяжелые, ваше сиятельство, – поспешно пояснил Золотарев. – Передовую колонну Селенгинского полка обогнал верстах в семи отсюда, артиллерия отстала безнадежно.

– Так, – вздохнул Шаховской. – Начать не успели, а уж в грязи по уши.

– Время уходит, ваше сиятельство, – негромко напомнил Струков.

– Селенгинцы после марша за мною все равно не угонятся, а артиллерия ранее утра вообще не подойдет.

Корпусной командир промолчал. Подошел к столу, долго изучал расстеленную карту. Сказал, не поднимая головы:

– Сто десять верст марша да переправа через Прут. Где гарантия, что паром не снесло разливом?

– Вчера с той стороны перебежал болгарин, – сказал начальник штаба корпуса полковник Бискупский. – Утверждает, что паром – на этом берегу.

– Следовало проверить своевременно.

Князь Шаховской был старым, кавказским воякой, заслужившим личной отвагой одобрение самого Шамиля*. Он, как никто, ценил риск, неожиданные обходы, стремился к глубоким рейдам и всегда безоговорочно верил в победу. Но начинать эту освободительную войну за сутки до ее официального объявления без достаточной подготовки решиться ему было нелегко. Повздыхал, сердито двигая седыми клочковатыми бровями, сказал сухо:

– Повременим. Свободны. Бискупскому остаться.

Недовольный Струков сознательно замешкался в дверях, пропуская поваливших из комнаты офицеров. Глянул на часы, вздохнул, сказал просительно:

– Разрешите хоть рекогносцировку с офицерами провести, ваша светлость.

– Экий ты, братец, упрямый, – проворчал генерал. – Ну проводи. Не помешает.

Оставив Пономарева заниматься подготовкой к походу, Струков вывел офицеров на границу – на сам Траянов вал, режущий землю на Россию и Румынию*. Над степью уже сгустилась тьма, но на той, румынской, стороне ярко горели окна в таможене и цепочкой от Траянова вала в глубь Румынии тянулось множество костров, точно кто-то высвечивал дорогу рейдовому русскому отряду. Кратко ознакомив офицеров с задачей и сердито оборвав их попытку тут же

рявкнуть восторженное «ура!», указал примерный маршрут. Перечислил основные населенные пункты, которые предстояло миновать отряду, и обратил особое внимание на цепочку костров:

– Это светят нам, освободительной русской армии, господа. Деревенька, что перед нами, населена болгарами, бежавшими от трехсотлетнего турецкого ига, а посему и носит она название совершенно особое, я бы сказал даже символическое – Болгария. Это наша первая и одновременно конечная цель в этой святой освободительной войне, господа.

Еще раз напоминаю о порядке и осторожности нашего поиска. Какие бы то ни было самовольные перемещения, курение и разговоры запрещаю категорически. Учтите, что поход будет проходить по территории дружественного нам союзного суверенного государства. Растолкуйте это казакам, чтобы дошло до каждого. И помните, господа: на нас смотрит не только вся Россия. На нас смотрит вся Европа, потому что мы первыми начинаем освободительный поход против многовековой тирании Османской империи.

Когда вернулись в Кубею, полк был готов к длительному маршу. Кони взнузданы, тюки увязаны, тороки* пригнаны; казаки еще балагурили у затухающих костров, но за их спинами коноводы уже держали лошадей в поводу.

В начале двенадцатого послышался мерный тяжелый топот: шел усталый Селенгинский пехотный полк. Остановился у выхода на площадь, вольно опершись о винтовки, но строго соблюдая строй. Командир спешился у крыльца, доложил о прибытии полка вышедшему навстречу Шаховскому.

– Что артиллерия?

– Застряла, ваше сиятельство, – виновато вздохнул до погон заляпанный грязью командир Селенгинского полка. – Пехотинцы совершили тридцативерстный переход по тяжелой дороге и сейчас очень нуждаются в отдыхе.

– Ясно, – сердито буркнул Алексей Иванович.

– Ваше сиятельство, – умоляюще сказал Струков. – Позвольте с одними казаками поиск произвести.

Генерал хмуро помолчал, и все с затаенным нетерпением молча смотрели на него.

– Грязи, грязи... – Шаховской потоптался, недовольно вздохнул. – Делать более нечего, рискуйте, полковник. Только...

– Ур-ра! – загремела притихшая площадь, заглушая генеральские слова. – Поход, ребята! По местам, казаки!

Командир корпуса неожиданно оглушительно рассмеялся, выпрямился как на смотре, развернул плечи. Крикнул, поднатужившись, хриплым, сорванным басом:

– С богом, дети мои!.. – Вдруг закашлялся, обернулся к Струкову: – Обращение Его Высочества – и вперед. Вперед, полковник, только вперед!

– Благодарю, ваша светлость! – весело прокричал Струков, сбегая с крыльца.

Казаки уже вскакивали в седла, вытягиваясь посотенно и строя каре по сторонам площади. Во время захождения кто-то вежливо тронул хорунжего Студеникина за плечо. Он оглянулся: с седла, ухмыляясь, свешивался вахмистр Евсеич.

– Винтовочку мою ты сам повезешь, ваше благородие, или мне отдашь?

Казаки рассмеялись.

– Тихо! – крикнул сотник Немчинов. – Что за хохот?

Хорунжий торопливо сдернул с плеча новенький английский винчестер и протянул его вахмистру.

Каре выстроилось, и в центр его выехали оба полковника: Струков и Пономарев.

– Казаки! – волнуясь, но зычно и отчетливо прокричал Струков. – Боевые орлы России! Вам доверена великая честь: вы первыми идете на врага. Поздравляю с походом, донцы!

– Ур-ра! – качнув пиками, раскатисто прокричали казаки.

– Слушай обращение! – Струков развернул бумагу, адъютант услужливо светил фонарем. – «Сотни лет тяготеет иго Турции над христианами, братьями нашими. Горька и невыносима их неволя. Не выдержали несчастные, восстали против угнетателей, защищая детей, женщин и имущество свое. И вот уже два года льется кровь: города и села выжжены, имущество разграблено, жены и дочери обесчещены. Доблестные войска вверенной мне армии! Не для завоеваний идем мы, а на защиту поруганных и угнетенных братьев наших. Дело наше свято и с нами Бог. Я уверен, что каждый, от генерала до рядового, исполнит свой долг и не посрамит имени русского. Да будет оно и ныне так же грозно, как в былые годы. Да не остановят нас ни преграды, ни труды, ни иные лишения, ни упорство врага. Мирные же жители, к какой бы вере и к какому бы народу они ни принадлежали, равно как и их добро, да будут для вас неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно, никто не должен позволить себе произвола...»

Струков откашлялся, строго оглядел замерший строй: в затухающем свете костров за силуэтами всадников виднелись ряды селенгинцев и группа офицеров на крыльце штаба. Он глубоко вздохнул и продолжил чтение:

– «Напоминаю моим войскам, что по переходе границы мы вступаем в издревле дружественную нам Румынию, за освобождение которой пролито немало русской крови. Я уверен, что там мы встретим то же гостеприимство, что предки и отцы наши. Я требую, чтобы за то все чины платили им, братьям и друзьям нашим, полною дружбою, охраною их порядков и беззаветною помощью против турок, а когда потребуется, то и защищали их дома и семьи так же, как свои собственные...» – Струков закончил чтение, внушительно потряс бумагой. – Подлинник подписал Его Императорское Высочество великий князь Николай Николаевич старший! – Полковник вытер со лба пот, вновь привстал на стременах. – Для молебна времени нет. Полковник Пономарев, вы прочтете молитву перед походом. Шапки долой!

Пономарев громко, отчетливо выговаривая каждое слово, прочитал молитву. Казаки истово перекрестились, надели шапки.

– Полк, справа по три, за мной рысью ма-арш! – подал команду Струков.

И не успели тронуться первые казачьи ряды, как с улицы донеслось:

– Селенгинцы, слушай! Равнение на двадцать девятый казачий!.. На кра-ул!..

Слаженно лязгнули взятые на караул винтовки: пехота отдавала воинские почести казакам, уходившим в поход первыми. Генерал Шаховской и офицеры у штаба взяли под козырек, и сразу же загредел походным маршем оркестр. Сотни вытягивались из Кубеи к государственной границе России.

Пересекли Траянов вал, поравнялись с румынской таможней. Во всех окнах горел свет, шлагбаум был поднят. Румынский доробанец* держал ружье на караул, офицер и солдаты, высыпавшие из таможни, отдавали честь.

– Вот бы всю дорогу так, – заметил Струков и крикнул: – Расчехлить знамя!..

За таможней начиналась цепь костров, освещавших дорогу в небольшую деревеньку. Стало светлее, и все увидели десятки людей, стоявших по обе стороны. Мужчины снимали шапки, старухи и старики кланялись в пояс, женщины поднимали детей; кто плакал, кто истово крестился, кто становился на колени, и все кричали что-то восторженное и непонятое.

– Подтянуться, – сказал полковник Струков. – Это болгары нас приветствуют.

Седой сторбленный старик, держа в руках хлеб, шагнул на дорогу, остановив колонну. Струков нагнулся с седла, принял хлеб, поцеловал его.

– Спасибо, отец. Только некогда нам, ты уж извини. Мы в твою Болгарию спешим.

Старик низко поклонился и сразу же отступил в сторону. Но полковник не успел тронуть коня: бородатый крепкий мужик перехватил повод.

– Ваше высокоблагородие, русский я, русский! – торопливо говорил он. – В Сербии ранен был, в плен попал, бежал оттуда и вот... Вас дождаюсь.

– Ну и дождался, – улыбнулся Александр Петрович. – Можешь домой идти, в Россию.

– Охотой я тут кормился, – продолжал бородач, не слушая его. – Места хорошо знаю, хочу проводником к вам. А идти, ваше высокоблагородие, мне теперь некуда, барина моего в Сербии убили. Посчитаться надо бы. Возьми, а?

– Проводником, говоришь? – Струков задумался. – Эй, казаки, коня проводнику! По дороге расскажешь, кто да что. Глядишь, и познакомимся.

– Спасибо, ваше высокоблагородие!

Бородач ловко вскочил на заводного коня, пристроился рядом. Толково рассказывал по дороге, как воевал в Сербии, как потерял в бою барина, у которого служил денщиком, как без денег и документов прошел всю Европу и наконец-таки осел здесь, в болгарской колонии. Ждать своих.

– Настродался я, ваше высокоблагородие: бумаг-то при мне никаких не было. А уж тюрем повидал – и австрийских, и венгерских, и румынских, не приведи бог никому! Ну, слава богу, до болгар этих добрался.

– Охотой промышлял, значит?

– Промышлял. – Проводник усмехнулся. – Башибузуки тут шалют часто. Скот угоняют, хаты жгут, бывает, и девчонок уводят. Ну, мне общество ружьишко купило, так теперь потише стало. Ну и охота, конечно, тоже... Здесь правее бери, ваше высокоблагородие, прямо – низинка, топко там.

– Ну, ты молодец, борода, – смеялся Струков, приняв правее по совету проводника. – Гайдук, значит, так получается?

– Какой из меня гайдук, – улыбнулся в бороду мужик. – Охотник я, стреляю хорошо.

– Паром на Пруте цел, не знаешь?

– Как не знаю, цел. Приглядывал и сам крепил его, чтоб в половодье не унесло.

Подшли к румынскому местечку, жители которого от мала до велика высыпали навстречу казачьему полку. Кланялись, кричали приветствия, протягивали казакам пшеничные хлебы, по местному обычаю ломая их пополам на вечную дружбу. Но Струков и здесь не остановился, только сбавил аллюр, из уважения к гостеприимным румынам шагом миновав местечко.

Остановились на берегу мутного, вспененного быстрым течением, широко разлившегося Прута. Надежно закрепленный паром был на месте, но канат, по которому ходил он, на противоположном берегу оказался перерубленным.

– Башибузуки постарались, – виновато вздохнул проводник. – Виноват, ваше высокоблагородие, что недоглядел. Канат вчера утром еще целым был.

– Кому-то надо вплавь, – озабоченно сказал Пономарев. – Скрепит канат, а там уж и мы переправимся. Эй, ребята, кто за крестом ползет?

– Уж, видно, мне придется. – Евсеич спрыгнул с коня, не ожидая разрешения, стал раздеваться. – Оно, конечно, мутновато, зато конь у меня добрый. Вытащит.

Пока вахмистр неторопливо стаскивал сапоги и одежду, проводник уже скинул все и в одних холщовых подштанниках спустился к воде. Попробовал ее корявой ступней:

– Холодна купель-то!

– Куда собрался, борода? – строго окликнул Струков. – Вахмистр один справится.

– Нет уж, ваше высокоблагородие, ты мне не перечь, – вздохнул проводник. – Я тут за всю Россию в ответе.

– За гриву держись, коли невоготу станет, – сказал Евсеич, крепя конец каната к задней луке казачьего седла. – Джигит вынесет. Одежонку нашу с первым паромом отправить не позабудьте, казаки. Ну, с богом, что ли?

Добровольцы широко перекрестились и дружно шагнули в мутную стремительную воду. Жеребец сердито фыркнул, недовольно дернул головой, но послушно пошел за хозяином.

– Ох, знобка! – донесся веселый голос Евсеича. – Не поминайте лихом, братцы!

Полк спешился, отпустил коням подпруги, длинным строем рассыпался по берегу. Все молчали, с тревогой лова среди волн три головы – две людские и лошадиную.

– А если судорога? – спросил Студеникин. – По такому холоду судорога очень даже возможна.

– Типун вам на язык, хорунжий, – недовольно сказал сотник. – Не болтайте под руку.

Две кудлатые головы – одна седая, будто посыпанная солью, вторая темно-русая – плыли ровень по обе стороны задранной в небо лошадиной морды. Но на стремнине их отбросило друг от друга, понесло, закружило, перекрывая волнами.

– Держись! – орали казаки. – Загребай, братцы!

– Придержаться канат! – крикнул Пономарев и сам бросился к парому. – Внатяг его надо, внатяг пускать!

Но было уже поздно: мокрый тяжелый канат захлестнул задние ноги жеребца. Джигит испуганно заржал, завалился на бок, голова на миг ушла под воду. Евсеич пытался подплыть к коню, но его снесло ниже, и он напрасно молотил руками.

– Пропал конь! – ахнули казаки. – Сейчас воды глотнет и все, обессилеет.

Проводник, развернувшись по течению, уже плыл к Джигиту размашистыми саженками, по пояс выскакивая из воды. Нагнал сбитого волнами жеребца, нырнул, нащупал поводья, рванул морду кверху. Жеребец всхрапнул, дернулся, заржал тоненько. Не отпуская поводьев, проводник поплыл чуть впереди, из последних сил преодолевая стремнину. Он греб одной рукой, волны раз за разом накрывали его с головой, но он, задыхаясь и глотая мутную воду, не отпускал коня. Евсеича сносило вниз.

– Держись! – теперь кричали не только казаки, но и офицеры, подбадривая изнемогающего бородача. – Держись, милоч! Чуток осталось, держись!..

Жеребец первым нащупал дно и сразу же рванулся, вынося на поводьях обессилевшего, нахлебавшегося воды проводника. С трудом выволок его на размытый глинистый берег. Следом змеей тащился отяжелевший мокрый канат.

– Ура! – восторженно кричали донцы. – Ура, ребята! Молодец, борода!..

– Вот вам и первые ордена в этой кампании, – облегченно вздохнув, сказал Струков Пономареву и истово перекрестился. – Поздравляю, полковник.

– Сплюньте от сглазу...

По противоположному берегу снизу бежал Евсеич. Проводник стоял на коленях, его мучительно рвало. Рядом тяжело поводил проваленными боками Джигит.

– Живой? – вахмистр сграбастал проводника, обнял, расцеловал. – Коня ты мне спас, коня верного, Джигита моего! Брат ты мой названный теперь!

– Вяжи канат, Евсеич, – задыхаясь, сказал проводник. – Сил у меня нету...

Торопливо огладив и поцеловав в мокрую морду жеребца, Евсеич, спотыкаясь и падая, кинулся крепить канат к вбитой в откос дубовой свае. Проводник по-прежнему стоял на коленях, его все еще мучительно рвало.

Струков переправился с первым же паромом. К тому времени проводник и вахмистр уже кое-как отдышались. Увидев подходившего полковника, встали; докладывать не было сил, особо вытягиваться тоже. Усталые тяжелые руки вяло висели вдоль мокрых подштанников.

– Спасибо, молодцы. – Струков троекратно расцеловал каждого, протянул фляжку. – Пополом – и до дна. – Дождался, когда они осушат ее, добавил: – Поздравляю с крестами, братцы.

– Рады стараться, – устало сказал Евсеич.

Проводник промолчал. Глянул умоляюще:

– Ваше высокоблагородие, уважьте просьбу, век буду Бога молить. Дозвольте с вами на турка. Посчитаться мне с ним надобно.

– Дозвольте в строй ему, ваше высокоблагородие, – попросил вахмистр. – Побратим он мой и казак добрый, дай бог каждому. Всем обществом просить будем.

– В казаки, значит, хочешь? – улыбнулся Струков. – Что ж, заслужил. Полковник Пономарев, возьмете казака?

– Фамилия?

– Тихонов Захар! – собрав последние силы, бодро отозвался проводник.

– Немчинов, запиши в свою сотню.

– Премного благодарен!

– Ну, поздравляю, казак. – Струков пожал Захару руку. – Пока при мне будешь.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Через три часа полк переправился полностью. За это время отдохнули и подкормились и казаки, и кони: шли резво, радуясь тихому и ясному солнечному дню. За Прутом потянулись нескончаемые топи и залитые половодьем низины; дорога пролегала по узкой дамбе, полк с трудом умещался в строю по трое. Полковник Струков ехал впереди с проводником.

– Дунай виден, ваше высокоблагородие, – сказал Захар. – Слева изгибы блестят, видите? Кругом вода желтая, а они вроде как бы стальные.

– Дунай слева, казаки! – крикнул Струков.

– Слава богу! – отозвались казаки. – Побачим и мы, что деды наши бачили.

Перевалили через высокий холм, и Захар придержал коня. Теперь Дунай хорошо был виден впереди, а перед ним на спуске сразу начинался крупный город. На утреннем солнце ярко белели дома, зеленели омытые росой крыши.

– Галац, ваше высокоблагородие. Может, разведку сперва? Тут по Дунаю турецкие броненосцы шастают.

– Некогда разведывать. Авось проскочим.

Проскочить с ходу не удалось: перед городской заставой их встретила цепь румынских доробанцев. Они стояли спокойно, опустив ружья к ногам, и больше сдерживали толпу любопытных жителей, чем угрожали казакам.

– Пропустить не могу, господа, – сказал молодой офицер по-французски. – Сейчас придет господин префект, потрудитесь обождать.

Спорить было бесполезно, идти напролом Струков не имел полномочий, и полк замер в бездействии. Наконец показалась коляска. Остановилась у заставы, и из нее важно вышел полный господин, опоясанный трехцветным шарфом.

– С кем имею честь?

Струков отрекомендовался, попросил разрешения пройти через город.

Префект энергично замотал головой:

– Нет, нет, господа, об этом не может быть и речи. Я не получал соответствующих указаний и не имею права позволить вам вступать в мой город ни при каких обстоятельствах. Но я не могу и запретить вам двигаться в любую сторону.

– Извините, господин префект, я не понял вас.

– Я не имею права ни позволить, ни запретить, – туманно повторил префект.

– Как?

– Я все сказал, господа.

Струков в недоумении повернулся к Пономареву:

– Вы поняли, что он имеет в виду?

– Хитрит, – пожал плечами Пономарев. – Нас мало, а турецкие мониторы ходят по Дунаю.

– Что будем делать?

– Чего он бормочет-то, начальник ихний? – нетерпеливо спросил Захар.

– Через город не пускает.

– Ну, так я задами проведу, эка беда. Задами-то, чай, можно, не его власть?

– Молодец! – облегченно рассмеялся Струков. – Веди.

– А вот направо, через выгон.

– До свидания, господин префект. – Струков вежливо откозырял. – Полк, рысью!..

Префект молча обождал, пока полк не свернул с дороги, огибая город. Потом снял шляпу, вытер платком лоб, сказал офицеру, вздохнув с облегчением:

– Догадались наконец.

Полк беспрепятственно обогнул Галац, вновь вернулся на дорогу. Отсюда хорошо был виден Дунай и пристань Галаца, вся в дымах от множества пароходов. Пароходы разводили пары, торопливо разворачиваясь, уходили вверх и вниз по реке.

– Турки, – сказал Захар. – Слава богу, броненосцев нет. Быстро мы добрались, не ожидали они.

Струков перевел полк на крупную рысь. Десять верст скачки – и за поворотом открылись станция Барбош и длинный железнодорожный мост через Серет.

– Цел, слава Тебе, Господи! – вздохнул Струков. – И охраны нигде не видно.

– Да тут ее сроду не было, – усмехнулся проводник.

– Первой сотне спешиться! – скомандовал полковник. – На ту сторону бегом, занять оборону!

Казаки первой сотни, бросив поводья коноводам, прыгали с седел. Срывая с плеч берданы, бежали по мосту на ту сторону Серета. Командир сотни, добежав первым, замахал руками, подавая знак: его казаки, рассыпавшись, уже занимали оборону.

– Слава богу! – Пономарев снял фуражку, широко перекрестился, и за ним закрестились все казаки. – Поздравляю, казаки, перед нами – Турция.

– Ошибаетесь, полковник, – негромко поправил Струков. – Перед нами Болгария.

2

В то время как казаки 29-го Донского полка спешно занимали оборону вокруг захваченного в целостности и сохранности Барбошского железнодорожного моста, в Кишиневе на Скаковом поле в присутствии императора Александра II заканчивалось торжественное молебствие по случаю подписания высочайшего манифеста о начале войны с Турецкой империей.

Батальоны вставали с колен, солдаты надевали шапки, священнослужители убрали походные алтари. Многотысячный парад и толпы местных жителей хранили глубокое благоговейное молчание, подавленные торжественностью и значимостью происходящего. Лишь изредка всхрапывали застоявшиеся кони, да неумолчно орали воробьи, радуясь ясному солнечному дню. Государь и многочисленная свита сели на лошадей и отъехали в сторону, освобождая середину поля для церемониального марша назначенных к параду войск. Стоя в строю Вольнского полка перед своей ротой, капитан Бряннов ощущал, что искренне взволнован и умилен, что его сомнения и неверие куда-то делись, что цель его теперь проста и ясна. Он повторял про себя запавшую в память строку из манифеста: «Мера долготерпения нашего истощилась...» – и удивлялся, что не чувствует в себе ни иронии, ни раздражения, которые всегда возникали в нем при чтении выпренных монарших слов. Сейчас он верил, что перед Россией едва ли не впервые в истории поставлена воистину благороднейшая задача, решение которой зависит уже не от воли всевластного повелителя. Решение это зависело теперь от всей России, от всего народа ее, а значит, и от него самого, капитана Бряннова. Он вспомнил вдруг своего деда, тяжело раненного под Смоленском, отца, погибшего на Черной речке в Крымскую войну, и с гордостью подумал, что идет отныне по их нелегкому пути. Пред этим ощущением померкло даже его собственное волонтерское прошлое, даже личной отвагой заслуженный им в Сербии Таковский крест*.

Торжественно и звонко пропели трубы кавалерийский поход. Первыми развернутым строем на рысях поэскадронно двинулись через поле кубанские и терские казаки, отряженные в этот день в собственный Его Величества конвой. Под сухой строгий рокот сотен барабанов сверкнули на утреннем солнце вырванные из ножен для салюта офицерские клинки: 14-я пехотная дивизия генерала Михаила Ивановича Драгомирова начинала торжественный марш. Ряд за рядом, рота за ротой шагала она через Скаковое поле, оцетинившись тысячами штыков, и капитан Бряннов, печатая шаг, шел впереди своей роты раскованно и гордо.

Следом за последним, Минским полком 14-й пехотной дивизии шли два батальона, солдаты которых были одеты в новое, непривычное для русской армии обмундирование: в меховые шапки с зеленым верхом, черные суконные мундиры с алыми погонами, перекрещенные амуницией из желтой кожи, в черные же шаровары и сапоги с высокими голенищами. Появление их в парадном марше вызвало бурю восторга в толпе зрителей, и даже император совсем по особому поднял руку в знак приветствия: то шли первые два батальона болгарских добровольцев. Кого только не было в их рядах: безусые юнцы и кряжистые, поседевшие отцы семейств, студенты и крестьяне, торговцы и священники, покрытые шрамами гайдуки и бывшие сербские волонтеры с Таковскими крестами на черных новеньких мундирах. Шла не только будущая народная армия свободной Болгарии – шел ее завтрашний день, и поэтому так восторженно встречали первых ополченцев жители Кишинева.

И было это 12 апреля 1877 года. Впервые после разгрома Наполеона Россия вступала в войну за свободу и независимость других народов.

3

– А жаль, князь, что дела в Сербии закончились столь поспешно, – вздохнул генерал свиты Его Величества Михаил Дмитриевич Скобелев, любовно огладив пшеничную, старательно расчесанную на две стороны бороду.

Он стоял у окна, заложив за спину руки и привычно развернув украшенную орденами грудь. За окном сиял весенний кишиневский день, и в каждой луже дробилось солнце, а в стекле отражался сам генерал свиты Его Величества. Князь Насекин молча наблюдал за ним, утонув в глубоком продавленном диване. В гостиничном номере было тускло, холодно и сыро; князь привычно мерз и кутался в шотландский плед.

– Да, жаль, – еще раз вздохнул генерал. – Ей-богу, князь, плюнул бы на все и укатил бы к Черняеву. А там пусть судят: семь бед – один ответ.

– Любопытная мысль, – лениво усмехнулся князь. – Если солдат – слуга Отечества, то генерал – слуга правительства. Вы слушаете, Скобелев? Отсюда следует, что если солдат-бунтарь принадлежит суду, то бунтарь-генерал принадлежит самой истории. Я правильно вас понял, Михаил Дмитриевич?

– С меня моей славы хватит, – ворчливо буркнул Скобелев, не оглядываясь.

– Фи, Мишель, – вяло поморщился князь. – Когда-то в далекой юности мы поклялись говорить друг другу правду. Кстати, вы помните, где это случилось?

– Париж, пансион Жирардэ, – улыбнулся Скобелев. – Прекрасная пора юного вина, юных женщин и юных желаний. Потом мы почему-то решили стать учеными мужами и оказались в университете. Без юных женщин и юного вина.

– Вас с колыбели изматывал бес тщеславия, генерал. Если братья Столетовы пошли в университет за знаниями, я – по врожденному безразличию, то вы – лишь в поисках лавровых венков.

– Что с вами, князь? – обеспокоенно повернулся Скобелев, впервые перестав разглядывать самого себя в оконном отражении. – Вы, часом, не больны?

– Наоборот, Мишель. Я выздоравливаю.

– Странно вы говорите, однако.

– Все так, все так. Через год вы переметнулись в кавалергарды, и из всей нашей четверки терпеливо закончил в университете один Столетов-младший*. Вот ему-то и достанется самая прочная слава, помяните мое слово. И только лишь потому, что он о ней не думает совершенно. А вам всего мало, Скобелев. Мало орденов, мало званий, мало славы, почестей и восторгов толпы. Впрочем, я искренне завидую вашей жадности: она – зеркало ваших неумемных желаний.

Скобелев молчал, теперь уже с видимым удовольствием слушая монолог князя: он любил, когда о нем говорили, и не скрывал этого. Он не просто жаждал славы – он яростно добивался ее, рискуя жизнью и карьерой. Он искал ее, эту звонкую военную славу, бросаясь за нею то в Данию, то в Сардинию, то в Туркестан. Он ловил свою удачу, азартно вверяя случаю самого себя.

И слава нашла его быстро, но у этой шумной славы оказался привкус скандала. И этот проклятый привкус перечеркивал все, даже ту воистину легендарную личную храбрость, в которой Михаилу Дмитриевичу не могли отказать даже непримиримые враги. А их было несколько не меньше, чем друзей: Скобелев был размашист, бесшабашен, резок в оценках и безрассудно отважен в решениях. Обладая прекрасным образованием и острым умом, он так и не научился показному светскому хладнокровию: в обществе его не любили за детское неумение и нежелание прикрываться язвительным юмором или спокойной иронией. Этот большой, сильный, шумный человек воспринимал театр военных действий прежде всего именно как театр. Ему всегда требовалась главная роль и публика. И еще – противник, и чем сильнее был противник, тем талантливее становился Скобелев.

Об этом думал князь, насмешливо поглядывая на Михаила Дмитриевича, мерявшего номер большими шагами. Ордена празднично звякали на груди.

– Не тратьте на обиды столько внутренних сил, Мишель, – нехотя, словно преодолевая себя, сказал он. – Москва не верит ни слезам, ни слухам.

– Верит, – Скобелев упрямо мотнул головой, – еще как верит!.. Впрочем, вы правы, и я тоже не люблю Петербурга. Нерусский и не искренний город! В нем есть что-то лакейское: Пушкин недаром сравнивал Москву с девичьей, а Петербург – с прихожей. Москва болтлива, шумна, слезлива и отходчива, а град Петров пронырлив, хитер, молчалив и злопамятен. Нет, нет, я москвич душою и телом, напрасно улыбаетесь, князь.

– А ну как государь не простит?

– Что – не простит?

Скобелев спросил с паузой, и в этой паузе чувствовалось напряжение. Будто он сам подумал о том же, а, подумав, сжался. Не струсил – он уже привык волей подавлять в себе страх, – а именно сжался, съезжился внутренне.

– Генерал свиты Его Императорского Величества Скобелев внезапно бросил свои войска, губернатор Скобелев столь же внезапно оставил вверенную его попечению область... Не слишком ли много для одного человека? Было бы что-нибудь одно – ну, бог с вами, Михаил Дмитриевич, пошалили – прощаем. Но вы же едины в двух лицах, и оба эти лица без монаршего соизволения оказываются сначала в Петербурге, потом в Москве, а затем и в Кишиневе.

– Я требую, чтобы меня предали суду! – громко сказал Скобелев. – Я готов предстать перед любыми судьями, лишь бы положить конец порочающим меня гнусным сплетням. Намекнуть об исчезновении казны кокандского хана в то время, когда я штурмом беру этот самый Коканд, – да за это убить вас мало, господа корреспонденты! Ну, убью, допустим, а что толку-то? Слух назад не отзовешь, слух пополз, затрепыхался, взлетел даже! Уж из дома в дом перепархивает, из гостиной в гостиную: «Слыхали, генерал-то Скобелев-второй кокандскую казну... того, знаете, этого...» Ну и что прикажете делать? Что? Как им глотки заткнуть да языки болтливые окоротить? Единственно, что остается, – искать защиты у государя. Единственно!..

– И что же государь? – лениво поинтересовался князь. – Пожалел вас, пособолезновал? Или понял вашу оскорбленную душу и тотчас распорядился с судом?

– Как бы не так, – шумно вздохнул Скобелев. – Государь сказал, что генералов своей свиты он под суд не отдаст, рекомендовал отдохнуть на водах и... И вот я не у дел. Генерал без войск, правитель без территории. А за спиной шушукаются, на улицах не узнают, а скоро и в гостиных руки подавать не станут.

– И все же вы не ответили, генерал без войск и правитель без территории: боитесь вы гнева монаршего и лишь бравируете или и впрямь не боитесь?

– Не боюсь, – улыбнулся Скобелев. – И вовсе не из безрассудства, а по точному расчету, князь. Удивлены, поди: расчет – и Скобелев. Однако расчетец имеется, поскольку в моем послужном списке значится Гродненский гусарский полк – служил там корнетом в шестьдесят четвертом. Государь же был шефом этого полка с семилетнего возраста, а однополчан, как известно, прощают. – Он шумно завздохнул, потеревил обеими руками любовно расчесанные бакенбарды. – Да, жаль, жаль все же, что в Сербии замирились*: ударил бы я османам под дых, куда как вовремя бы то было!

– По пулям соскучились?

– Напрасно иронизируете, пули имеют и свою благодатную сторону. Когда они свистят, в вас сами собой просыпаются желания: лечь, убежать, пригнуться. А вы их подавляете и в миг тот – живете. Полной жизнью живете, князь!

– Ну, что касается пуль, так они скоро засвистят, Михаил Дмитриевич.

– Где засвистят, здесь? – Михаил Дмитриевич невесело усмехнулся, покрутив головой. – Это всего лишь шумная демонстрация, Серж, уверяю вас. Мы боимся воевать, мы все больше на политику надеемся. Побряцаем оружием, погорланним песни, постреляем на полигонах, а там, глядишь, и выторгуем себе что-нибудь. И – полки назад, по зимним квартирам.

– Не похоже что-то на демонстрацию, – сказал князь. – Россия воевать захотела, генерал, сама Россия, здесь уж никакой политикой не отделаешься. Так что терпите. Враг тут поинтереснее, чем в Туркестане, а время от времени нужно менять не только друзей, но и врагов. Вам – особенно.

– Не врагов я менять стремлюсь, а закоснелые планы наши, – вздохнул Скобелев. – Признаться вам со всей полной откровенностью? Не утерпел, каюсь, опять не удержался, и светлейшему князю главнокомандующему идею одну все же подкинул. У вас нет карты? Ну, нет, так и черт с ней. В Румынию ведет от нас железная дорога. Возле самого Дуная дорога эта пересекает реку Серет через Барбошский мост, который турки непременно взорвут, как только мы войну им объявим. Значит, абсолютно необходим дерзкий поиск. До объявления войны кавалерийский рейд для захвата Барбошского моста. Просто? Гениально просто: турки и опомниться не успеют, как мы...

Без стука распахнулась дверь, и вошел коренастый мужчина с седоватой бородкой, в странном меховом пиджачке нерусского покроя, с медной бляхой корреспондента на левом рукаве. Снял мягкую шляпу, обнажив изрядную плешь, сказал по-английски:

– Видимо, мне суждено первым узнавать все главные новости. Так вот, император одиннадцатого прибывает в Кишинев. А двадцать девятый казачий полк уже двинут к границе, за ним следуют селенгинцы. Передовой отряд поведет личный адъютант главнокомандующего полковник Струков.

– Вот и война, господа*. – Князь перекрестился. – Откуда это все известно вам, Макгахан?

– Тайна корреспондента, – улыбнулся американец.

– И здесь меня обошли! – Скобелев с маху ударил кулаком по столу. – Ах, крысы штабные, боитесь скобелевской славы? Ну, еще поглядим! Прощайте, господа!

– Куда же вы, генерал?

– К черту, к дьяволу, к Его Высочеству главнокомандующему, только бы на войну не опоздать!..

– Без высочайшего разрешения? – удивленно поднял брови Насекин.

Но дверь за Скобелевым уже захлопнулась.

4

Дежурный адъютант ввел Скобелева в кабинет главнокомандующего и тут же беззвучно вышел. Скобелев громко и ясно – все Романовы любили эту громкую ясность – доложил, но Николай Николаевич, мельком глянув на него и даже не кивнув при этом, оборотился к кому-то невидимому:

– Государь не простит нам напрасных жертв.

Из угла плавно выдвинулась фигура начальника штаба генерала от инфантерии Артура Адамовича Непокойчицкого*. Скобелев только сейчас разглядел его и молча поклонился.

– Напрасных жертв не бывает, коли все идет по плану, Ваше Высочество.

Речь Непокойчицкого была гибкой, сугубо доверительной и проникновенной. Он никогда не повышал голоса, никогда не спорил и никогда не настаивал; он всегда словно только подсказывал, напоминая известное, забытое лишь на мгновение.

– Да, планы, планы, ты прав. Соблюдение планов и дисциплина – святая святых армии. Святая святых! – Бесцветные глаза главнокомандующего остановились на стоявшем у дверей Скобелеве. – Где ты был, Скобелев?

– Обедал, Ваше Высочество.

– С вином и с бабами? Знаю я твои солдатские замашки.

– С вином, но без баб, – резко сказал Скобелев.

Непокойчицкий остро глянул на него, из-за спины Николая Николаевича неодобрительно покачав головой. Осторожно взял со стола какую-то папку:

– С вашего позволения я хотел бы подумать над вашими предложениями, Ваше Высочество.

Это было сказано вовремя: великий князь уже выпрямился, начал багроветь и надуваться, готовясь разразиться гневом. Слова начальника штаба, сказанные спокойным, умиротворяющим тоном, переключили медлительный и тяжелый, как товарный состав, ум главнокомандующего на другие рельсы.

– Да, да, предложения, предложения, – озабоченно сказал он. – Ступай. Мы все будем думать. Все.

Непокойчицкий вышел. Николай Николаевич строго посмотрел на дерзкого генерала, милостиво кивнул:

– Проходи и садись.

Скобелев прошел в кабинет и сел, нимало не заботясь о том, что сам великий князь остался стоять и что широкие белесые брови его строго поползли навстречу друг другу при виде столь быстрого исполнения его же приказания. Однако на сей раз ему хватило здравого смысла не раздражаться.

– Государь недоволен тобой, Скобелев, – сказал он, огорченно вздохнув. – Да, да, не спорь! Никогда не спорь со мной. Ты нестерпимо упрям, своенравен и способен вывести из себя даже моего брата. Кто разрешил тебе покинуть Кишинев?

– Я полагал, что для этого достаточно согласия моей совести, Ваше Высочество.

– Ты генерал свиты Его Императорского Величества! Не забывайся, Скобелев.

– Именно это я и хотел бы напомнить Вашему Высочеству, – вспыхнув, сказал Михаил Дмитриевич.

Он хотел добавить что-то еще, но усилием воли сдержал себя, упрямо продолжая сидеть. Николай Николаевич озадаченно посмотрел на него и нахмурился.

– Дерзок. – Он еще раз вздохнул. – Однако я желал бы услышать объяснения.

– Ваше Высочество, – умоляюще сказал Скобелев, – какой я ни есть, но я генерал боевых действий, а не светских салонов. Действий, а их нет. И пока не предвидится. В казачьей дивизии моего отца, при которой вы повелели мне состоять, осталось два полка: ингуши, как вам должно быть известно, отправлены с марша обратно в Одессу. И эти два оставшихся полка несут караульную службу. Вы предлагаете мне заняться разводом караулов, Ваше Высочество? Я исполню ваше повеление, но, осмелюсь заметить, без желания и страсти. Дайте мне хотя бы бригаду, хоть полк, хоть батальон, Ваше Высочество. Клянусь, я способен на большее, клянусь!

– У меня нет свободных полков и батальонов.

Усилием воли Скобелев заставил себя промолчать. Великий князь глянул на него, отошел к большому, заваленному картами письменному столу и начал просматривать какие-то записи, сверяясь с картой. Потом спросил:

– Что перед нами, Скобелев?

– Передо мною стена, – хмуро ответил генерал.

– Я не шучу, – терпеливо пояснил главнокомандующий. – Перед тобой, возможно, и стена, а перед нами – Дунай. И вся Европа смотрит со злорадством, как-то мы через него перескочим. Подобной задачи еще не приходилось решать ни одному главнокомандующему. – В голосе Николая Николаевича зазвучала тщеславная нотка. – Каковы турецкие укрепления? Где их батареи? Сколько у них орудий и какого калибра? Где расположены резервы, каково их количество и какова связь? Вот вопросы, которые необходимо изучить, чтобы ответить. Ты согласен со мной, Скобелев?

– Совершенно согласен, Ваше Высочество, – тотчас же откликнулся генерал, слушавший последние слова великого князя с особым вниманием. – Задача действительно чрезвычайно сложна, но мы обязаны решить ее во что бы то ни стало. Громить Турцию предстоит здесь, на этом театре военных действий: на Кавказском фронте нет возможностей для широкого маневра.

– Правильно, – одобрительно заметил главнокомандующий. – Я разделяю эту мысль.

– Есть идея. – Скобелев вскочил, подошел к столу. – Разрешите глубокий поиск, и я привезу вам ответы на все вопросы.

– Какой еще поиск?

– Разрешите форсировать Дунай вплавь во главе кубанской бригады, пока турки не создали сплошной линии обороны. Мы промчимся по всему берегу, нарушим их связь, разместим их батареи, спутаем им все карты...

– Ты сошел с ума в туркестанских песках, Скобелев! – рявкнул Николай Николаевич. – Это тебе не баккара. Кроме того, ты непременно утопишь всю бригаду в Дунае и сам потонешь на потеху турок и всей Европы!

– Я держусь на воде, как пробка от шампанского, а кубанцы умеют форсировать реки...

– Молчать!

Скобелев тяжело вздохнул. Великий князь погрозил ему пальцем, но потом им же мило-стиво провел по карте:

– Вот твой участок, хоть ты и без должности. Строгий порядок, охрана, постоянное наблюдение за противником, рекогносцировки – все с тебя спрошу.

– Благодарю, Ваше Высочество, – уныло сказал Михаил Дмитриевич.

Главнокомандующий уловил его разочарование. Покачал головой с несоразмерно большим лбом:

– Нет, Скобелев, ты положительно мне непонятен. Положительно. Ступай в Журжу и сиди там, куда не позову. И не смей своевольничать, слышишь?

Скобелев молча поклонился и вышел из кабинета.

5

Спешно выдвигавшиеся к Дунаю русские войска еще не успели создать сплошной линии ни секретов, ни дозоров, ни даже часовых на ныне своем, левом берегу. Чтобы лишить турок возможности беспрепятственно вести разведку, приказано было временно ограничиться частыми казачьими разъездами ночью да наблюдением в светлое время. В сущности, это была задача боевого охранения, которую и возложили на кавалерийскую полудивизию – всего-то из двух полков – под начальством генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Скобелева-старшего. Михаил Дмитриевич состоял при ней, а точнее – при отце, без определенной приказом должности, справедливо полагая, что его скорее отдали под родительский надзор, нежели для исполнения службы. Но он обладал редкой способностью внушения собственных идей. В особенности отцу.

– А ну как и впрямь утопнешь?

– Утопну, так себя казнить будешь, что плохо плавать учил.

Дмитрий Иванович долго хмурился и кряхтел. Потом вздохнул и нехотя буркнул:

– Тонуть запрещаю. Да и особого смысла в сем купании не вижу. Так что и не пробуй.

Быстро и густо темнело, а луна еще не появилась, когда в укромную низинку у самого берега прискакали Скобелев в сопровождении своего адъютанта капитана Млынова и командир Донского полка полковник Нагибин.

– Вот самое укрытое место, Михаил Дмитриевич, – сказал Нагибин, спешиваясь. – И самая большая ширина. На стрежне сильно сносит, кубанцы рассказывали.

– Его Высочество главнокомандующий в кубанцев не верит, – хмуро вздохнул генерал. – А я даже сапог снимать не стану, чтоб нос ему утереть.

– В сапогах еще куда ни шло. – Полковник критически осмотрел вырядившегося, как на парад, генерала. – Но белый китель снять придется. Через часок луна взойдет, а ваш белый вид, как мишень на воде. Стреляй – не хочу, как говорится.

– Думаешь так? Или знаешь?

– Знаю, Михаил Дмитриевич. У меня двух казаков ранило в ночных разъездах аккурат при этой луне.

– Кто ранил?

– А кто ж знает? Может, черкесы. Шалют тут иногда, мне местные говорили.

Скобелев недовольно завздыхал, но раздеваться не торопился. Он терпеть не мог, когда кто-либо вмешивался в уже принятое им решение, даже если решение это касалось утреннего завтрака.

– Я, конечно, прощения прошу, но ответ на вопрос все-таки мне дайте ясный, – решившись, сказал вдруг Нагибин. – Что вам, Михаил Дмитриевич, этим поиском проверить желательно? Что казаки вплавь любую реку пересекут, хоть при луне, хоть при солнышке, хоть на коне, хоть рядом с конем? Так это вы знаете. Что турки на том берегу? Так и это вам известно. Тогда за ради чего вы на тот берег так упрямо стремитесь?

– Идею одну мне проверить необходимо, – хмуро проворчал Скобелев.

– Это ж какую? – мягко продолжал нажимать полковник. – Если не секрет, конечно.

– А вот скажи мне, Нагибин, можно через Дунай конную группу перебросить? – помолчав, с искренней заинтересованностью спросил генерал. – Погулять по берегу, напугать турок, испортить связь, взорвать пару-тройку батарей?

– Не получится, Михаил Дмитриевич.

– Почему?

– Малая группа турок не пугает, а большую без шума не переправишь. Вы же кавалерист и, стало быть, известно вам, что коли лошадей более двух десятков, так хоть одна, а непременно заржет. Так что, прощения прошу, но купанье ваше...

– Пусть искупается!

В низину спускался командир Кавказской дивизии генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Скобелев-второй. Нагибин и Млынов вытянулись, а Михаил Дмитриевич огорченно вздохнул.

– Ты бы со мной посоветовался, прежде чем идеи сочинять, превосходительный сын мой. Кони тихо себя ведут, когда знакомы друг с другом. А когда незнакомы, отношения выяснять начинают, казак правильно сказал.

– Командир Донского... – начал было Нагибин.

– Да знаю я тебя, полковник, не шуми понапрасну, – хмуро отмахнулся Дмитрий Иванович. – Что, Михаил, во что бы то ни стало решил своими глазами турецкий берег поглядеть? Погляди, дело хорошее. Только – голым, в натуральном виде. А я тебя тут обожду. И коня расседлай, нечего зазря скотинку мучить. Давай, давай, пока луна не вылезла. Пловец.

Скобелев нехотя начал раздеваться. Когда Млынов, расседлав лошадь, подошел принять одежду, спросил зло:

– Ты отцу разболтал?

– Не разболтал, а ответил на прямой вопрос.

– Стало быть, он и до сей поры мои мысли читает, – озабоченно вздохнул Михаил Дмитриевич.

Он появился перед отцом в шелковом нижнем белье, но – с орденом Георгия на шее. Вытянулся, сомкнув голые пятки.

– Разрешите искупаться, ваше превосходительство?

– А чего это ты с Георгием на шее?

– Из суеверия.

– Ну, тогда – с богом!

Млынов подвел расседланного коня. Скобелев легко вскочил на него, принял у адъютанта повод.

– Не зарывайся, Мишка, – тихо сказал отец. – Твоя задача – течение на середине, и больше задач нет.

– Не разучился ты еще горяченькие горбушки вовремя солить, батюшка!

Михаил Дмитриевич направил коня к реке. Следом молча шел очень недовольный Млынов.

– А что это он – насчет горбушек? – с недоумением спросил Нагибин.

– Это у него с детства. Бывало, как только хлеб из печи достанут, он – тут как тут. А от такого горячего живот болит: хлеб сперва вздохнуть должен, потомиться, а уж потом – ешьте на здоровье. Ну, я и сказал, что есть ему можно тогда только, когда я лично горбушку посолю. Думаю, что он от этих моих угощений в конце концов в Туркестан и сбежал.

Вернулся Млынов:

– Отплыл. Тихо кругом. Я на берегу ожидать буду, ваше превосходительство.

– Сходи к моему адъютанту – он за этим бугорком. Возьми бурку и корзину, принеси сюда и ступай на берег.

– Слушаюсь.

– Упряма, – вздохнул генерал. – Две девочки, а сынок-то один. Вот и избаловали мы его. Млынов принес, что велено, и ушел на берег поджидать своего генерала.

– В корзине – водка и закуска, – буркнул генерал. – Налей по чарке, полковник.

– Волнуетесь? – осторожно спросил Нагибин, протягивая наполненную чарку.

– Мишка любую реку там переплывет, где вдруг коня остановил, – сказал Дмитрий Иванович. – И силен, и ловок, и... И настойчив, этого у него не отнимешь. Мне генерал Леер рассказывал, что в академии дал задание своим слушателям найти место для форсирования Немана. Все отправились искать, а Михаил отъехал за кусты и уселся. Леер пошел задание проверять, видит: сидит мой Михаил и травинку жуёт. Он ему: «Почему задачу не выполняете?» «Выполнил уже», – говорит. «Как так?» А Мишка вскочил на коня и переплыл Неман туда и обратно на его глазах. «Реку форсируют там, где надо, а не там, где удобнее», – сказал. Такой нрав. Ну и дай ему бог, – генерал со вкусом осушил чарку, вздохнул. – Волнуюсь, конечно. Мне внучат-скобелят понянчить хочется, а он, бродяжья душа, с женой развелся...

Пришлось выпить еще по две чарки, пока слышали негромкие голоса. А вскоре подошли мокрый Скобелев с Георгием на голой шее и Млынов с конем в поводу.

– Снесло меня сажень на триста.

– Выпей. – Отец протянул чарку. – Надень сухое белье, мундир, тогда и доложишь.

Сын молча отступил в темноту.

– Ф-фу... – вздохнул Дмитрий Иванович. – Теперь и гора с плеч. Если, конечно, Его Высочество не слишком разгневется...

6

Главнокомандующий вставал в пять утра: как многие из Романовых, он мнил себя прямым последователем Петра Великого. В шесть – после туалета и завтрака – Непокойчицкий уже докладывал ему о перемещениях войск, турецких контрмерах, действиях речных флотилий и – особо – о состоянии Дуная.

– За истекшие сутки уровень воды понизился еще на три фута, Ваше Высочество. Старожилы из местных уверяют, что через неделю, много – через десять дней, Дунай войдет в берега.

– А что же течение?

– Скорость потока снизилась, Ваше Высочество. Во всяком случае, генерал Скобелев минувшей ночью переплыл на ту сторону и благополучно вернулся обратно.

– Где? – резко спросил великий князь.

– Возле Журжи.

– Один?

– На коне, Ваше Высочество. – Артур Адамович достал бумагу. – О чем доложил письменно с точным указанием, на сколько именно сажень его сносило при переправе.

– Рейд предлагал?

– Нет, Ваше Высочество, только скорость на стрежне. Он, что же, проверял возможность рейда?

– Он помешан на них. Привык гоняться за азиатскими туарегами, а здесь совершенно иной противник. Совершенно иной.

Артур Адамович счел возможным промолчать. Тем временем Николай Николаевич старательно заносил последние данные на огромную, лично им исполненную и любовно раскрашенную цветными карандашами схему местности. И по этой схеме получалось, что турки все еще не потеряли возможности помешать русским переправам сверху: в нижнем течении реки их флот был уже частично уничтожен, частично оттеснен к морю, но здесь, в месте основного сосредоточения русских армий, еще представлял грозную силу.

– Последняя дыра. – Карандаш элегантно скользнул по схеме. – Заткни ее и, помолясь, будем готовиться перепрыгнуть.

– Я уже отдал распоряжение капитану первого ранга Новикову об установке минных заграждений, Ваше Высочество. Напротив местечка Парапан.

– Поручи прикрыть Струкову.

– Слушаюсь.

– И тоже будем на коне, – неожиданно сказал великий князь и улыбнулся.

В соответствии с этим решением вечером 7 июня от деревни Малу-ди-Жос отошла флотилия из десяти паровых катеров и шести весельных шлюпок, нагруженных минами. Подойдя к местечку Парапан, моряки приступили к минированию Дуная, заняв предварительно остров Мечку отрядом спешенных казаков. Башибузуки, охранявшие турецкий берег, открыли было огонь по минерам, но дружные залпы казаков быстро сбили их с береговых позиций.

Уже на рассвете турки выслали паровой фрегат, вооруженный пятью орудиями. За ним в кильватере шел бронированный монитор с пушечным вооружением, намеревавшийся огнем с близкого расстояния потопить и разогнать суда минного отряда. Одновременно противник из Рущука отправил берегом конную батарею: турки всерьез были обеспокоены разворотом минных работ на Дунае.

Паровая миноносная шлюпка «Шутка» под командованием лейтенанта Скрыдлова, выделенная в охранение отряду капитана Новикова, стояла за мысом заросшего лозой и камышом острова Мечки. Лейтенант Скрыдлов и его механик прапорщик Болеславский, сидя на надстройке, безмятежно болтали с увязавшимся с ними в качестве охотника Василием Васильевичем Верещагиным, к тому времени не только известным художником, но и георгиевским кавалером, получившим орден за личную храбрость в боях под Самаркандом. Василий Васильевич угощал офицеров испанским хересом и рассказывал о Париже, откуда только что прибыл с персональной выставки.

– Бог мой, живут же люди! – восторгался наивный прапорщик, не бывавший нигде далее Бухареста.

– Вижу дым, ваше благородие! – крикнул матрос. – Сверху пароход!

– По местам! – Скрыдлов вскочил. – Василий Васильевич, прошу немедленно покинуть «Шутку».

– Давай команду, – улыбнулся Верещагин. – С шуткой и помирать не страшно.

– Василий Васильевич, я требую...

– Вижу фрегат! – закричал Болеславский. – Здоровенный фрегатище, господа, с пушками!

– Отваливай! – скомандовал лейтенант. – Полный вперед, на сближение! Минеры, не зевать! Ну, Василий Васильевич, у меня ведь и спрятаться негде.

– Хлебни. – Верещагин протянул бутылку. – Хороший херес, правда?

Шлюпку уже трясло и било на волнах. Дрожа всем корпусом, она на полных оборотах шла навстречу темной громаде фрегата, все увеличивая скорость. С турецкого судна громыхнул залп, снаряды разорвались позади шлюпки, а пароход вдруг начал резко сбавлять ход, отваливая к турецкому берегу.

– А, не нравится тебе наша «Шутка», мусульманская душа! – радостно кричал Скрыдлов. – Давай обороты, Болеславский, давай мне обороты!

– Вали к нему вплотную, чтоб из пушек не накрыл, – посоветовал Верещагин.

Он аккуратно допил херес, бросил бутылку за борт и поежился: в лицо бил ветер, с волн срывало водяную пыль.

Шлюпка вырвалась вперед так стремительно, что турки не успели со вторым залпом: Скрыдлов уже проскочил в мертвую зону, куда не могли лечь снаряды. Но из-за отвалившего фрегата вынырнул монитор*: пушка носовой башни медленно двигалась, нацупывая цель. Лейтенант круто заложил руль.

– Держитесь, Верещагин!..

Снаряд с монитора разорвался у правого борта, окатив шлюпку водой. И почти одновременно с фрегата раздался ружейный залп, пули с треском кромсали обшивку. Скрыдлов судорожно охнул.

– Ранен? – спросил Верещагин.

– Готовься! – крикнул лейтенант минера, стоявшему на носу. – Спокойно, Виноградов, не спеши только!

– Есть не спешить!

С минера залпом сбило фуражку, брызги мешали смотреть. По команде Скрыдлова он подключил контакты к шесту, на конце которого была закреплена мина, и изготовился.

Лейтенант вел шлюпку прямо на фрегат, внезапно застопоривший машины. Расстояние уменьшалось с каждым оборотом винта, и Верещагин видел лица турецких моряков. Они уже не стреляли, а повалили к противоположному борту, и даже капитан бросился с мостика вниз, на палубу.

Второй ружейный залп раздался с монитора. Брызнули разбитые в щепы ручки штурвала, болезненно вскрикнул Скрыдлов, а Верещагин ощутил вдруг сильный удар в зад.

– Ну, нашла место, – морщась, проворчал он. – Ни сесть, ни лечь.

Из плеча лейтенанта, как стрела, торчала большая щепка, кровь заливала китель, но он уже ни на что не обращал внимания. Его целью, задачей, страстью, всем смыслом жизни был сейчас турецкий фрегат. Он подвел «Шутку» почти вплотную и круто развернул, чтобы разойтись бортами.

– Рви!..

Минер ткнул миной в борт парохода рядом с колесом. Тут же замкнул контакты электро-взрывателя, нырнул за блинду*, но взрыва так и не последовало.

– Нету!.. – крикнул он. – Провод перебило!..

– Черт!.. Рви «по желанию»*, еще раз подведу! – Скрыдлов повернул к Верещагину мокрое, побелевшее от боли лицо. – Чего стоишь? Готовь крылатую!

Верещагин, припадая на правую ногу и громко ругаясь, выбрался к борту, где за броневыми блиндами хранились плавучие крылатые мины. Успел бросить тройку за борт, когда с монитора вновь грохнул орудийный выстрел, и картечь с визгом пронеслась над головой.

– Все провода перебило! – кричал минер с носа. – Взрывать не могу, контакта нет!..

– Черт! Черт! Черт! – в отчаянии кричал Скрыдлов, колотя кулаком по расщепленному штурвалу.

– В машинном вода! – донесся крик Болеславского. – В двух местах борт пробило!

– Задний ход!..

«Шутка» медленно пятилась назад. Лейтенант развернул ее носом к берегу: провода электрозапалов были оборваны, вести бой стало невозможно. Фрегат молчал, напуганный дерзкой близостью миноноски, но монитор медленно наползал сверху по течению, отрезая шлюпке путь к спасению.

– Не проскочим, – сказал Верещагин, кое-как втащившись в рубку. – А мне, пардон, задницу продырявило.

– Сколько продержимся? – не слушая его, крикнул Скрыдлов прапорщику.

– С полчаса! – глухо отозвался Болеславский. – Фуражками вычерпываем!..

– Атакую монитор! – крикнул лейтенант. – Виноградов, подсоединяй батареи напрямую! Как столкнемся, рви руками!

– Есть рвать руками!..

– Полный вперед! Не унывай, ребята, второй смерти не будет!.. Ну, Василий Васильевич, прыгайте за борт, «Шутка» кончилась. Берите второй пробковый пояс, и дай вам бог удачи. Может, картину про нас напишете.

– Картину про нас кто-нибудь другой напишет, – проворчал Верещагин, неприятно ощущая текущую по ногам кровь. – Жалко, хереса больше нет. Хороший был херес...

Дрожа всем корпусом, «Шутка» отчаянно спешила навстречу бронированному монитору. С него раздался еще один, по счастью совсем уж неприцельный выстрел, и броненосец, заметно сбавив ход, стал отваливать влево, уступая фарватер.

– Уходят! – восторженно кричал минер Виноградов. – Струсили, нехристи окаянные, струсили!.. Жми, ваше благородие, у меня все готово! Жми, я руками рвану! Я их к Аллаху ихнему с полным удовольствием доставлю!

Видя, что монитор разворачивается, фрегат тут же дал задний ход. Оба турецких судна, вооруженных артиллерией, отступали перед отчаянным натиском безоружной русской миноноски.

– Все, – с облегчением вздохнул Скрыдлов, закладывая шляпку к своему берегу. – Еле стою, пятка у меня оторвана. Только не говорите никому.

– Давай я поведу.

– Я моряк, Василий Васильевич, я штурвал и мертвым не отдам. Сзади вас в нише – фляжка. Там, правда, не херес, а наша родимая, но все равно дайте глоток.

– Что же ты раньше молчал, чертушка, – недовольно проворчал Верещагин, доставая фляжку. – Из меня кровища хлещет, как из кладеного кабана, а ты жадничаешь.

– Раньше никак нельзя было. Раньше бой был.

Вскоре полузатопленная шляпка ошвартовалась у пристани, и с берега грянуло «ура!» в честь моряков. Отсюда внимательно следили за ходом боя, и санитарные экипажи уже ожидали раненых. Но раньше врачей на «Шутке» оказался Скобелев.

– Все видел! – восторженно крикнул он, обнимая болезненно охнувшего Скрыдлова. – Молодцы! Молодцы, моряки, спасибо за мужество ваше, спасибо и поклон вам!

– Поосторожнее, Миша, – хмуро сказал побледневший от потери крови Верещагин. – У него три ранения да заноза в плече, а ты как медведь, право.

– Вася, друг ты мой милый, герой Самарканда и Дуная! – Генерал ценил храбрость превыше всех человеческих качеств. – Дай я тебя расцелую!

– И меня не надо тискать, – непримиримо ворчал художник. – У меня пуля там же, где была у Мушкетона, если ты не позабыл еще «Трех мушкетеров».

– Нашел, что подставить! – расхохотался Скобелев. – Санитары, бегом!

Он дождался, когда раненых отправят в госпиталь, вскочил на коня и, не разбирая дороги, помчался к Парапану. Там оказался адъютант главнокомандующего полковник Струков, награжденный золотым оружием за рейд к Барбошскому мосту. Скобелев хмуро выслушал его представление, спросил обиженно с глазу на глаз:

– Стало быть, опять тебя вместо меня?

– Михаил Дмитриевич, ну помилуйте, ну я-то тут при чем?

– Вырвал ты у меня золотое оружие из рук, Шурка, – горестно вздохнул Скобелев. – Обидно.

– Все еще впереди, – улынулся Струков. – Война только начинается.

– Это у тебя все впереди, а у меня, похоже, позади. Ну, скажи, чего он на меня взелся? Из Журжи приказал никуда не выезжать. Вот в Парапан прискакал – и то поджилки трясутся как бы опять нагоняй не получить.

– Но это же ваш участок.

– Участок мой, а послали тебя. Не доверяют. Хоть ты тресни, не доверяют более Скобелеву.

– Ваше превосходительство!..

– Сахаров бежит, – сказал Струков. – Что там еще?

– Ваше превосходительство!.. – кричал на бегу капитан генерального штаба Сахаров. – Турки возле наших минеров батарею разворачивают!..

– В шляпки! – гаркнул Скобелев, вмиг позабыв о всех своих опасениях.

И первым бросился к пристани.

В шлюпки садились наспех, не разбирая, кто и откуда. Кроме матросов-весельных, в них набились казаки, капитан Сахаров, командир Минского полка полковник Мольский, прискакавший доложить, что его полк на подходе, и Скобелев со Струковым. Понимая, как дорога каждая секунда, матросы гребли изо всех сил, весла выгибались дугой. Но Скобелеву и этого было недостаточно: он понимал, что вся минная флотилия будет сожжена и разгромлена, если капитан Новиков замешкается с отходом.

– Давай! Давай! Давай!.. – кричал Скобелев.

До острова оставалось саженой около ста. Тяжелые шлюпки сносило течением, они с трудом выдерживали направление на остров Мечку, где в бездействии столпилось полторы сотни спешенных казаков. На то, чтобы сообщить Новикову об опасности, требовалось время, и Скобелев, каждое мгновение ожидавший прицельного артиллерийского залпа, уже не мог усидеть на месте.

– Тащите шлюпки на руках через косу! – крикнул он, ни к кому, в сущности, не обращаясь. – Стрелки пусть немедленно открывают огонь, чтоб турок отвлечь!

Прокричав это, он вскочил и головой вниз бросился в воду. Вынырнул и, забыв об уплывающей по течению генеральской фуражке, быстро поплыл к катерам капитана Новикова.

– Куда же вы, генерал? – растерянно спросил Мольский.

– Полковник, вы – старший! – крикнул Струков. – Тащите шлюпки в залив, спасайте людей с острова!

И вслед за Скобелевым полетел в воду. То ли плавал он лучше, то ли просто был сильнее, а только вскоре нагнал генерала.

– А ты зачем? – сердито спросил Скобелев.

– Боюсь, опять обиды разведете, почему вам одно, а мне другое, – улыбнулся Струков; роскошные усы его сосульками свисали по подбородку. – Теперь полное равенство: либо вдвоем потонем, либо двоих ругать будут.

– Понятно, – хмыкнул генерал. – Для придворного лизоблюда ты неплохо держишься на воде.

– Благодарю, ваше превосходительство. – Струков по пояс выпрыгнул из воды, крикнул: – Новиков! Новиков, уводи катера!.. О, да здесь, оказывается, мелко, Михаил Дмитриевич. Становитесь на ноги, не тратьте силы.

Со стороны острова раздался ружейный залп. Оттуда не могли видеть турецких артиллеристов, но, как и было приказано, стреляли, отвлекая внимание. Этот внезапный огонь, а также вид бредущих по отмели мокрых и грязных полковника и генерала заинтересовал моряков. Предчувствуя недоброе, опытный Новиков тут же приказал свертывать минные работы.

Казаки продолжали азартно палить. Привлеченные пальбой турки первый залп дали не по катерам, а по острову, опасаясь десанта. Стреляли они с закрытых позиций, снаряды падали частью в воду, частью рвались в камышах. В грохоте, сумятице и неразберихе капитан Новиков спокойно вернул всех минеров и теперь уводил свои катера из зоны возможного обстрела.

– Одно дело сделано. – Скобелев облегченно вздохнул. – Молодчина Новиков, отметь его в реляции.

Михаил Дмитриевич стоял по грудь в воде и ждал, когда подойдет ялик, посланный за ними предусмотрительным Новиковым. Струков достал из кармана кителя портсигар: в нем оказалась каша из размокших папирос.

– А продавали за непромокаемый.

На ялике подошел черноглазый ловкий матрос. Помог взобраться в лодку.

– Куда прикажете?

– К острову!

Казаки и матросы уже перетащили шлюпки на глубокую воду, но турецкие артиллеристы, упустив катера, обрушили на остров беглый огонь. Было убито двое, семеро ранено и вдребезги разнесло одну шлюпку.

– Отходить немедля, – приказал Скобелев. – Кто не поместится в шлюпках, тащить за собою на ружейных ремнях.

Перегруженные шлюпки медленно отваливали от острова среди сплошных снарядных разрывов. Струков и Скобелев на ялике замыкали караван.

– Дай-ка погреюсь, – сказал Струков, садясь на весла. – Ох, давненько я фрейлин не катал по царскосельским прудам!

Скобелев оценил выпад, улыбнулся:

– А ты вроде ничего, Шурка. Ладно уж, владей золотым оружием. Дарю.

– Благодарю, Михаил Дмитриевич, – усмехнулся полковник. – Эй, матрос, махорка найдется? Дай закурить его превосходительству, чтоб он дробь зубами не выбивал.

– С нашим полным удовольствием. Только трубка у меня. Не побрезгуете?

– Был бы табачок хорош.

– Тютюн добрый, из Крыма. – Матрос набил трубку, раскурил, протянул генералу. – Пожалуйте нашего флотского, ваше превосходительство.

– Спасибо, братец. – Скобелев, попыхивая трубкой, вольготно развалился на корме. – Плавней, плавней подгребай, недотепа. И не брызгай!

– Р-рады стар-раться! – улыбался Струков, налегая на весла. – Ох, и влетит же нам за эту прогулочку, Михаил Дмитриевич! По первое число влетит!

За «прогулку» влетело, но, как всегда, одному Скобелеву.

– Ты что, подпоручик? Почему сам в воду полез?

– Мгновения берег, Ваше Высочество.

– Полез! Дважды за неделю полез! А если бы утоп? Русский генерал сам собой в Дунае утоп – то-то радости туркам!

– Так ведь не утоп же.

– А мог! Мог! Дважды мог! Признайся, что мог вполне!

– Не мог, Ваше Высочество, – упрямо пробурчал Скобелев.

Великий князь глядел строго, но строгость была напускной, и Михаил Дмитриевич это чувствовал.

– За сегодняшнее геройство прощаю, за прошлое самоуправство наказываю. Завтра государь изволит прибыть в Плоешти, но ты его встречать не будешь. Ты в Журже будешь торчать безвылазно. Безвылазно, Скобелев!

– Слушаюсь, Ваше Высочество, – с облегчением сказал Скобелев, радуясь, что дешево отделался.

7

Вторые сутки русские батареи, расположенные в Турну-Магурели и возле Журжи, вели интенсивный обстрел береговой линии противника. Турецкая артиллерия ввязалась в длительную дуэль, турецкие резервы метались по всему правому берегу, и только в Свиштове было пока спокойно. Напротив находилось тихое местечко Зимница, где стояли какие-то второстепенные русские части, ничто не предвещало грозы, и посетивший Свиштов главнокомандующий турецкой армией Абдул-Керим-паша продемонстрировал свите свою ладонь.

– Скорее у меня на ладони вырастут волосы, чем русские здесь переправятся через Дунай.

Через сутки об этих словах начальник русской контрразведки полковник Артамонов доложил Непокойчицкому. Артур Адамович ничем не выказал своего особого удовлетворения, но Артамонов уловил его. И шепотом добавил:

– Я дал распоряжение сеять слух, что переправа состоится у Фламунды, ваше высокопревосходительство.

– Прекрасно, голубчик, прекрасно. Пусть трое говорят, что у Фламунды, а четвертый – что возле Никополя.

Во Фламунде, небольшой береговой деревушке, целыми днями раскатывали экипажи, скакали конные, суетились штабные офицеры, бегали пешие ординарцы и посыльные. Центром их движения был хорошо видимый с противоположного берега дом зажиточного крестьянина, усиленно охраняемый цепью часовых и казачьими разъездами. Во дворе постоянно толпились офицеры, изредка мелькали генералы, а раз в день непременно самым образом появлялся личный адъютант и сын главнокомандующего Николай Николаевич младший. Все входили в приметный дом, выходили из него, бешено куда-то скакали, и никто не обращал внимания на скромный домишко в сырой низине, невидимый с турецких высот. Сюда никогда не мчались нарочные и не подкатывали фельдъегерские тройки, здесь не видно было часовых и караулов, но ни один человек не мог спуститься в низину. Из кустов тотчас же молча вырастали кубанские пластуны, и любопытный в лучшем случае поспешно удалялся после длительных проверок и расспросов.

В этот неказистый домишко днем 13 июня Николай Николаевич младший в три приема провел начальника артиллерии князя Массальского, помощника начальника штаба генерала Левицкого, начальника инженерного обеспечения Деппа и генерала Драгомирова. Михаила Ивановича великий князь вел последним и с особыми предосторожностями, встретив генеральский экипаж на дороге и проведя старого генерала совсем уж нехоженым путем. Подвел ко входу, пропустил в дом, плотно прикрыв за ним двери, сел на крыльцо, прислонившись к дверям спиной, и положил перед собой два револьвера.

– Эй! – негромко позвал он.

Кусты напротив раздались, и в просвете возникло лицо дежурного офицера.

– Предупреди посты: стреляю в каждого, кто приблизится к дверям.

– Слушаюсь, Ваше Высочество.

И кусты вновь сомкнулись, не вздрогнув ни одним листком.

В единственной комнате дома приглашенных ждали главнокомандующий и его начальник штаба.

– Вы догадываетесь, господа, что выбор Его Высочеством уже сделан, – как всегда негромко сказал Непокойчицкий. – Благодаря тщательно продуманной дезориентации противник введен в полнейшее заблуждение относительно места и времени переправы главных сил. Так вот, докладываю вам, что переправа состоится в ночь на пятнадцатое июня возле Зимницы силами дивизии Михаила Ивановича. Всем даются сутки на подготовку.

– Об этом решении, кроме нас, не знает ни одна живая душа, – сказал сидевший у стола Николай Николаевич старший. – Даже государю доложат лишь завтра утром.

– Переправа и захват плацдарма на том берегу силами одной дивизии? – удивленно спросил князь Массальский. – Ваше Высочество, это дерзко, это отважно, но...

– Неожиданность, – важно сказал великий князь главнокомандующий. – Полная неожиданность – наше оружие.

– Мы долго обсуждали этот вопрос, – пояснил Непокойчицкий. – И сошлись во мнении, что большие силы наверняка привлекут внимание противника.

– Беречь патроны, – вдруг значительно сказал главнокомандующий. – Государь специально и очень своевременно указал нам на это. И я особо напоминаю: беречь патроны. С доставкой их будут трудности, и каждый выстрел стоит денег. Запретите нижним чинам стрелять без команды.

– Безусловно, Ваше Высочество. Ваша дивизия, Михаил Иванович, будет усилена стрелковой бригадой генерала Цвечинского, двумя сотнями пластунов, гвардейцами Его Величе-

ства, саперами, а впоследствии и батареями четырнадцатой артиллерийской бригады. – Непокойчицкий мягко переводил разговор в деловое русло. – Порядок переправы, я думаю, обсудим позже, Ваше Высочество?

– Наметьте в общих чертах, генералы разберутся сами.

Пока в высших сферах решалась судьба операции, войска, предназначенные для того, чтобы своей кровью открыть ворота русской армии, подтягивались к Зимнице, и к вечеру 13 июня Вольнский пехотный полк уже расположился на последнем биваке. Все чувствовали, что предстоит серьезное и тяжелое дело, не слышно было песен, и даже разговоры смолкли. Ужин был короче и тише, чем всегда, а после ужина тут же сыграли отбой. Нижние чины, как положено, залегли под шинели, сунув ранцы под голову, но немногие уснули в эту тихую летнюю ночь. И хоть не было еще никакого приказа, но солдатская молва быстро и точно донесла: МЫ. И кто-то молча лежал, с головой укрывшись шинелью и вспоминая родных, кто-то беззвучно молился или столь же беззвучно плакал. Но еще никто никогда, ни в какие времена не считал солдатских слез.

Считали патроны.

И офицерам не хотелось быть в одиночестве в этот вечер: сидели у огня, что горел в лощине. Над костром висел солдатский котелок, в котором что-то деловито помешивал капитан Фок. Рядом молча расположились капитаны Брянов и Остапов, поручики Григоришвили, Ящинский и прапорщик Лукьянов.

– Пунш перед боем заповедан нам дедами, – сказал Фок. – Исполним же, что заповедано.

– Молиться надо, а не пунши распивать, – вздохнув, строго заметил Остапов.

– Зачем молиться? Зачем о грустном думать? – улыбнулся Григоришвили. – Надо о жизни думать, а не о смерти.

– Думать вредно, – усмехнулся Фок. – Все неприятности родом из дум. Вы согласны с этим, Ящинский? Или у вас, как всегда, есть собственная теория?

– Я давно оставил все теории дома, капитан. Вам угодно знать адрес?

– Кажется, генерал вернулся! – Лукьянов вскочил. – Я сбегая, господа? Вдруг узнаю что-нибудь.

– Сбегайте, прапорщик. – Остапов дождался, пока юноша уйдет, и выругался. – Всем хорошо слышать? Вот на этом языке и разговаривайте при мальчишке, философы, мать вашу. Нашли время и место для своих теорий.

– Что это вы рассердились, Остапов? – миролюбиво спросил Григоришвили.

– Говорунов не люблю. Развелось их, как мух на помойке, и жужжат, и жужжат! А мы – офицеры, господа. Наше дело...

– Наше дело – топтать смело, – усмехнулся Фок. – Это ведь тоже теория, Остапов. Но поскольку вы, кроме устава, в жизни своей не раскрыли ни одной книжки, я извиняю ваше невежество. Вы счастливейший из смертных, капитан, вы сразу попадете в рай, минуя чистилище, ибо вас уже зачислили в охрану райских кущ на том свете.

– Да будет вам, право, – с неудовольствием заметил Брянов. – Пить так пить, а нет – так разойдемся.

– Зачем у вина спорить? – сказал Григоришвили. – У вина радоваться надо.

– Ну, начнем радоваться. – Фок разлил пунш по кружкам. – Я не люблю тостов, но сейчас позволю себе эту пошлость. Мы только что царапались друг с другом по той простой причине, что души наши беспокойны. Их ожидает тяжкое испытание, а быть может, и расставание с бранным телом. И я хотел бы, чтобы души наши остались при нас, ну а если случится неприятность, чтоб упорхнули они в вечность легко и весело. За нас, господа офицеры.

– Вот уж не думал, что вы мистик, – сказал Ящинский. – Циник – да, но сочетание цинизма с мистикой довольно забавно.

– Ошибаетесь, Ящинский. – Фок холодно улыбнулся. – Во мне нет ни грана того, что вы подразумеваете под мистицизмом. А поднимая кружку за наши души, я имел в виду именно их вечность с точки зрения здравого цинизма. Что такое бессмертие, господа? Точнее, что религия называет бессмертием? Это не что иное, как благодарная память потомков. Рай не на небе – рай в памяти людской, и если кому-либо из нас суждено погибнуть, так пусть душа его предстанет не пред Богом, а пред потомками.

– Вы кощунствуете, Фок, – строго сказал Останов. – Это не просто грешно, это...

– Это очередной приступ гипертрофированного себялюбия, – начал Брянов...

– Господа! – Из темноты выбежал взволнованный прапорщик. – Господа, Озеров гвардейцев привел! Значит, все правда, господа, значит, у нас – главное дело, значит, мы – счастливички!..

– Похоже, что счастливички, – хмуро заметил Останов.

– Да, Брянов, вами какой-то гвардейский артиллерист интересовался. Саженого росту.

– Тюрберт прибыл, – улыбнулся Брянов и отдал кружку Лукьянову. – Извините, господа, мне позарез необходимо с ним повидаться. Долг волонтерской дружбы!

– Холодный пунш перед боем – дурная примета волонтера, – неодобрительно заметил Фок.

– Я не верю в приметы, капитан, – сказал Брянов.

И быстро зашагал в темноту.

8

– Вот она и пришла, эта ночь, – говорил гвардии подпоручик Тюрберт. – А комары по-прежнему бесчинствуют, в реке плещется рыба, и птицы спят в своих гнездах. Отсюда позволительно сделать вывод, что природе наплевать на историю. Это как-то несправедливо, Брянов, неправда ли?

Офицеры медленно шли по берегу мимо казачьих пикетов, полупогасших костров и настороженных патрулей. Тюрберт болтал, а Брянов помалкивал, с досадой ловя себя на мысли, что гвардии подпоручик излишне суетится перед боем.

– Знаете, все мы если не тщимся, то хотя бы мечтаем о славе, особенно в юности. И я, грешный, сладостно, до слез порою представлял себе, что меня пышно похоронят и что потомки будут с благоговейным почтением склонять головы над моею могилой.

– Извините, Тюрберт, я только что слышал нечто подобное из уст командира стрелков капитана Фока, – усмехнулся Брянов. – Это конвульсии эгоцентризма.

– Вы слушали какого-то Фока и недослушали меня, – с неудовольствием заметил Тюрберт. – Я еще не совершил преступления, а вы уже тут как тут с приговором. Этак мы не поговорим, а станем препираться, а потом будем жалеть, что не поговорили.

– Вы совершенно правы, простите. Вы остановились...

– Я остановился на юных мечтах о славе, – сказал Тюрберт ворчливо. – Но не успел поставить вас в известность, что сам я с этими мечтами навсегда расстался где-то в Сербии. Но начал-то я с природы, которой наплевать на все наши мечты... Вы меня разозлили, Брянов, и я утерял нить...

– Еще раз извините, дружище.

Некоторое время Тюрберт обиженно молчал. Потом спросил вдруг:

– Вы любите жизнь, Брянов?

– Признаться, не задумывался. – Брянов неуверенно пожал плечами. – То есть, конечно, люблю, но это же естественно.

– Естественно ваше состояние – жить, не задумываясь, любите ли вы это занятие? А я однажды проснулся и увидел на соседней подушке лицо своей жены. Она спала, не знала,

что я смотрю на нее, не готовилась встретить мужской взгляд и... была прекрасна. И тогда я подумал... Нет, ни черта я тогда не подумал, а просто почувствовал, как меня распирает от счастья. А подумал потом, в поезде, когда спешил сюда.

– Прямо с подушки?

– Не ерничайте, Брянов, это не ваш стиль. То, о чем я подумал, я могу сказать только вам, и если вы станете иронизировать...

– Право, больше не буду, Тюрберт.

– А того утра я никогда не забуду. – Тюрберт вздохнул. – Я понял, что самое большое счастье – сделать кого-то счастливым. Есть натуры, поцелованные Богом, они обладают даром делать счастливыми многих. Но и каждый самый обыкновенный человек может сделать кого-то счастливым. Иногда всю жизнь может – и не делает. Думаете, это эгоисты и себялюбцы? Нет, большинство не приносит счастья другим просто потому, что не знает, как это сделать. Так, может, нужно какое-то новое ученье?

Брянов пожал плечами:

– Возможно, нужна просто цель, достойная человека?

– Цель? – Тюрберт подумал. – Цель – это что-то конечное, это всегда результат, а следовательно, и какая-то практическая выгода. А я ведь не о счастье приобретения думаю. Господь с ним, с таким счастьем.

– Вы ли это, Тюрберт? – улыбнулся капитан. – Совсем недавно, помнится, в Сербии, перед боем, некий офицер заявлял, что идей расплодилось больше, чем голов, и что идеи вообще чужды нашей профессии. Что же с вами произошло, коли вы накануне другого боя вдруг утверждаете обратное?

– Я ничего не утверждаю, я просто очень счастлив и хочу, чтобы все вокруг были счастливы. Не счастливыми – в этом есть что-то, пардон, сопливое, вы не находите? – а просто были бы счастливы. Здесь есть какая-то мысль, которую мне трудно высказать, вот я и бормочу привычные слова в надежде, что вы мне подскажете. Ну, для примера, что вы говорите любимой женщине расставаясь? Пошлое: «Будь счастливой»? Да никогда! Вы говорите: «Будь счастлива, дорогая». Улавливаете разницу?

– Нет, – сухо ватно ответил Брянов. – Уж не посетуйте, не имею вашего опыта, Тюрберт. Вероятно, суть в том, что понимать под таким пожеланием.

– То и понимать. Счастье есть счастье.

– Счастье – категория сугубо относительная, Тюрберт. Для вас оно заключается в том, чтобы сделать кого-то счастливым, для мужика это урожайный год, а для болгарина – падение османского владычества. А поскольку термин не абсолютен, то и оставим его для милого житейского обихода. Для девичьих томлений, дамских пересудов и вздохов провинциальных пошляков.

– Похоже, что вы мне дали выволочку, – сказал, помолчав, Тюрберт, – но, убей бог, не знаю за что. Я искренне хочу, чтобы всем – всем на свете! – было хорошо. Я щедрый сегодня, Брянов, потому что люблю жизнь неистово, вот и вся причина. А чтобы любить жизнь, надо любить женщину, потому что женщина и есть воплощение жизни. И я, вероятно, просто не в состоянии сейчас заниматься холодным анализом, и так что не уничтожайте меня за это.

– Вы высказали дельную мысль: каждый человек носит в себе возможность сделать людям добро, но далеко не всякий реализует эту возможность в своей жизни. Я вас правильно понял?

– Добро – это что-то библейское, – проворчал подпоручик. – Я говорил проще.

– И все же вы говорили о добре, которое каждый может отдать, но почему-то мало кто отдает.

– Признаться, о чем я мечтаю? Только не вздумайте смеяться, предупреждаю, я чертовски обидчив. Сказать?

– Чистосердечное признание засчитывается в половину вины, – улыбнулся Брянов.

– Я очень хотел бы помочь именно вам в этом бою, – тихо сказал Тюрберт. – Даже больше: я бы хотел спасти именно вас, Брянов. Я бы хвастался потом всю жизнь и рассказывал бы своим внукам, как однажды прикрыл огнем и выручил из беды очень хорошего человека.

– Будем дружить, артиллерия? – улыбнулся Брянов.

– Будем, пехота.

И офицеры торжественно пожали друг другу руки. На востоке светлело. Занимался новый день – 14 июня 1877 года.

Глава вторая

1

В безлунной ночи рассаживался по понтонам первый эшелон десанта – сотня кубанских пластунов, стрелки Останова и Фока, пехотинцы Ящинского, Григоришвили и Брянова и гвардейцы под командованием полковника Озерова. По сорок пять человек в полуторные понтоны, по тридцать – в обыкновенные. Генерал Драгомиров стоял у причала, пропуская роты мимо себя. Солдаты, узнавая его, подтягивались, шепотом передавая по рядам:

– Сам провожает.

А Михаил Иванович пристально всматривался в старательные молодые лица, размытые сумраком и уже неузнаваемые, с горечью думая, сколько внимательных живых человеческих глаз не увидят завтрашнего дня. Эти мысли совсем не мешали ему верить в победу: он твердо знал, что выиграет дело, что выдержит, вытерпит, что вынесет все. Что силою, мужеством, волею и жизнями этих вот солдат проломит брешь в несокрушимой обороне Османской империи. Он просто прикидывал, сколькими сотнями молодых жизней он оплатит победу, и печаль тяжким грузом оседала в сердце старого генерала.

– Михаил Иванович! – шепот раздался сзади, и Драгомирова вежливо тронули за рукав.

Он оглянулся: перед ним стоял Скобелев. В белой парадной форме и при всех орденах.

– Не спится, Михаил Дмитриевич?

– Михаил Иванович, будьте отцом родным, – умоляюще зашептал Скобелев. – Возьмите в дело. Не могу, себе не прощу, коли в стороне останусь. Вплывь с казаками...

– Голубчик, ну как же я могу? Не приказано и должностей нет. И потом, что это вы в белом?

– Бой есть великий праздник, Михаил Иванович, по-иному не мыслю.

– Правильно, и я не мыслю. Но днем, а не ночью. Днем, при солнышке.

– Сниму, – мгновенно согласился Скобелев. – Бешмет вон казачий надену, только возьмите, Христом Богом...

– Как взять, в каком роде, генерал? – маялся Драгомиров, любивший Скобелева за отвагу и независимость. – Ведь не в ординарцы же, в самом деле...

– Пойду, – тотчас же согласился Михаил Дмитриевич. – При вас и при таком событии за честь почту ординарцем состоять. Прикажете в понтон?

– При мне – лично и все время, – тяжело вздохнув, строго сказал Драгомиров. – Подтяните Минский полк, он отстал на марше. И чтоб разговоров – ни-ни.

– Слушаюсь, Михаил Иванович! – просиял Скобелев. – И благодарю. От всего сердца благодарю!

И тут же исчез, а Драгомиров добродушно усмехнулся. И подумал невольно: «Вот бы все генералы наши на такое сражение, как на праздник рвались...»

А роты все шли и шли, будто драгомировская дивизия отправляла на тот, затаенный, темный враждебный берег не считанные восемнадцать понтонов, а добрую половину всего Волын-

ского полка. Вся идея прорыва главных сил русской армии строилась на быстроте и внезапности, количество войск ради этого было сведено до минимума, но нетерпение уже охватывало всегда выдержанного, академически спокойного и невозмутимого генерала, и Михаил Иванович уже начал нервно пощипывать тощие монгольские усы.

– Погрузка закончена, Михаил Иванович, – подойдя, негромко доложил начальник переправы генерал-майор Рихтер. – Прикажете начинать переправу?

– Обождите. – Драгомиров шагнул к тяжело, по самые борта нагруженным понтонам и снял фуражку. – Вы уйдете сейчас, а я останусь. Второй эшелон погружу и – следом. Я бы вместе с вами хотел, да служба не велит, так что на время расстанемся... – Он помолчал, покрутил фуражку во внезапно задрожавших руках. – Одно помните: от вас все зависит, в руках ваших сегодня вся судьба наша. Либо через Дунай, либо в Дунай, иного пути у нас нет. И я вам ничего не могу обещать – и помощь не скоро подойдет, и артиллерия не скоро поддержит. Сами вы все должны исполнить. Сами. Не стреляйте в темноте без толку: целей не видать, а турки сразу поймут, что вас горсточка. Главное, сигналов об отступлении быть не должно и не будет. Никаких сигналов! Колите того штыком, кто сигнал такой подаст, тут же на месте и колите, потому что это либо трус, либо враг. И не ищите своих офицеров, держитесь тех, кто рядом окажется. И... и выручайте друг дружку. Помните об этом. С Богом! С Богом, дети мои! С Богом, до встречи на том берегу!

Не гремели оркестры, не развевались знамена, никто не кричал «Ура!». Матросы молча отпихнули баграми тяжелые понтоны. Дружно и плавно поднялись весла гребцов, и громоздкие суда медленно тронулись по протоке к Дунаю, скрытые тьмой и низким островом Аддой. Генерал Драгомиров глядел им вслед, пока неясные силуэты не растаяли в ночной мгле. Тогда вздохнул, перекрестился и надел фуражку.

– Грузите артиллерию немедленно.

К причалам уже подходили огромные грузовые понтоны. Матросы плотно чалили их, тщательно устанавливали сходни. Где-то совсем близко испуганно всхрапнула лошадь, послышался тихий ласковый голос ездового:

– Стоять, милая, стоять.

– Минчане подошли, – доложил вновь возникший за плечом генерала Драгомирова Скобелев. – А на этом участке у турок черкесов нет, Михаил Иванович.

– Почему так думаете?

– Минчане на подходе уток вспугнули, а на том берегу – тишина. Черкесы сразу бы всполошились, вояки опытные.

– Ну и слава богу. Минчан вам поручаю, Михаил Дмитриевич.

– Благодарю. Только уж и на ту сторону с ними, а?

– Все там будем, – строго сказал Драгомиров.

Ездовые осторожно вводили на понтоны испуганно всхрапывающих коней, расчеты готовились к погрузке пушек и зарядных ящиков. Все делалось молча, без обычных шуток, ругани и команд.

– Лапушки наши заряжены, Гусев? – тихо спросил Тюрберт.

– Так точно. Лично заряжал, ваше благородие. Картечный снаряд, как велено.

– Брянов с первым эшелоном пошел, – вздохнул подпоручик. – Помнишь капитана Брянова?

– Как не помнить, – и Гусев вздохнул в ответ. – В Сербии, чай, горюшко вместе хлебали.

– Вели ездовым лошадей за храп держать, пока не переправимся. А коли ранят какую – душить всем дружно, чтоб я и вдоха ее не услышал. Батарейцев предупреди.

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие. Все знаем, куда идем.

К тому времени передовые понтоны со стрелками капитанов Останова и Фока уже вышли на стрежень. На турецком берегу было темно и тихо, но верховой ветер принес волну. Паромы закачало и стало сносить по течению.

– Навались, гребцы, мать вашу! – сквозь зубы шепотом ругался Останов.

Ветер и внезапно разыгравшееся течение разорвали единый строй судов. Турецкий берег тонул в кромешной мгле, и офицеры, как ни всматривались, не могли определить ни одного ориентира. Понтоны, медленно пересекая Дунай, шли в черную неизвестность.

Первым врезался в отмель понтон с сорока пятью стрелками Останова: нос уперся в песок, течение развернуло корму, и понтон накренился, черпая воду. Подняв револьвер над головой, капитан первым прыгнул за борт.

– За мной! Оружие беречь!

Он ожидал залпа, оклика, но берег молчал. Останов брел по пояс в воде, сабля путалась в ногах. Позади с шумом и плеском шли стрелки. Так и выбрались на берег, не зная, где свои, где чужие.

За узкой полоской песка начинался крутой и высокий глинистый обрыв. Распределив солдат, капитан направил дозоры вверх и вниз по берегу, а сам с основной группой стал подниматься на откос. Солдаты лезли упрямо, втыкая штыки в глину, подставляя друг другу плечи, цепляясь за корни и неровности. С трудом выбравшись наверх, залегли, вглядываясь в темноту.

– Ни хрена не видать. Все подтянулись?

– Так точно, ваше благородие.

Ниже гулко ударил выстрел, и тотчас же все вершины доселе затаенно молчавшего вражеского берега отозвались разрозненной ружейной пальбой. Это была стрельба наугад, по еще не видимому, но ожидаемому противнику.

– Ах, вот вы где, мать вашу! – закричал Останов, вырвав из ножен саблю. – Вперед, ребята, за мной!.. Не стрелять! В штыки их, в штыки!..

Первый выстрел, переполошивший турок и создавший впоследствии особые трудности для стрелков капитана Фока, был, по сути, случайным. Высадившиеся почти одновременно с Остаповым пластуны, пользуясь темнотой, берегом проникли в устье пересохшего ручья Текир-Дере и вышли к турецкому пикету. Турки окликнули, но казачий есаул, шедший впереди, спокойно ответил по-черкесски:

– Свои. С той стороны возвращаемся.

Турки подпустили их и тут же были взяты в кинжалы. Уцелел до времени один, у караулки, успел подать сигнал, и береговые склоны ответили огнем. В устье Текир-Дере начинался ад: турки занимали высоты и, обнаружив врага, начали бить часто и беспорядочно. Пластуны сразу оказались прижатыми к откосам.

Сюда, в эту узкую, простреливаемую со всех сторон низину, прибило паромы Фока. Вода кипела от пуль, стояла сплошная винтовочная трескотня.

– Стрелки, за мной! – перекрывая грохот, крикнул Фок. – Барабанщик, атаку!

Он бежал по мелководу, со странным, впервые возникшим чувством благодарности слыша дружный солдатский топот за спиной. Раненые падали в воду, но подбирать их не было ни времени, ни возможностей. Дело решали секунды, и Фок, правильно оценив это, решительно вел свои «механизмы, при винтовке состоящие», как он порою называл своих солдат, на штурм обрывов, ошестиненных огнем.

Чуть ниже высаживался Ящинский. Едва ступив на берег, рванул из ножен саблю:

– Вперед, бра...

И, взмахнув руками, упал навзничь. Солдаты бросились к нему, но штабс-капитан был уже мертв: пуля попала в висок.

– Отпелись... – горько и растерянно сказал кто-то.

Унтер, державший на коленях пробитую голову командира, бережно опустил ее на песок и встал.

– Чего столпились? Вперед! Бей их, сволочей, ребята! В штыки, за мной!

Солдаты приступом взяли обрыв и с боем прорвались к стрелкам. Унтер нашел Фока, вытянулся, приткнув к ноге винтовку с окровавленным штыком:

– Разрешите доложить, унтер-офицер восьмой роты Малютка. Командира убило...

– Ложись и докладывай толком.

– Так вы же стоите, ваше благородие.

– Потому и стою, что благородие. Значит, погиб Ящинский?

– Так точно. В висок.

– Сколько с тобой?

– Семнадцать.

– Видишь внизу караулку? Бери своих и штурлуй. Как тебя? Малютка? Возьмешь караулку, произведу во взрослые. Барабанщик, атаку ящинцам!

Бессистемная стрельба шла уже по всему берегу. Взвыли турецкие сигнальные рожки, вспыхнули смоляные шесты, оповещая ближайшие гарнизоны о русском десанте. Послышался сильный шум и в Вардине, где была расположена вражеская артиллерия. Турки спешно собирали таборы*, намереваясь ударами с трех сторон уничтожить немногочисленный русский отряд.

Но пока еще царила полная сумятица: как выяснилось позднее, пластуны сумели-таки просочиться за линию турецких охранений и перерезали телеграфную связь. Пользуясь неразберихой, темнотой и суматохой, Остапов без единого выстрела занял виноградники, развернул своих стрелков в жидкую цепь фронтом к Свиштову и отчаянной штыковой атакой встретил первые турецкие подкрепления, спешно брошенные в устье Текир-Дере.

– Не стрелять! – хрипло орал он, отбиваясь саблём сразу от двух турок. – Не стрелять, сукины дети, только штыками! Ломи их, в аллаха мать...

В это время семнадцать человек, уцелевших с понтона Ящинского, бежали к караулке молча. Турки поначалу то ли не заметили их, то ли приняли за своих, а когда поняли и опомнились, было уже поздно. Единственный залп, который успели они сделать, был торопливым и неприцельным; ящинцы так же молча, без «ура» приблизились на штыковой удар, и только тогда унтер Малютка на последнем выдохе выкрикнул, как на учении:

– Коли!..

Семнадцать штыков с разбегу вонзились в человеческие тела, тут же четко и умело были выдернуты и снова вонзились, но уже вразнобой и уже не все семнадцать. Началась рукопашная, приходилось и отбивать выпад противника, и подставлять винтовку под удар ятагана. Но этот молчаливый стремительный штурм так ошеломил турок, что, вяло посопровтивлявшись, шесть десятков аскеров* в панике бежали к водяной мельнице.

Чуть светало. В предрассветном тумане уже прорисовывались кромки турецких высот, темные силуэты понтонов на реке и вершины возле села Вардин, занятые турецкими батареями. Оттуда прогремел первый выстрел, снаряд с боем пронесся над стрелками Фока и разорвался в Дунае, подняв высокий фонтан.

Вся река была сплошь усеяна понтонами. Пустые поспешно отгребали назад, к своему берегу, перегруженные с трудом преодолевали стремительное течение. Теперь, когда с каждой минутой становилось светлее, турки обрушили на неповоротливые суда частый ружейный огонь. Продырявленные пулями понтоны быстро набирали воду, команды не успевали ее вычерпывать; все чаще то один, то другой понтон, переполнившись, шел на дно.

Взятие караулки обеспечило правый фланг капитана Фока, но его теснили и с фронта, и с левого фланга. Он то и дело бросал своих солдат в короткие контратаки и отходил снова, охраняя место основной переправы и боясь оказаться вдруг отрезанным от берега. Несмотря на

рассвет, он упорно не ложился: высокая его фигура все время маячила впереди стрелков. После бесконечных и всегда яростных рукопашных схваток мучительно ломило правое плечо; он страдал, морщился, перехватывал саблю в левую руку, пытался растереть занемевшие мышцы, но времени не было. По мундиру расплзлось темное пятно: в последней схватке штык аскера добрался-таки до капитанских ребер, но, к счастью, скользнул, лишь надломив кость и сорвав лоскут кожи. Капитан никому не говорил об этом и старался держаться так, чтобы солдаты не заметили, что он ранен.

– Ваше благородие, ложись! – время от времени зло кричали они. – Убьют тебя – все тут поляжем!

– А смотреть кто будет? – огрызался капитан, страдая от ноющей боли в плече, которому досталось сегодня столько работы. – Ваше дело шкуры беречь и исполнять, что прикажут!

– А коли приказывать станет некому?

– Коли некому, так в штыки! Все, дружно, а ежели кто замешкается, я с него и на том свете спрошу!

Как бы ни было тяжело стрелкам Фока, Остапова и уже упокоившегося Ящинского, но понтоны с того берега шли. Вразнобой, потеряв связь, притыкаясь к случайному месту, они все же доставляли солдат, и солдаты эти, зачастую сразу же теряя офицеров, упрямо лезли на обрыв, штыками сбрасывали турок и цепко держали узкую полоску берега. Часть их прибилась к Фоку, десятка два провел в устье Текир-Дере поручик Григоришвили, раненный в плечо в первой же атаке. Вместе с уцелевшими солдатами унтера Малютки он упорно атаковал засевших на мельнице аскеров.

Благополучно переправился и командир первого эшелона генерал-майор Иолшин. Вместе со штабными офицерами он сидел под обрывом и страдал от бездействия: руководить боем в такой неразберихе было немислимо.

Турки ожесточенно атаковали Остапова. Поредевший в схватках отряд его, пополненный пластунами и частью гвардейских офицеров полковника Озерова, упрямо держался за виноградники, перерезав дорогу к Текир-Дере. Капитану пуля раздробила коленную чашечку; он лежал в пыли на дороге, собрав вокруг себя раненых, и, страшно ругаясь, отбивал атаки расчетливыми ружейными залпами. Командование отрядом принял Озеров.

– Только не вздумайте стрелять, полковник, – скрипя зубами от боли, сказал Останов: ему очень хотелось ругаться, он грубил, но в присутствии старшего все же воздерживался. – Извольте штыками их, штыками!

– Я слышал об этом приказе, капитан. Держите дорогу.

– Ну, уж тут-то они только по трупам: мне ногу перебило. А вот вам придется побегать.

– Медицина утверждает, что это полезно для здоровья, – усмехнулся Озеров, уходя в цепь.

– Стрелять разрешается только раненым! – прокричал вдогонку Остапов. – Только тем, кто уж и на ногах-то не стоит! Слышите, гвардия?..

Но время текло своим чередом, и, как ни внезапен был русский удар, турецкое командование в конце концов разобралось в обстановке. Из трех наиболее активных очагов сопротивления самым неустойчивым им показался участок Фока. И туда, на его измотанных, израненных и немногочисленных стрелков, турки и бросили подошедшие из Вардина свежие резервы.

2

Бряннову не повезло с самого начала: понтон закрутило на быстрине с особой затейливостью, развернув в обратную сторону. Гребцы, привставая на скамьях, всей тяжестью налегали на весла, и три весла в конце концов не выдержали, одновременно хрустнув пополам: потерявший управление понтон потащило по течению. Пока гребцы разбирались с веслами, чтобы

уровнять количество их с обеих сторон, судно успело уйти далеко вниз, потеряв всякую связь с соседними понтонами. Когда наконец-таки приткнулись под обрыв, спускавшийся в этом месте к самой воде, в устье Текир-Дере и на высотах вокруг уже кипел безостановочный бой.

Здесь пока не стреляли, терять время на подъем и завязывать бой в стороне от своих было бессмысленно, и Брянов повел солдат вверх по течению под защитой обрыва.

Все громче слышалась стрельба и дикие крики атакующих аскеров. Брянов порою переходил на бег, неотступно думая о том, как поведут себя в бою его люди. На бегу поскользнулся, и тут же кто-то подхватил его сильной рукой.

– Осторожнее, ваше благородие.

Это была мелочь, пустяк, обычная товарищеская услуга, но Брянов почему-то сразу поверил, что все будет хорошо. А бой приближался с каждым шагом, над головой уже слышался свист пуль, с обрывов доносились дикие крики и лязг оружия. Тут еще неожиданно сверху с шумом скатились двое солдат в изодранных окровавленных рубахах, но без оружия.

– Стой! Кто такие?

– Свои, не видишь? – задыхаясь, прохрипел один из них, но тут же узнал офицера. – Виноват, вашбродь! Раненые мы. Ох, ломит турка, ох, ломит!..

– Откуда?

– Стрелки капитана Фока. Жмет турка, вашбродь!..

– Поднять меня на обрыв!

Десятки солдатских рук тут же подняли его. Он уцепился за корни, нащупал носками сапог расселину и полез наверх. Лез и думал о Фоке и его стрелках, что дрались здесь все то время, пока он бежал под защитой обрыва. Ему хотелось крикнуть, что он рядом, что ведет помощь, но подъем отнимал все силы и на крики уже не оставалось дыхания. Он выбрался наверх, вскочил и в нескольких шагах от себя увидел турок. Они еще не заметили его, Брянов мог бы упасть на землю и подождать, пока поднимутся его солдаты, но тут же в сумраке, в огневых вспышках он увидел Фока: собрав вокруг себя стрелков, капитан отчаянно отбивался от наседающих аскеров.

– Иду, Фок!.. – все-таки крикнул Брянов.

Никого не дожидаясь, он бросился в свалку. Ударил саблей одного, с выпадом ткнул другого и вдруг почувствовал, как его отрывают от земли. Не ощущая боли, уже поднятый на воздух, уже распятый девятью турецкими штыками, он рубил саблей, пока эти штыки не отбросили его к краю обрыва. И услышал отчаянный крик всегда спокойного фельдфебеля Литовченко:

– Капитана убили! Бей их, мать-перемать!..

Внезапный удар бряновцев во фланг атакующих турок не только спас стрелков, но и позволил им перейти в атаку. Опираясь на солдат, которых вел за собой осатаневший Литовченко, Фок отбросил турок на прежние позиции. И впервые за эту ночь сел на липкую от крови землю, задыхаясь и бережно ощупывая изрезанную штыками левую руку. Он отбивал ею выпады аскеров в бою.

– Ваше благородие...

Фок поднял голову. Перед ним стоял незнакомый фельдфебель.

– Ваше благородие, разрешите обратиться!

– Ты кто?

– Фельдфебель Литовченко, вашбродь. Бряновцы мы.

– Спасибо за помощь, бряновцы.

– Ваше благородие, дозвоьте отлучиться. Дозвоьте товарища вынести.

– Раненым не помогать. Ты что, фельдфебель, приказа не знаешь? Пусть санитаров ждут, у меня каждый штык на счету.

– Да не раненый он, вашбродь. Он убитый. Дозвоьте...

- Тем более. Ступай.
- То командир мой. Их благородие капитан Брянов.
- Брянов убит?.. – Фок тяжело поднялся, опираясь на саблю. – Врешь! Покажи, где...

где лежит.

- За мной идите, вашбродь. Он первым на них бросился, нас не дождавшись.
- Литовченко подвел Фока к лежавшему у обрыва окровавленному Брянову.

- Эх, волонтер, волонтер... В Сербии уцелел, а тут... – Капитан опустил на колени. –

Погоди, дышит, кажется?.. Дышит! Фельдфебель!

- Тут я, ваше благородие, тут. Смотрите, и саблю не выпустил. Как прикипела...

- Вот так с саблей и неси его. Дотащишь?

- Дотащу.

– Дождешься на берегу санитаров и первой же партии передашь. И ни на шаг от него, понял? Если гнать будут, скажешь, что я так приказал. Я, капитан Фок!

И, не оглядываясь, пошел к цепи, непривычно ссутулившись, с каждым шагом ощущая, что болит уже не занемевшее от сабли правое плечо, не изрезанная до костей левая рука, и даже не бок, проткнутый штыком, – болит все его длинное, безмерно усталое тело. А помощь все не шла, и турки собирались в очередную атаку, и до победы было куда дольше, чем до смерти.

3

Артиллерийские понтоны – рубленные из бревен платформы, опиравшиеся на рыбацкие шаланды, – были медлительны и неповоротливы. Отвалив от берега позже, чем понтоны с пехотой, они медленно огибали остров Адду, медленно добирались до основного русла. Уже все береговые склоны опоясались огнем, уже Фок и остаповцы намертво вцепились в свои щедро политые кровью плацдармы, уже погиб Ящинский, уже поручик Григоришвили, охрипнув от команд и слабея от раны, в шестой раз упрямо штурмовал мельницу, а артиллеристы только-только миновали стремнину Дуная.

К этому времени чуть просветлело, турки обнаружили испятнавшие всю реку понтоны, открыли частую ружейную пальбу, а батареи у Вардина начали пристрелку. Вода кипела от пуль и осколков, но понтон Тюрберта был пока цел.

Подпоручик нервничал. Он был человеком весьма активным, легко ориентировался в боевой обстановке, но ждать не любил и не умел. Понтон его батареи был до отказа забит орудиями, лошадьми, зарядными ящиками, люди стояли впритык друг к другу, и это раздражало. В сотый раз он прикидывал, куда их прибить, как они втащат на обрыв пушки и куда в первую очередь следует направить неожиданный для турок сокрушительный картечный огонь.

- На руках втащим, Гусев?

- Втащим, ваше благородие.

- Главное – пушки. Лошадей под обрывом оставим, а снаряды – на руках.

- Донесем на руках, ваше благородие. Не беспокой ты себя понапрасну.

- Представляешь, как там Брянову достается?

- Там всем достается, – вздохнул Гусев. – Известное дело, без артиллерии.

- Господи, ну что же так медленно, что же так медленно!..

Тюрберт не знал, что как раз во время этого разговора Фока потеснили к обрыву, Брянов был поднят на штыки, а удар его солдат спас стрелков от неминуемой гибели. Не знал, что аскеры вскоре снова навалились на Фока и прибывших к нему бряновцев. Фок то и дело водил своих солдат в штыковые контратаки, уже не ощущая ни времени, ни боли, ни даже усталости. Все слилось в один кошмарный клубок: атака – рукопашная – короткий бросок вперед и снова штыковой бой. Сабля у капитана сломалась, он отбивался ружьем и с ним наперевес водил в бесконечные контрброски своих грязных, окровавленных, нечеловечески усталых солдат.

А Григоришвили все же ворвался на мельницу. Все тот же унтер Малютка во время последнего неудачного штурма успел спрятаться в кустах поблизости, при первой возможности взобрался на крышу и, разметав черепицу, бросился внутрь. И тут же погиб, но на какое-то мгновение отвлек аскеров от окон. Отвлек, и Григоришвили успел с последним отчаянным приступом.

– Пленных не брать! – кричал он, путая грузинские и русские слова. – Бей их, братцы!..

Получил удар прикладом, отлетел к стене и сел на пол, чудом сохранив сознание. Его солдаты добивали турок в тесных и темных помещениях мельницы. Стоял лязг оружия, хрип-лая ругань, стоны и вопли раненых. Потом наступила тишина, поручик хотел встать, но не смог, и тут же кто-то присел рядом.

– Живы, вашбродь?

– Что турки?

– Перебили.

– Немедленно ступай на берег. Доложишь генералу Иолшину, что путь свободен, пусть подтягивает артиллерию. А мне воды принеси. Хоть в фуражке...

Останов по-прежнему валялся в дорожной пыли, окончательно обессилев от потери крови и даже перестав ругаться. К нему подползали раненые, которые уже не могли ходить в атаку, но еще могли стрелять. И он отбивался огнем от наседавших турок, а Озеров от них же отбивался штыками. Зажав окурок погасшей сигары, он водил солдат в атаку, сквозь зубы ругаясь по-французски.

А Тюрберт все еще пересекал Дунай...

– Ваше благородие, тонем!..

В сплошном грохоте ружейной пальбы он не расслышал, как пули поразили его понтон, как хлынула вода в тяжелые шаланды. Оглянулся, увидел напряженные лица артиллеристов, испуганно заматаившихся лошадей, пушку, ствол которой был направлен на тот страшный, огненный берег.

– Все за борт! Все! Отплывай подальше!

Расталкивая людей, бросился к пушке. Присел, снял с запора, наводя на турецкие высоты. И сразу пропала дрожь: он знал, что ему надо делать.

– Все – живо за борт!

Понтон уже кренился, испуганно ржали и бились лошади. Ездовые ломали поручни, отвязывали лошадей и сталкивали их в воду. Матросы покинули тонущие шаланды, и артиллеристы вслед за ними тоже попрыгали в Дунай.

– Ваше благородие! Ваше благородие, Александр Петрович, что ты делаешь! Ведь убьет откатом, ведь не закреплена!..

Гусев, хватая за руки, тащил его к борту. Тюрберт вырвался, впервые в жизни ударил подчиненного.

– Исполнять приказ!

– Саша! – Забыв о субординации, забыв о сословном неравенстве, забыв обо всем и помня только, что перед ним – самый дорогой человек, Гусев упал на колени. – Сашка, опомнись!..

– Вон! – Тюрберт схватился за кобуру. – Застрелю!..

– Стреляй, – покорно согласился Гусев. – Лучше в меня, чем из пушки. Смерть это верная...

Тюрберт сунул револьвер на место, отер мокрое то ли от брызг, то ли от слез лицо.

– Там люди гибнут, Гусев. Они нас ждут, нас, артиллеристов, только мы помочь можем. Там... Там – Бряннов. Что же прикажешь, без надежды его оставить?..

Гусев поднялся с колен. Шаланды наполнились водой, и понтон на какое-то время выровнялся. Настил заливала вода.

– Прощай, Александр Петрович. Прощай, друг ты мой дорогой...

Гусев низко поклонился Тюрберту и, перекрестившись, бросился за борт.

Гвардии подпоручик Тюрберт уже ничего не видел и не слышал. Он стоял в воде на коленях, тщательно наводя орудие. Ориентиров не было, он наводил по наитию, но боевое вдохновение его было сейчас великим, прозорливым и прекрасным. Все накопленное им мастерство, весь его волонтерский опыт в Сербии, вся любовь и вся ненависть сошлись сейчас в его прицеле.

– Держись, Брянов, – шептал он, выравнивая крен. – Держись, друг мой. Держись... И живи!..

И дернул спуск. Рывкнул единственный с русской стороны пушечный выстрел, и понтон разнесло на куски. Обломки его на миг поднялись в воздух и тут же канули в пучину.

А единственный картечный снаряд разорвался в цепи атакующих турок. Ликующий крик вырвался из пересохших глоток стрелков капитана Фока. В едином порыве они смяли растерявшихся аскеров, вырвались из смертного кольца и далеко отбросили противника. Правый фланг их примыкал теперь к солдатам Григоришвили, а те уже пробились к Остапову. Вместо трех разрозненных береговых участков русские к исходу третьего часа сумели создать общий плацдарм и организовать единую систему обороны.

Рассвело, и русская береговая артиллерия открыла частый огонь по всей линии турецких позиций. Главное было сделано: турки были отброшены от берега. Можно было начинать систематическую переправу войск, наращивая силы для удара.

Уже ушли вторые эшелоны десанта, уже грузились в понтоны санитары. Уже можно было передохнуть: Остапова подтащили к берегу, кое-как перевязали перебитую руку полковнику Озерову, а Григоришвили вдосталь напился воды из солдатского кепи. И капитан Фок наконец-таки обрел возможность лечь и вытянуться. Его бил озноб, и, хотя он никому не говорил об этом, все его стрелки упорно искали шинель и вскоре принесли. Турецкую, окровавленную и короткую: Фок с трудом завернулся в нее.

– Пора и нам, – сказал Драгомиров Скобелеву. – Надо посмотреть на месте, выслушать соображения Иолшина и, пожалуй, приостановить на время продвижение вглубь.

– Разрешите лично обойти позиции на том берегу, Михаил Иванович?

– Видимо, придется. – Драгомиров обернулся к адъютанту: – Доложите генералу Радецкому, что я счел необходимым переправиться на тот берег. Со мною чины штаба и генерал Скобелев-второй. Прошу на катер, Михаил Дмитриевич.

До катера генералы дойти не успели. Юный подпоручик догнал их у причала:

– Ваше превосходительство, артиллерист из подбитого понтона на берег выбрался. Говорит, будто тот картечный выстрел успел произвести его командир...

Мокрый, еще не отдышавшийся Гусев сидел на песке в окружении солдат. Увидев генералов, с трудом поднялся, но, зарывав вдруг, упал на колени.

– Ваше высокопревосходительство, велите все, все ему отдать!.. – Он сорвал с груди собственные солдатские медали и, стоя на коленях, протягивал их Драгомирову. – Все ему отдаю, командиру моему Тюрберту Александру Петровичу!

– Как фамилия? – тихо спросил Драгомиров.

– Тюрберт, ваше...

– Про Тюрберта знаю и доложу. Твоя как фамилия?

– Унтер-офицер Гусев.

– Надень свои кресты, Гусев. А Тюрберта мы не забудем.

Скобелев шагнул вперед, поднял Гусева с колен, поцеловал в мокрое от слез лицо.

– Спасибо за преданность, солдат! Ранен?

– Никак нет. Велите туда меня. Туда.

– Пойдешь туда. Переодеть, накормить, дать водки, отправить с артиллеристами.

Уже на катере Драгомиров сказал:

– Вот на таких, как Тюрберт и Гусев, вся армия держится. Сам погибай, а товарища выручи. Непременно в реляции о сем отмечу. С дружбой идем, а не с гневом. С дружбой!..

4

Генерал Драгомиров со штабом и самозванным ординарцем генералом Скобелевым добрался до берега без особых помех. Иолшин усиленно пробивал дорогу для артиллерии, бросив на это горстку саперов и всех своих офицеров. Дело было нужным, но, судя по рапорту, обстановку Иолшин знал плохо.

– Я распорядился, чтобы командиры отправили посыльных, – поспешно добавил он.

Драгомиров промолчал, понимая, что Иолшин упустил из рук командование не по своей вине, но скрыл неудовольствие. Хотел сказать помягче, но Скобелев ничего скрывать не умел.

– Дорогу строите? – резко спросил он. – Похвально. Только от посыльных чуда не ждите: тот, кто пришлет их, три часа в бою был. Это вам не под обрывом сидеть.

– Извините, генерал, не знаю, в какой должности вы здесь пребываете, но я просил бы вас... – покраснев, раздельно начал Иолшин, но Драгомиров мягко остановил его:

– Потом, господа. Главное – обстановка.

– Разрешите исполнять должность? – громко, с вызовом спросил Скобелев.

– От посыльных и вправду толку мало. – Михаил Иванович вздохнул, с неудовольствием покачав головой. – А вы, кажется, обещали бешмет надеть?

– Прятать русский мундир оснований не имею, – проворчал Скобелев. – Ни под бешметом, ни под обрывом.

И, поклонившись, быстро пошел берегом к левому флангу. К отряду капитана Фока.

В самом устье Текир-Дере убитых было немного. Еще издали генерал опытным взглядом оценил крутизну скатов и подивился, что потери невелики. Участок располагал на редкость удобным для обороны рельефом, но турки скверно использовали это преимущество. «Тут, кажется, повезло», – отметил про себя Скобелев и стал подниматься на обрыв там, где поднимались солдаты. И, пока лез, думал, что повезло удивительно: штурмовать такую крутизну было все едино, что крепостную стену. А когда поднялся и внимательно огляделся, понял, что малое число убитых под обрывом не следствие тактического недомыслия турок, а результат быстроты, решительности и отчаянной отваги русских солдат и офицеров. Генерал стоял сейчас на том месте, которое Фок удерживал в течение трех часов. Сюда отжимали его турки, и отсюда, с края обрыва, он вновь и вновь бросался вперед, шаг за шагом расчищая путь. Каждый аршин здесь стоил крови, и трупы громоздились друг на друге, покрывая эти аршины. Генерал перешагивал через мертвых, повсюду слыша проклятия и стоны умирающих, и земля, пропитанная кровью, тяжело хлопала под его сапогами. Скобелева трудно было удивить полем боя – он сам ходил в штыковые и водил за собою казачьи лавы, – но то, что он видел сейчас, было за гранью человеческих возможностей. Он шел и считал убитых, и по беглому подсчету получалось, что на каждый русский штык тут приходилось свыше двух десятков турецких. «Как же вы устояли? – с болью думал он. – Ах, ребята, ребята, досталась вам сегодня работка, какой и врагу не пожелаешь...»

К тому времени турки, перестроившись, вновь открыли огонь со всех высот, но к более активным действиям пока не переходили. Пули свистели вокруг генерала, вонзаясь в уже мертвых и добивая еще куда-то ползущих, но Скобелев шел, не убыстряя шага и не пригибаясь. Только смотрел теперь не на поле боя, а на высоты, по плотности огня определяя линию вражеского фронта, расположение командных пунктов и даже стыки между отдельными частями.

Так он вышел к стрелкам капитана Фока. Левый фланг их упирался в глубокую промоину, правый смыкался с расселиной Текир-Дере, и генерал с удовольствием отметил продуманную тактическую безупречность позиции.

– Молодец, – сказал он Фоку. – А за ночь – вдвойне молодец. Я видел твою работу.
– Отбиваться буду огнем, – с непонятым ожесточением объявил капитан. – Ставлю о том в известность, так что насчет экономии патронов – извините.

– Есть кому сдать командование участком? – помолчав, спросил генерал.

Фок отрицательно покачал головой. Обычно Скобелев обращался к офицерам запросто, на «ты», любил такое обращение, но сейчас чувствовал некоторое неудобство.

– Временно поручите унтеру – и в лазарет.

Фок вновь отрицательно покачал головой. Он стоял перед генералом, расставив ноги, чтобы не упасть. Левую руку ему кое-как перевязали солдаты, но от потери крови и нечеловеческой усталости его до сей поры бил озноб.

– В лазарет нужно всех. А всех нельзя, значит, будем ждать смены.

– Всех нельзя, а вам надо.

– А они что, механизмы? – Фок насильственно усмехнулся. – Извините, ваше превосходительство, мы тут устали немного. Хорошо бы щелочи моим механизмам, при оружии состоящим.

– Чего?

– Водки, ваше превосходительство, водки. Либо всем – полную смену, либо – двойную винную порцию.

– Хлебните. – Скобелев достал из кармана фляжку.

Фок облизнул пересохшие губы.

– Благодарю, ваше превосходительство, только на всех нас вашего коньяку не хватит.

– А вы – солдат, капитан, – тихо сказал Скобелев. – Первый резерв вам на смену отправлю.

– Не торопитесь обещать. – Фок снова через силу усмехнулся. – Вы еще у Григоришвили не были, Остапова не видали.

– Вы правы, – сказал генерал. – Надеюсь на встречу в будущем. Не провожайте.

– Благодарю, – буркнул Фок и, не дожидаясь ухода генерала, сел на землю.

Скобелев шел вдоль позиций, с огромным уважением думая о железном упорстве стрелков и о суровой, негибаемой воле их командира. Стало совсем светло, пули то и дело шелкали рядом, но он не обращал на них внимания. А вскоре перестал думать и о Фоке, часто останавливаясь и внимательно вглядываясь в очертания занятых турками высот. Там уже приметили генеральскую фигуру в белом, уже целились в нее: Скобелев вскоре почувствовал это по густоте обстрела. Сердце щемило от близости пролетающих пуль, но он давно уже строго-настрого приказал себе не кланяться им. Усталые стрелки с удивлением провожали взглядами его высокую, негибающуюся под огнем фигуру, и пожилой унтер сказал:

– Нет, братцы, не видать этому генералу ратной смерти. Заговоренный он, ей-богу, заговоренный!..

И перекрестился.

Еще на спуске в низину Текир-Дере Скобелев заметил пожар: горела мельница, с таким трудом захваченная отрядом Григоришвили. Сам поручик сидел под кустами позади своей жидкой, растянутой цепи. Перед ним стояло конское ведро, к которому он то и дело припадал, как лошадь, сквозь зубы втягивая воду. За ночь на ввалившихся щеках его выросла черная щетина, и поручик выглядел сейчас сущим абреком. При виде генерала он попытался встать, но Скобелев остановил его и сел рядом.

– Горишь? – спросил он, имея в виду польхавшее жаром лицо офицера.

– Турок недобитый поджег! – с гневом сказал Григоришвили. – Сам поджег, сам и сгорел, дурной человек!

– Кто тебя заменить может?

– Зачем заменять? Что на берегу лежать, что здесь лежать. Унтер хороший был, ваше превосходительство, очень хороший. Жаль, фамилию не спросил.

– Кто левее тебя?

– Пластуны и гвардейцы – видите виноградники? А дальше – стрелки капитана Остапова.

– До резервов продержишься?

– Я всю ночь не стрелял, ваше превосходительство, все штыком да штыком. Теперь огнем велел, сил мало.

– Правильно, – сказал Скобелев, вставая. – Ну, держись, поручик. При первой возможности выведем из боя.

– Брянов погиб, Ящинский погиб, а мы с Фоком живы, – словно не слыша генерала, сказал Григоришвили. – Перед боем пунш варили. А унтера фамилию не спросил. Почему не спросил, ослиная голова?

Он сокрушенно помотал перевязанной лоскутом солдатской рубахи головой и наклонился к ведру.

– Дать сопровождающих, ваше превосходительство? – гулко спросил он оттуда, цедя сквозь зубы мутную воду. – У меня двое целехоньких есть. Ни разу за всю ночь не ранены, вот чудо-то, ваше превосходительство!

Скобелев от сопровождения отказался и, бегло осмотрев удобные позиции Григоришвили, вышел на стык его отряда с пластунами. Поговорив с кубанцами, двинулся дальше, но вскоре остановился, глядя вглубь и вслушиваясь.

Чуть впереди пластунских позиций в глубь вражеской территории уходила широкая промоина. Турок нигде не было видно, и огнем эту промоину они не прикрывали. Подумав, генерал тихо спустился и, зажав в руке револьвер, медленно двинулся по дну глубокого каньона. Его вела не только присущая ему озорная любознательность. Этот глухой овраг с почти отвесными стенами шел от берега в глубину, разрезая турецкую оборону, и, судя по тишине и безлюдью, не был должным образом оценен противником. Смутная идея уже шевельнулась в голове, но для ее осуществления надо было точно знать, куда приведет каньон и не сделают ли турки выход из него. Скобелев сознательно рисковал, мельком подумав, что должен во что бы то ни стало успеть застрелиться, если нарвется на аскеров.

Каньон тянулся версты две, но ни турок, ни башибузуков не было видно. Затем промоина стала мельчать, разветвляться, явно приближаясь к истоку. Удвоив осторожность, Скобелев продолжал идти, а когда дошел до конца, вполз на ближайшую возвышенность, укрылся в кустах и огляделся.

Сажень в трехстах впереди проходила дорога. По ней спешно двигались турецкие разрозненные части, то и дело скакали всадники, и Скобелев понял, что это – рокада*, опираясь на которую противник манипулирует своими резервами в непосредственной близости от позиций. Он тут же припомнил карту и догадался, что дорога эта ведет на Тырново и что именно по ней могут двинуться из глубины основные турецкие подкрепления. Идея, которая смутно представлялась ему как задача тактическая, приобрела вдруг стратегическое значение: теперь все решала быстрота.

Он скатился в обрыв и, уже ни о чем не заботясь, побежал назад. Пот застилал глаза, сердце колотило в ребра, не хватало воздуха, но он, уже внутренне ликуя, не давал себе передышки. Он уже понял это сражение, он нащупал самое уязвимое место противника, он уже знал, как надо действовать, чтобы поставить последнюю точку в первом бою на правой стороне Дуная.

Возле своих позиций его чуть не обстреляли пластуны. Наскоро объяснив есаулу, что тому необходимо быстро занять расселину, генерал напрямик через Текир-Дере вышел к Драгомирову.

– Безупречно, – сказал Михаил Иванович, когда Скобелев торопливо пересказал ему свою идею. – Я прикажу Петрушевскому демонстрировать на Свиштов, пока вы не закончите марш и не перережете тырновскую дорогу. Собирайте бригаду Цвезинского и – с богом! Только... – Драгомиров озабоченно помолчал. – Выдержат ли фланги возможную атаку турок? Сколько там рот?

– Там давно нет никаких рот, Михаил Иванович, – сказал Скобелев. – Там раненые солдаты под командованием раненых офицеров.

– Боевые артели, – с академическим спокойствием отметил Драгомиров. – Когда солдат точно знает свою задачу, он будет выполнять ее до конца под любым началом. На наших глазах рождается новая армия, Михаил Дмитриевич, основанная не на слепом подчинении, а на разумных действиях.

– Не знаю, как там насчет теории, а на практике все решает мужество, – сказал Скобелев. – В серых шинелишках. А мы до сей поры имен их выучить не можем.

И пошел на берег собирать прибывавшую бригаду.

5

С утра турки возобновили отчаянные попытки опрокинуть русских в Дунай. Свежие резервы прямо с марша были брошены в бой против все тех же стрелков капитана Фока. Стрелки выдержали натиск: помогла артиллерия с левого берега, а Фок вынес еще одно испытание духа, ни разу не заикнувшись о помощи.

Убедившись, что в этом месте русские стоят насмерть, турки перенесли атаку в центр, в долину Текир-Дере, но отряд Григоришвили не дрогнул даже тогда, когда шальная пуля добила дважды раненного поручика. Командование принял казачий есаул, бросив остатки своих пластунов во фланг атакующим, а в одиннадцать бригада генерала Петрушевского начала наступление на свиштовские высоты.

Пока шла эта атака, Скобелев быстрым маршем вел стрелков Цвезинского через каньон к дороге на Тырново. Турки поздно заметили этот маневр, и оборона Свиштова была поспешно свернута. Противник отступил, и около трех часов пополудни русские части вошли в первый болгарский город.

Отряд капитана Фока вывели из боя последним. Все его солдаты были либо ранены, либо контужены и молча сидели на берегу возле своего командира в ожидании переправы. Здесь же санитары, переправившиеся со вторым эшелонем, и перевязывали их, а проходившие мимо свежие части замолкали, и офицеры вскидывали ладони к фуражкам, отдавая честь свершившим невозможное. Первая еда и первая винная порция, доставленные с того берега, были отданы им. Они молча выпили свои чарки и устало жевали хлеб.

– Сидите, все сидите! – поспешно сказал Драгомиров, подходя. – Земно кланяюсь вам, герои, и благодарю от всего сердца. Вашего подвига никогда не забудет Россия.

– Да, – вздохнул Фок. – А из всех пешек, кажется, один я вышел в дамки.

– Что вы сказали, капитан?

– Извините, ваше превосходительство, галлюцинирую. Разговариваю с теми, кого уже нет.

Ударами колонн Петрушевского и Скобелева русские не только освободили первый город на Болгарской земле, но и перерезали важную дорогу на Тырново, отбросив турок далеко в сторону Рущука. Место переправы было теперь надежно защищено от всех военных случайностей, оставалось только навести мосты да перебрасывать войска. Ценою восьмисот жизней Россия за одну ночь уверенно форсировала самую крупную реку Европы.

А в галлюцинациях капитан Фок оказался пророком. К вечеру того же дня Остапов умер от потери крови, а через сутки скончался и капитан Брянов. Из всех офицеров, которые пили

пунш перед кровавой ночью переправы, в живых остался один лишь командир стрелковой роты капитан Фок.

Через сорок лет он приехал туда, где прошли самые страшные и самые гордые часы его жизни. Жители Свиштова до сих пор вспоминают о седом высоком старике, который каждое утро непременно ходил в устье Текир-Дере, а на обратном пути долго молча сидел на могиле капитана Брянова. «Иду, Фок!..»

Первой крупной победе радовались бурно, шумно и восторженно. Кричали «ура!», звенели бокалами, воодушевленно пели гимн, устраивали парады и шествия, и в церквах торжественная «Вечная память» заглушалась ликующим «Многая лета!».

И раздавали награды. По спискам и в розницу, по встречам и по памяти, за дело и по случаю. По случаю давали, по случаю и забывали: поручик Григоришвили так ничего и не получил, а великий князь Николай Николаевич младший, вся доблесть которого заключалась в том, что он не поспал ночь, присутствуя при погрузке первого эшелона, нацепил Георгиевский крест. Иолшину тоже дали Георгия, как и всем командирам бригад, но Скобелева забыли. Зная его мальчишескую обидчивость, генерал Драгомиров лично посетил героя первого успеха русского оружия, дабы по возможности подсластить царскую пилюлю. Однако, к его удивлению, утешать никого не пришлось. Чрезвычайно довольный личным вкладом в победу, Скобелев воспринял романовскую забывчивость с полнейшим равнодушием:

– Да бог с ними, Михаил Иванович. Царь забыть может – Россия бы нас не забыла...

6

15 июня закончились бои на правом берегу, и сразу же дружно застучали топоры. Отбросив турок от Дуная, русская армия спешно наводила мосты. К вечеру 19 июня была переправлена артиллерия, обозы и санитарные части. А в ночь на 20-е понтонные мосты закачались на волнах под дробный перестук копыт: в Болгарию нескончаемым потоком вливалась основная ударная мощь России – ее знаменитые кавалерийские полки.

Долго, вплоть до Второй мировой войны, военные академии мира изучали опыт этой переправы. Анализировали, раскладывали по полочкам, учитывали все за и против, взвешивали силы сторон, а концы не сходились с концами. По всем канонам военного искусства турки должны были сбросить в реку первый эшелон. Должны были – и не сбросили: Россия опять воевала не по правилам.

Не по правилам воевали русский дворянин Брянов и потомок шведов Тюрберт, украинец Ящинский и немец Фок, поляк Непокойчицкий и грузин Григоришвили и сотни других – русских и нерусских – истинных сынов России. Созданный Петром Великим русский офицерский корпус был уникальным по своему многонациональному составу. В этом корпусе, спаянном дружбой, обостренным чувством долга и кастовой честью, никто не интересовался, откуда родом офицер, – интересовались его мужеством и отвагой, доблестью и благородством. И солдаты шли за ним в любой огонь, потому что огонь врага уравнивал солдата и офицера, создавая тот необычайный сплав, который никогда не могли понять иноземные специалисты.

Не принимая боя, турки откатывались за перевалы. Война начинала представляться веселой прогулкой, и, казалось, ничего уже не может быть страшнее ночного боя в пересохшем устье Текир-Дере. Об этом часто говорили в армии. Вспоминали подробности, передавали слухи, сочиняли легенды. Особенно когда дошла весть о похоронах гвардии подпоручика Тюрберта.

Его тело прибило к берегу на левой, румынской стороне: он так и не переправился через Дунай. Отпевали гвардейского артиллериста в Зимнице, в маленькой церкви, окна которой были распахнуты по случаю жары, и торжественные звуки «Вечной памяти» донеслись до царской резиденции.

– Кого отпевают?

– Гвардии подпоручика Тюрберта, Ваше Величество.

– Артиллерист? Помню, помню, Драгомиров докладывал...

В церкви было мало народу: уцелевшие друзья погибшего да унтер-офицер Гусев, стоявший в ногах командира. Служба шла своим чередом, когда вдруг вошел император. Свита забила церковь до отказа, а Александр, сделав знак поперхнувшемуся священнику продолжать отпевание, прошел к гробу и стал в головах.

– Странно все же, – сказал после похорон поручик Ильин. – Чтоб государь почтил своим присутствием отпевание не члена августейшей фамилии...

– Почтил! – с раздражением перебил полковник Озеров: он сбежал из госпиталя на похороны и маялся от боли в перебитой ятаганом руке. – Государь не Тюрберта почтил, а подвиг его. Высшая доблесть воина – сам сдохни, а товарища выручи...

Начиналось жаркое болгарское лето, и желтая пыль дорог намертво прикипала к пропотевшим солдатским рубахам. А турок не было. Удивлялись солдаты:

– Ну и война, братцы! Будто гуляем.

– Сбежал турка, видать.

– Те его напугали. Те, что в ночь дрались, нам путь пробивали. Вечная память им, братцы!

– Вечная память... – вздыхали солдаты.

Так, по сути, без боев, летучий отряд генерала Гурко взял с ходу Тырново, перевалил Балканы по Шипкинскому перевалу и ворвался в Долину Роз, а западный отряд генерала Криденера скоротечным штурмом овладел крепостью Никополь. Турки легко сдавали города и отступали, откатываясь на юг. Вот-вот должна была закончиться эта удивительная война, и русское интендантство решительно вычеркнуло из списка поставок зимнее обмундирование для действующей армии. Все ждали скорой победы и грома колоколов.

А пока готовились к победе, турецкий дивизионный генерал Осман-Нури-паша*, пользуясь полной бездеятельностью генерала Криденера, перебросил шестьдесят таборов своей отборной пехоты в русский тыл и занял никому доселе не известный городишко Плевну. А вскоре после этого в общем-то почти незамеченного события из Черногории на пароходах, любезно предоставленных англичанами, другой паша, Сулейман*, перевез в Болгарию свою сирийскую армию. И две эти турецкие армии одновременно накинута петли на широко разбросанные по расходящимся направлениям русские войска. Узлы этих петель пришлись на город Плевну и Шипкинский горный перевал.

Все еще было впереди. И испепеляющий жар плевненских штурмов, и двадцатиградусные морозы Шипки. Впереди было боевое крещение болгарского ополчения под Старой Загорой, донесения корреспондентов: «На Шипке все спокойно», превратившиеся в поговорку, и звездный час генерала Скобелева, ставшего национальным героем Болгарии.

Все еще было впереди.

Глава третья

1

Утром 26 июня полусотня донцов во главе с есаулом Афанасьевым с гиканьем ворвалась в маленький, со всех сторон стиснутый высотами городишко Плевну. Турки бежали без выстрела, ликующие болгары окружили казаков, в церквях ударили в чугунные била (колокола турки вешать запрещали). Выпив густой, как кровь, местной гымзы, есаул дал казачкам пошуровать по пустым турецким лавкам и еще засветло покинул гостеприимный город.

– Было три калеки с половиной, – с нарочитой донской грубоватостью доложил есаул командиру Кавказской бригады полковнику Тутолмину. – Разогнал, братушки рады-раде-хоньки, чего зря сидеть? За сиденье крестов не дают.

В Западном отряде, куда входила бригада Тутолмина, крестами позвякивали с особой отчетливостью: генерал Криденер считал награды основной целью боя. Он сызмальства не верил ни в талант, ни в призвание, ни в озарение, уповая лишь на личный опыт и, следовательно, на возраст, поскольку арифметика была простой: чем дольше живешь, тем больше видишь. А в арифметику генерал верил, и для него дважды два всегда равнялось четырем. Западный отряд находился ближе к Софии, а посему именно он, барон Криденер, и должен был стать основной фигурой в этой заразительно удачливой войне. Пусть себе Гурко рвется к перевалам, пусть отвлекает на себя противника: в точно рассчитанное время Криденер неожиданно ринется на Софию во главе своего отряда. Идея была проста и заманчиво доступна, но мешал Никополь, повисший на левом фланге.

– Штурмовать эту развалюху? – с недоумением спросил начальник штаба генерал Шнитников.

Но Криденер не терпел возражений, коли решение им уже было принято. Зная его упрямство, Шнитников спорить не стал, тем паче, что взятие турецкой крепости обещало ордена и одобрение свыше. Лишь прикомандированный к Западному отряду представитель ставки нервно сопротивлялся:

– Осмелюсь напомнить, Николай Павлович, что вы получили приказ сдерживать противника. Сдерживать, не давая ему возможности прорваться к нашим переправам на Дунае.

– Наступление – лучший способ держать неприятеля в напряжении, генерал. Не учите пирожника печь пироги.

– Однако, Николай Павлович, не следует при этом...

– Вы прибыли за орденом? После падения Никополя я предоставлю вам такую возможность. Но в самом деле вы не будете принимать участия, ибо генерал, не верящий в целесообразность операции, во сто крат опаснее врага.

Сам Никополь штурмовать не пришлось: турецкий гарнизон капитулировал после непродолжительной артиллерийской бомбардировки. Представитель ставки в сражении не участвовал, переживая это как личное оскорбление. Пока Криденер торжествовал победу, писал реляции и приводил в порядок войска, он одному ему ведомыми путями узнал то, чего так опасался.

– Турки перебрасывают войска в наш тыл, Николай Павлович. Я настоятельно прошу незамедлительно занять Плевну.

Отправить часть войск в Плевну означало для Криденера ослабить собственный отряд. Пойти на это он не мог: ему все еще мерещился победоносный марш на Софию.

– Я обещал вам, генерал, предоставить возможность отличиться. Так будьте добры сопроводить в Главную квартиру коменданта Никополя Гассана-пашу.

Выведенный из равновесия упрямством Криденера представитель ставки загнал коней на пути к Главной квартире. Конвойные казаки угрюмо ругали сумасшедшего генерала, сам он еле держался на ногах, и только комендант Никополя весело скалил зубы в черную бороду. Эта улыбка неприятно поразила императора; он велел увести пленного и стал расспрашивать о подробностях взятия Никополя.

– Ваше Величество, это авантюра. Из Виддина в наш тыл перебрасываются свежие таборы. Знаю об этом достоверно.

– Ты, видимо, устал, – с неудовольствием сказал уже начавший привыкать к победам Александр II. – Это блестящая победа нашего оружия.

– Я умоляю вас, Ваше Величество, умоляю. Велите немедля занять Плевну.

– Отдохни и выезжай в Россию. Здесь ты мне больше не понадобишься.

2

Генерал за ненадобностью отбыл в Россию, а барон Криденер получил орден Святого Георгия третьей степени. Однако вместе с поздравлениями от Непокойчицкого пришло и телеграфное предписание серьезно озаботиться городишком Плевной. Это еще не звучало приказом, но Криденер умел читать между строк и скрепя сердце выслал к досадной плевненской занозе отряд генерал-лейтенанта Шильдер-Шульднера числом в семь тысяч штыков и чуть более полутора тысяч сабель при сорока шести орудиях.

– Стереть плевков сей с лица земли.

Отряд шел, как на усмирение, не утруждая себя ни разведкой, ни дозорами. Уже на подходе к городишку Плевне, о гарнизоне которого командир отряда имел весьма смутное представление, в деревеньке Буковлек навстречу русским вышел пожилой болгарин. Закричал, крепостом раскинув руки:

– Турки в Плевне, братушки! Много пашей, много таборов, много черкесов!

– Вот мы и пришли их бить, – сказал командир архангелогородцев полковник Розенбом. – Скажи братушкам, пусть завтра в Плевну побольше мяса везут: победу праздновать будем.

Мяса в Плевне хватило: в семь утра Розенбом, ворвавшийся-таки во главе своих солдат в Плевну, был убит у первых домов. Но это случилось на шестнадцать часов позднее встречи с болгаринцом, а тогда и турок-то никаких еще не было видно, и усталость уже покачивала солдат. И потому на предостережение никто не обратил внимания. Передовые части миновали деревушку Буковлек, а когда стали спускаться в низину, с Опанецких высот громыхнул первый залп.

Костромской полк тоже обстреляли, но осторожный его командир полковник Клейнгауз выслал вперед кубанцев. Привычные к таким делам казаки теньями скользнули по балочкам и через полтора часа доложили, что за высотами расположен большой турецкий лагерь. Полковник прикрылся разъездами, приказал отдыхать без костров, отправил донесение по команде и стал терпеливо дожидаться рассвета, завернувшись в шинель подобно своим солдатам. Однако вздремнуть ему не удалось: прискакал командир Донского полка Нагибин. Принимать гостя было не ко времени; выпили коньяку, а затем Нагибин взял Клейнгауза под руку и повел в сторону от солдатского храпа и офицерского говора. Сказал приглушенно:

– Игнатий Михайлович, прощения прошу, что от дремоты оторвал. Мои казаки самостоятельно поиск произвели. По их донесениям противника – колонн восемь, если не больше. С полковыми котлами, артиллерией и бунчуками*.

– Моих, Нагибин, добавьте, что кубанцы обнаружили, – озабоченно вздохнул Клейнгауз.

– А мы-то считали, что в Плевне от силы четыре табора. А тут получается...

– Получается, что нужно уходить. Уходить немедля, безо всякого боя.

– Затем и прискакал, Игнатий Михайлович. Надо бы Шильдеру доложить. Ну, это на себя возьму. А вы Криденера уведомите, что Плевна не плевков, как он говорил, а – орешек.

Отправить докладные записки полковники не успели: от Шильдер-Шульднера прибыл нарочный с приказом атаковать Плевну концентрическими ударами. Нагибин, нахлестывая коня, помчался к себе, а Клейнгауз, сыграв тревогу, приказал оставить ранцы, шинели и обоз и бегом поспешать туда, где полагалось быть полку к началу «концентрического наступления».

Время рассчитали из рук вон плохо: рокот барабанов, играющих атаку, раздался лишь в половине шестого. Офицеры вырвали из ножен сабли, солдаты привычно сбросили на левые руки полированные ложа винтовок, и полки без выстрела пошли в атаку. Шли молча, смыкая шеренги над убитыми и ранеными, копя силу и ярость. И взорвались вдруг хриплым, одинаково страшным как для просвещенной Европы, так и для дикой Азии знаменитым русским «ура!».

Костромичам предстояло пройти длинным, пологим скатом к Гривицким высотам, и они прошли, усеяв поле белыми рубахами павших. Здесь перед полком открылись три линии окопов; перестраиваться не было времени, и полк бросился в атаку с ходу. Две линии костромичи взломали единым порывом, когда смертельно раненным пал командир полка. А впереди была в упор третья линия турок, и полк затоптался, теряя порыв и время.

Сражение, вошедшее в историю под названием Первой Плевны, было проиграно изначально, еще до сигнала атаки, еще в голове командира. Шильдер-Шульднер потерял ранеными и убитыми более трети своего отряда, и «Вечная память» надолго приглушила звонкую медь полковых оркестров.

Торжествовали в Плевне, с восточной пышностью поздравляя Османа-Нури-пашу. Но Осман-паша не спешил улыбаться.

– Если среди убитых в белых рубахах вы найдете хотя бы одного сраженного в спину, я возрадуюсь вместе с вами. Укрепляйте высоты. День и ночь укрепляйте высоты и зарывайтесь поглубже. Русских может сдержать только земля.

Глава четвертая

1

Известие о жестоком разгроме Шильдер-Шульднера было для барона Криденера не только болезненным уколом самолюбия, но и окончательным крушением всех стратегических замыслов. Тут уж стало не до броска на Софию, когда вдруг появившиеся в его тылу турецкие войска, воодушевленные победой, могли ринуться всей мощью на Свиштов, сокрушить прикрывавший его Воронежский полк и напрочь отрезать от баз снабжения, резервов и самой родной державы далеко прорвавшиеся в Болгарию разбросанные по расходящимся направлениям русские войска.

– Корреспондентов вон, – объявил Криденер ранее всех военных распоряжений.

– Это не совсем удобно, – осторожно начал Шнитников. – Они допущены разрешением...

– Всех – вон! – жестко повторил барон.

Несмотря на высылку, корреспонденты узнали все, что хотели узнать. Русская пресса поведала о поражении сдержанно, больше упирая на героизм солдат и офицеров, но английская, не говоря уже о турецкой, живописала разгром с ехидством, а какая-то из второстепенных немецких газеток из номера в номер начала печатать неведомо кому принадлежащие записки о походе Наполеона в Россию. При этом англичане утверждали, что турок было вдвое меньше, чем русских, русская печать – что на каждый русский штык приходилось пять турецких, а турецкая загадочно помалкивала, чаще упоминая о воле Аллаха, чем о соотношении сторон.

Узнав о конфузе под Плевной, Николай Николаевич минут пять топал ногами и ругался, как пьяный ломовой извозчик. Непокойчицкий невозмутимо ждал, пока он уgomонится, а генерал Левицкий – в последнее время великий князь стал в пику старику все чаще привлекать его помощника – нервно суетился, перекладывая бумаги и все время пытаясь что-то сказать.

– Что он топчется? – заорал главнокомандующий. – Что он тут топчется?

– Осмелюсь обратить внимание Вашего Высочества на цифры. – Рука Левицкого чуть дрожала, когда он протянул бумагу. – У турок не менее пятидесяти тысяч, тогда как в отряде Шильдер-Шульднера по донесению барона Криденера...

– Врет Шульднер, и Криденер твой врет! – Великий князь бешено выкатил белесые глаза. – Без освещения местности прут, без разведки атакуют, все на авось, на авось! – Он вдруг повернулся к Непокойчицкому: – Что молчишь? На сколько соврал Криденер?

– Возможно, что Николай Павлович и не соврал, – задумчиво сказал Артур Адамович. – Осман-паша собирает в Плевне всех, кого может, да и по Софийскому шоссе к нему все время идут подкрепления. Коли все принять в расчет, то можно допустить, что у Османа-паши около сорока таборов низама*, несколько эскадронов сувари* и не поддающееся учету число черкесов и башибузуков.

– А пушек? Пушек сколько?

– Вероятно, около шестидесяти. Следует иметь в виду, Ваше Высочество, что неприятель занимает весьма выгодную позицию, которую беспрестанно укрепляет.

Тихий голос Непокойчицкого всегда действовал на великого князя успокаивающе. Посопев еще немного, Николай Николаевич наконец-таки сел к столу и потребовал карту. Пока Непокойчицкий неторопливо разворачивал ее, Левицкий счел возможным сказать то, о чем его лично просил Криденер.

– Генерал Криденер умоляет Ваше Высочество доверить ему полный разгром Османа-паши. Он дал слово чести смести эту сволочь с лица земли.

Артур Адамович недоволено поморщился: он очень не любил ругани, громких слов и генеральской божбы. Он любил точно обозначенные на картах войсковые соединения и безукоризненное исполнение приказов. Великий князь главнокомандующий заметил его недовольствие и вдруг повеселел:

– Коли сметет, так вопрос лишь в помощи да быстроте. Кого можем подчинить Криденеру для уничтожения этого Османки?

– На подходе корпус князя Шаховского, Ваше Высочество, – начал докладывать Левицкий.

– Отряд полковника Бакланова вышиблен турками из Ловчи, – вдруг прервал Непокойчицкий.

– Ну и что? Где Ловча, а где Плевна...

– Рядом, – весомо сказал Артур Адамович и, оттеснив Левицкого, показал на карте опасную близость этих городов. – Если Осман-паша соединится с турками в Ловче...

– Так не дайте ему соединиться! – резко перебил великий князь. – Перебросьте туда кавалерию.

– Туда можно направить Кавказскую бригаду Тутолмина, – сказал Непокойчицкий. – И поставить перед Ловче-Плевненским отрядом активную задачу.

Главнокомандующий молчал, задумчиво барабанил пальцами по карте. Потом спросил неожиданно:

– Сколько у нас пушек?

– Пушек? – Левицкий лихорадочно рылся в бумагах. – Думаю... Около полутора сотен.

– В два раза больше, чем у Османки? Огонь, сокрушительный огонь – вот что мы противопоставим его таборам и черкесам. Отдайте бригаду этому... – Великий князь вдруг расстроился, поскольку всегда гордился своей памятью на имена, а тут вдруг – забыл. – Кого из Ловчи вышибли?

– Подполковника Бакланова, – подсказал Левицкий.

– Вот ему отряд и подчините. Он битый, значит злой.

– Позвольте возразить Вашему Высочеству, – осторожно сказал Непокойчицкий. – Бакланов битый, но не злой, а нерешительный, почему и отдал Ловчу. А нужен решительный: задача сложная, сил мало. И есть только один командир, способный эту задачу выполнить. Генерал Скобелев-второй.

Его Высочество недоволено засопел. Левицкий, очень не любивший Скобелева, позволил себе негромко заметить:

– Ваш протеже – шалопай, Артур Адамович. Его и на пушечный выстрел нельзя подпускать к этой войне.

– Скобелев – генерал свиты моего брата, – вдруг надутно сказал главнокомандующий. – Не забывайся, Левицкий.

– Прошу простить, Ваше Высочество, – растерялся не ожидавший такого афронта Левицкий. – Мне думалось... Я полагал...

– Лучше Скобелева командира для этого дела у нас нет, – с не присущей ему твердостью повторил Непокойчицкий. – Да, он – дерзок, самовлюблен, даже безнравственен, но отважен и упрям. Именно эти качества...

– Решено, – оборвал великий князь. – Пусть докажет, на что способен в европейской войне. Пишите приказ на передислокацию. Но коли уж провалится...

И, неожиданно захохотав, с удовольствием потер ладони.

2

Князь Алексей Иванович Шаховской получил приказ о подчинении Криденеру на марше. Будучи старым воякой, он делил генералов на боевых и «протяжных», объединяя в последнем определении как протежирование свыше, так и протаскивание в чины вопреки воинскому таланту, заслугам и логике. Криденер был «протяжным» в чистом, так сказать, виде, но князь чтит дисциплину. Тут же вызвав Бискупского, прикинул с ним, как проще повернуть войска с марша кратчайшим путем, но задержал начальника штаба.

– Плевна, Плевна, Плевночка, – бормотал старик, разглядывая карту. – Слушай, Константин Ксаверьевич, у тебя найдется пара толковых штабных офицеров?

– Найду, Алексей Иванович.

– Мне нужна разведка Плевны с востока и юго-востока. Пока перестраиваться будем, пусть постараются.

На сей раз и Западный отряд готовился к предстоящему штурму тщательно. Никто уже не заикался об усмирении, и даже Криденер перестал именовать Плевну «плевком»: урок был суров, а ставка слишком высока. И когда Шнитников осторожно намекнул относительно разведки, барон, обычно считавший разведку ниже достоинства русского генерала, ухватился за этот намек.

– Да, да, и непременно.

Только после разведки генерал Криденер решился на военный совет. Он состоялся 14 июля, и на него барон пригласил вновь назначенного личного представителя Главной квартиры светлейшего князя генерала Имеретинского.

– Что-то Скобелева не вижу, – отметил Шаховской, оглядываясь перед тем, как усесться на место.

– Не знаю, почему он не явился, – сказал Шнитников. – Приглашение было послано своевременно.

– Приглашение или приказ? – колюче взъерошил седые брови Алексей Иванович.

– Это не важно, – холодно заметил Криденер. – Скобелев выполняет задачи охранения, не более того.

– Простите, не вполне понял вас, – негромко сказал Имеретинский. – Одно дело – приказ, дающий генералу право решающего голоса в совете, а иное – приглашение послушать, что будут говорить остальные. Так в каком же роде вы желали здесь видеть генерала Скобелева, Николай Павлович?

– Я не нуждаюсь в советах Скобелева-второго, – сухо поджал губы Криденер. – Если ваша светлость не возражает, я хотел бы начать совещание.

– Я всего лишь гость, генерал. Расповайтесь.

Обстановку докладывал Шнитников. обстоятельно разобрав причины неудачи первого штурма, обрисовал расположение войск и перешел к данным о противнике.

– По нашим сведениям, неприятель располагает сейчас шестьюдесятью – семьюдесятью тысячами активных штыков.

– Вопрос. – Бискупский встал. – Откуда эти сведения?

– Мне бы не хотелось называть источник...

– Среди нас есть турецкие шпионы? – громко прервал Шнитникова Шаховской. – Так гоните их отсюда в шею, барон!

В комнате возник шум. Командующий артиллерией генерал Пахитонов громко рассмеялся.

– Спокойно, господа, – сказал Криденер. – Если представитель Его Величества полагает...

– Я полагаю, что следует уважать военных вождей, – негромко сказал князь Имеретинский.

– Сведения сообщил дьякон Евфимий, бежавший из Плевны, – неохотно сказал Шнитников.

– С каких это пор русская армия основывает свои решения на поповских подсчетах? – зарокотал Шаховской. – Известно, что у беглеца всегда глаза на заднице.

– Главный штаб и Его Высочество согласны с этой цифрой, – надутно заметил Криденер.

– Тогда вообще ерунда какая-то. Их семьдесят тысяч, и они – в укрытии. А нас еле-еле двадцать шесть тысяч, и мы пошлем их в чисто поле под пули и картечь. – Шаховской грузно повернулся к Имеретинскому. – Вас устраивает такая арифметика, князь?

– Сил мало, ничтожно мало, Алексей Иванович, – вздохнул светлейший князь. – Но большего у нас нет, а ждать, покуда из России подойдут резервы, невозможно.

– Бойня, – хмуро констатировал Шаховской. – Хорошо кровушкой умоемся, господа командиры.

После длительных прений, уточнений, предположений и непримиримого ворчания Шаховского совещание выработало основной план штурма Плевны. Наступление было решено вести с двух направлений при постоянной поддержке артиллерии.

– Ну, артиллерия, вывезешь? – спросил Шаховской Пахитонова, прощаясь.

– Бог не выдаст, свинья не съест, Алексей Иванович. Только у Османа-паши, между прочим, стальные орудия Крупша.

– Лихо, – усмехнулся в усы Шаховской. – Не даст Его Высочество согласия, нет, не даст. Это же с ума сойти, какой конфуз возможен. С ума сойти!

Через три дня нарочный доставил Криденеру личную записку Непокойчицкого, подтверждающую согласие главнокомандующего. Рекомендую широко и маневренно использовать конницу, дабы рассредоточить внимание противника, Артур Адамович в конце писал: «Великий князь особое внимание обращает на то, что вы имеете до ста пятидесяти орудий. Не спешите с атакой, барон, прошу вас. Громите их огнем, ибо только в этом вижу я ключ к победе...»

– Все в стратеги лезут, – сказал Криденер, отбросив записку. – Даже недобитые полячишки и те на советы горазды.

Участь второго штурма Плевны была решена.

3

– Все правильно, – невесело вздохнул Скобелев, узнав подробности разгрома Шильдер-Шульднера, и выругался заковыристой казачьей матерщиной.

Все еще числясь в резерве, Михаил Дмитриевич собирал сведения о противнике где только мог. Он перечитал все газеты, доставленные ему Макгаханом, хотя не любил их читать, потому что не выносил разухабистой газетной лжи. Цифры, сообщенные англичанами, равно как и русскими, ни в чем его не убедили.

– Сложите все вместе и поделите пополам, – посоветовал Макгахан. – Тогда, возможно, получите что-то похожее на истину.

– Сложите все вместе и суньте в печку, – буркнул Скобелев. – Мне нужна истина, а не нечто на нее похожее.

Накупив у маркитантов табаку, орехов, пряников и конфет, он выехал в ближайший лазарет, где лежали костромичи. Генерал щедро оделил всех подарками, терпеливо выслушивая большей частью бессвязные рассказы, как шли под огнем, как атаковали, как погиб Клейнгауз. Каждый говорил о своем, но Скобелев упорно задавал вопросы, вызывая раненых на нужный ему разговор.

– ...я, стало быть, замахнулся – ан, а колоть-то некого!

– Значит, боится турка русского штыка, братец?

– Не выдерживает он, ваше превосходительство, жила не та. Ну, поначалу, конечно, машет, а потом скучать начинает. Ежели, скажем, соседа его положили, так он на месте не останется.

– А стреляют как?

– Стреляют почаще нашего, много почаще. И патронов не жалеют, и ружья у них подальше наших бьют.

– Только вот... – Белобрысый паренек с перебинтованным плечом засмутился, вскочил вдруг, вытянулся: – Виноват, ваше превосходительство, разрешите доложить!

– А ты не скачи, парень, не скачи, – улыбнулся Скобелев. – У нас по душам беседа, а не строй, и ты есть раненный в бою воин. Говори спокойно.

– Да он, турка-то, хоть и много палит, а без толку, ваше превосходительство. Он нас очень уж боится, и целить ему недосуг. Руки у него дрожат, что ли, так он ружье на бруствер кладет и палит, не глядя совершенно.

– Верно Степка говорит, правильно, – заговорили раненые. – На испуг берет басурманин со своего испугу.

– Ну, не совсем так, – сказал молодой человек с перевязанной головой. – Их винтовки дальнобойнее наших, Михаил Дмитриевич. Вы позволите так обратиться?

– Позволил уже. Вольноопределяющийся?

– Так точно, вольноопределяющийся Федор Мокроусов, недоучившийся студент. Так вот, Михаил Дмитриевич, они это качество неплохо используют при нашей атаке. Сплошной веер пуль встречает еще издалека, на подходе, еще чуть ли не за тысячу шагов. Но Степан прав, целиться они не стремятся. Поэтому пулевой веер этот идет как бы в одной плоскости, понимаете? И если, допустим, пригнуться, то он пройдет над головами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.